

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Крымский юридический институт (филиал)

**КРЫМСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
«Обеспечение законности, правопорядка и общественной
безопасности в современных условиях»**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

4 июня 2026 года

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2026

УДК 340.12

ББК 67.0

К 85

Составители:

Герасимовский С.В. – заместитель директора Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Кравчук А.Ф. – начальник отдела библиографического обеспечения и издательской деятельности Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Рецензенты:

Басов А.В. – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Робак В.А. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

К 85 **Крымские юридические чтения. «Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях»** : сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 4 июня 2026 года) / под общ. ред. А.М. Зацепина; сост. С.В. Герасимовский, А.Ф. Кравчук. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2026. – 284 с.

ISBN 978-5-908161-80-0

Сборник Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях» включает в себя материалы о теории и практике обеспечения законности; деятельности органов прокуратуры, правоохранительных органов в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму; прокурорском надзоре за соблюдением прав и свобод человека в чрезвычайных ситуациях и обеспечении государственной и общественной безопасности.

Авторы анализируют актуальные юридические и социально-правовые аспекты и проблемы, возникающие перед государством и обществом в условиях современных вызовов и трансформации правовой системы.

Материалы сборника будут полезны для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется правом.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК: 340.12

ББК: 67.0

ISBN 978-5-908161-80-0

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2026
© ИТ «АРИАЛ»,
макет, оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Зацепина А.М., директора Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.....	8
---	---

РАЗДЕЛ I. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Мацкевич И.М., ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.....	10
Селивёрстов Л.С., заместитель прокурора Республики Крым.....	12
Ивлев Л.Г., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.....	14
Трофимов С.А., директор Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».....	15
Штехбарт А.Л., Уполномоченный по правам человека в Республике Крым.....	16
Капитонов С.В., заместитель прокурора Ростовской области.....	17
Колюка Н.Н., советник ректората ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».....	18

РАЗДЕЛ II. ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Абасов Г.Г. Понятие законности и прокурорский надзор: проблемы теории и практики.....	19
Аметка Ф.А. Международно-правовые меры борьбы с терроризмом в теневом интернет-сегменте «Даркнет» как фактор обеспечения мирового правопорядка.....	22
Аникин М.С. Противодействие использованию дипфейков в совершении преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты.....	28
Анкудинова Я.С. Доктринальные подходы к определению субъектов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.....	31
Анохин А.Н. О правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации как направлении укрепления законности в функционировании системы публичной власти Российской Федерации.....	35
Асейкин Р.В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	39
Ахметжанова К.В. Коллизии и пробелы в праве как объект прокурорского реагирования (теория и практика).....	40
Басинский А.М., Колесник Е.С., Лукавенко А.В. Процессуальный статус прокурора в гражданском судопроизводстве.....	43
Басов А.В., Басова Ю.Ю. Некоторые аспекты применения ограничительных мер в условиях чрезвычайных ситуаций.....	47

Белова О.И. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним за преступления террористической направленности.....	52
Бердинских С.В. Особенности административно-правовой охраны прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.....	55
Богодяж И.С. Противодействие экстремизму и терроризму в молодёжной среде: современные вызовы и роль правоохранительных органов и прокуратуры.....	58
Борецкая Л.Р. Искусственное изменение подсудности как способ злоупотребления процессуальными правами: проблемы квалификации и противодействия.....	62
Борисенко Е.А. Роль правового усмотрения в прокурорской деятельности в обеспечении законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях.....	67
Буткевич С.А. Анонимный терроризм как криминологический феномен: детерминанты, характеристика и подходы к противодействию.....	71
Герасимовский С.В. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью с участием военнослужащих.....	74
Глушак С.В., Мелешко С.И. Некоторые аспекты практики прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на досудебной стадии уголовного процесса.....	78
Губанова Е.В., Юрченко Л.В. Сравнительный анализ правовой регламентации борьбы с преступлениями экстремистской направленности в КНР и Российской Федерации.....	81
Дёрин Н.И. Понятие правосудия в уголовном судопроизводстве.....	84
Диденко О.Г., Склярова Е.В. Проблематика привлечения лиц к ответственности, предусмотренной ст. 20.3.1 КоАП РФ.....	89
Добрецов Д.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране окружающей среды, природопользовании и обеспечении экологической безопасности: становление, современное состояние и перспективы развития.....	91
Доброрез И.А., Доброрез М.И. Институт омбудсмана в России: история становления и перспективы развития.....	94
Задерейчук И.П. Использование прокуратурой материалов Нюрнбергского процесса для противодействия экстремизму в молодёжной среде.....	99
Зарипова В.А. Теория и практика обеспечения законности прокуратурой в суде апелляционной инстанции по уголовным делам.....	102
Заулочная С.А. Обращение в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы: юридическая сущность и назначение.....	104
Зацепин А.М. Современные вызовы противодействия терроризму и экстремизму: вопросы дополнительной квалификации преступлений в доктрине и правоприменении.....	107
Ибрагимова А.М. Законодательство о несовершеннолетних: история и современность.....	115
Кашкаров А.А. Участие в специальной военной операции как основание освобождения от уголовной ответственности.....	118

Комарова Е.А. Нарушение права на защиту как безусловное основание отмены приговора.....	122
Косян А.А. Некоторые меры специального предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ	126
Кулажников В.В. Органы прокуратуры в деятельности по предупреждению нарушений налогового законодательства.....	130
Кунц Е.В. Дефекты нравственного сознания в генезисе преступного поведения несовершеннолетних.....	133
Курышов И.С. Теория и практика обеспечения законности в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.....	135
Кустов М.Н. Нарушения законодательства, допускаемые администрациями исправительных учреждений при привлечении осужденных к труду.....	139
Лаврентьев Г.Г. Теория и практика обеспечения законности в части соблюдения требований антимонопольного законодательства в экологической сфере.....	142
Лапко Г.К. Некоторые особенности объективной стороны преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа.....	146
Латынин А.О. Теоретико-правовые основы обеспечения законности при делегировании волеизъявления алгоритмам	149
Лобач Д.В. Криминализация отрицания факта геноцида советского народа или его одобрения в российском законодательстве: причины уголовно-правового запрета и общий комментарий.....	152
Максимов В.А. Анализ международной практики подходов к управлению арестованными активами (Италия, Франция, Нидерланды, США и Великобритания).....	156
Мамченко Н.В. Режим чрезвычайной ситуации: проблемы терминологии.....	161
Марцинкевич В.В., Переплетчикова А.И. К вопросу о взаимосвязи функций государства (на примере практики Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры).....	164
Мещерякова В.И. О состоянии законности в сфере соблюдения прав детей-инвалидов.....	168
Морозова О.В. Противодействие правонарушениям и преступлениям несовершеннолетних в транспортной сфере.....	171
Назаренко Н.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: состояние, пробелы регулирования и направления совершенствования.....	175
Огурцова М.Л. Обеспечение безопасности обучающихся в образовательных организациях.....	179
Омельянович В.В. О направлениях совершенствования подготовки прокурорских кадров к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций.....	182
Осадчук Е.А. Принцип конституционной законности и его реализация.....	185

Острове́рхий Ю.А. Актуальные проблемы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства об информации.....	188
Паращевина Е.А., Гундерич Г.А. Нетипичные методы борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность их использования в России.....	190
Полохова В.А. Цифровизация и новые вызовы в деятельности прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму.....	193
Попик М.Ю. Место и роль прокуратуры в системе разделения властей: к вопросу о полномочиях прокуроров по применению мер административной ответственности.....	196
Попов С.В. Некоторые аспекты развития научных взглядов в сфере использования технологий искусственного интеллекта в деятельности государственных органов.....	198
Постриганов Е.А. Духовные основы обеспечения государственной безопасности.....	202
Потапова Л.В. Восстановление прав несовершеннолетних – детей участников СВО как направление обеспечения законности: роль прокуратуры.....	205
Робак В.А. Особенности квалификации террористического акта.....	209
Роловец И.А. Состояние преступности в сфере дистанционного мошенничества, в том числе совершенного с использованием искусственного интеллекта, и ее тенденции.....	212
Рыбцов П.А. Координация деятельности органов прокуратуры и иных правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации.....	215
Саранкина Ю.А. Подростковый экстремизм: сущность и профилактика.....	216
Сердюк А.Ю. Некоторые проблемные аспекты прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере здравоохранения.....	220
Сигнаевская В.В. Трансформация правосознания несовершеннолетних в цифровую эпоху как угроза законности: теоретико-антропологический аспект...	224
Спиридонов А.П. Цифровизация и проблемы противодействия терроризму и экстремизму.....	229
Страхова С.В. Об отдельных вопросах обеспечения прокурором законности при производстве предварительного расследования.....	232
Типпа З.А., Костылев В.В. Принцип неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений: проблемы реализации.....	237
Тюнин В.А. Особенности прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних.....	240
Филипенко А.С. Противодействие молодёжному экстремизму: правовые и организационные аспекты.....	244
Хилько И.Ю. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению безопасности детей в условиях чрезвычайных ситуаций.....	247
Худякова Н.В. Обеспечение законности при выборе способа управления многоквартирным домом: теория и практика.....	250
Шадрин И.А. Деятельность прокуратуры в условиях цифровой глобализации...	253
Шаипов Р.Р. Разграничение незаконных действий с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами (приобретение, хранение, перевозка) по признакам объективной стороны состава преступления.....	256

Шакирьянов М.М. К вопросу о деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях.....	260
Шеставин Д.А. Некоторые вопросы обеспечения органами прокуратуры законности при реализации конституционного права граждан на личное обращение.....	263
Ширяева Т.Ю. Генезис законности с момента становления Древнерусского государства, соотношение с публично-правовым принуждением.....	266
Шишкин О.Е. Правовой мониторинг как способ обеспечения законности: социолого-правовой подход.....	269
Штрикова А.А. Деятельность прокуратуры по обеспечению законности в сфере защиты прав несовершеннолетних на достойный уровень жизни.....	272
Яблоновская В.А. Об эволюции подходов к определению объекта преступления.....	276
Ягольницкий С.А. К вопросу об определении начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, при заключении государственного (муниципального) контракта на оказание охранных услуг.....	279
Яценко Ю.Н. Проблемы квалификации мошеннических действий по обналичиванию бюджетных средств, совершенных посредством заключения мнимых договоров.....	281

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Зацепин Александр Михайлович,
директор Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
советник юстиции,
доктор юридических наук, доцент

Уважаемые участники и гости конференции!

От имени Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и от себя лично приветствую вас на открытии Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения»!

На протяжении двенадцати лет «Крымские юридические чтения» неизменно остаются одной из самых востребованных площадок для конструктивного диалога между научным сообществом и правоприменительными органами – диалога, который из года в год доказывает свою эффективность и значимость.

Сегодня мы собрались для обсуждения вопросов, составляющих фундаментальную основу правового государства. В фокусе внимания – четыре ключевых направления: теория и практика обеспечения законности; деятельность органов прокуратуры и правоохранительных органов в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму; прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека в чрезвычайных ситуациях; комплексное обеспечение государственной и общественной безопасности.

Эти направления в современных условиях приобретают особую актуальность и требуют глубокого, многогранного осмысления как с теоретических, так и с практических позиций.

Крым, с его уникальным историческим и геополитическим положением, является символическим местом для проведения такого значимого мероприятия. Здесь, на перекрёстке правовых традиций, особенно сегодня, остро ощущается важность права как гаранта стабильности и безопасности.

На конференции присутствуют ведущие учёные, опытные практики органов прокуратуры, правоохранительных и судебных органов, представители государственной власти и общественных организаций.

И особенно приятно, что живой интерес к проблеме проявляют работники органов прокуратуры, среди которых много молодых специалистов, наших бывших выпускников. Тот факт, что сегодня здесь собралось так много

исследователей и практиков, красноречивее любых цифр доказывает: борьба с экстремизмом и терроризмом – это не архаичный раздел криминалистики, а живая, пульсирующая сфера юридической мысли, требующая новых смелых идей.

Уверен, что ваши доклады, выступления и конструктивная полемика в ходе конференции позволят выработать конкретные рекомендации, новые подходы и решения, которые будут востребованы в повседневной работе по укреплению правопорядка.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересных дискуссий, новых профессиональных знакомств и впечатлений! Пусть «Крымские юридические чтения» и в дальнейшем будут заметным событием в научно-практической жизни юридического сообщества России.

Объявляю Всероссийскую научно-практическую конференцию открытой.
Благодарю за внимание!

РАЗДЕЛ I. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Мацкевич Игорь Михайлович,
ректор Университета прокуратуры
Российской Федерации,
государственный советник юстиции 2 класса,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Почётный работник прокуратуры
Российской Федерации

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени коллектива Университета прокуратуры Российской Федерации и от себя лично рад приветствовать организаторов, участников и гостей ежегодной научно-практической конференции «Крымские юридические чтения». За годы своего проведения «Крымские юридические чтения» стали признанной научной площадкой для диалога между наукой и практикой, а также для обмена опытом и выработки совместных решений по наиболее актуальным вопросам правового регулирования и правоприменения.

Особая признательность – всем участникам, кто нашёл возможность присутствовать здесь лично или присоединился к нашей работе в дистанционном формате. Ваше участие подтверждает высокий интерес к теме конференции и готовность профессионального сообщества к конструктивному сотрудничеству. Ваш профессиональный вклад – залог того, что «Крымские юридические чтения» останутся авторитетным научным собранием для предложения новых идей и разработки востребованных практических рекомендаций.

Тема этого года – «Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях» – выбрана не случайно. Современная обстановка требует от юридического сообщества не просто оперативного реагирования на возникающие угрозы, но и глубокого, опережающего научного осмысления происходящих процессов. Именно поэтому главная цель конференции – объединение усилий ведущих учёных и практикующих юристов – видится сегодня актуальной, как никогда.

В решении государственных задач в сфере обеспечения правопорядка и безопасности ключевое место традиционно принадлежит органам прокуратуры. Являясь надёжной опорой государства, прокурорские работники сегодня обеспечивают не только верховенство закона и защиту прав граждан, но и обеспечивают координацию деятельности в сфере борьбы с преступностью.

Именно прокурорская практика аккумулирует наиболее «острые вызовы современности», требующие оперативного научно-методического обеспечения. Особо подчеркну, что без тесного взаимодействия учёных-юристов, работников прокуратуры, судей, следователей, законодателей невозможно достичь того уровня правового обеспечения, который нужен государству и обществу сегодня.

Уверен, что сформулированные в ходе конференции рекомендации послужат надежным фундаментом для обеспечения правопорядка, защиты прав граждан и совершенствования отечественного законодательства.

Республика Крым с её богатой историей и научными традициями вновь становится уникальной площадкой для открытого, конструктивного и плодотворного диалога.

Желаю всем участникам плодотворной работы, содержательных дискуссий, новых профессиональных связей и, что особенно важно, практических результатов, которые найдут применение в правоприменительной деятельности и учебном процессе! Пусть наша конференция станет ещё одним уверенным шагом в укреплении правового государства и обеспечении безопасности общества.

Селивёрстов Леонид Сергеевич,
заместитель прокурора Республики Крым,
старший советник юстиции

Уважаемые участники!

Рад приветствовать вас на Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях».

12 января 1722 года в соответствии с Именным Высочайшим Указом Петра I была учреждена Российская прокуратура. При создании прокуратуры Петром I перед ней ставилась задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах неправосудия, взяточничества и беззакония».

С тех пор и по настоящее время основной функцией прокуратуры является правозащитная.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», закрепляя функции и полномочия органов прокуратуры, определяет основные цели деятельности государственного органа – это обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Государство посредством органов прокуратуры осуществляет верховенство законов, обеспечение правопорядка.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые показатели деятельности прокуратуры.

Прокуратурой Республики Крым в 2025 году выявлено более 76 тыс. нарушений законов, принесено около 7 тыс. протестов, внесено 15 тыс. представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 7 тыс. лиц, по постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено более 3 тыс. лиц, предостережено о недопустимости нарушения закона более 3 тыс. лиц. По материалам прокурорских проверок возбуждено 204 уголовных дела, направлено более 3 тыс. исков в суд. Принятыми мерами защищены права более 14 тыс. граждан, а также интересы неограниченного круга лиц.

За 2025 год в прокуратуру обратилось более 77 тыс. человек.

В центре внимания прокуроров находились вопросы соблюдения законодательства в сферах здравоохранения, оплаты труда, защиты прав участников специальной военной операции и членов их семей.

По-прежнему в центре внимания прокуроров находятся вопросы соблюдения прав несовершеннолетних, в том числе детей-сирот и лиц из их

числа. По результатам принятых мер восстановлены права более 300 детей-инвалидов на льготное лекарственное обеспечение. На постоянном контроле прокуратуры республики находятся вопросы обеспечения благоустроенным жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа. Прокуратура добилась выделения 2 млрд рублей на жилье детям-сиротам в 2026 году. Благодаря вмешательству прокуратуры погашены долги по заработной плате на общую сумму в размере 169 млн рублей.

Приоритетными продолжали оставаться вопросы расходования бюджетных средств, возвращения имущества в государственную собственность, функционирования жилищно-коммунального комплекса. Прокурорами продолжена системная работа по снижению административной нагрузки на бизнес со стороны контролирующих органов.

После вмешательства прокуроров перед добросовестными предпринимателями погашена задолженность в размере более 931 млн руб.

Реализуя полномочия по защите в судебном порядке прав и свобод граждан, прокурорами направлено почти 3 тыс. исковых заявлений. Судами республики с участием государственных обвинителей рассмотрено более 8 тыс. уголовных дел в отношении более 9 тыс. лиц.

В результате принятых мер координационного характера криминогенная обстановка в Крыму оставалась стабильной.

Общая раскрываемость преступлений в Крыму возросла, число привлеченных ранее судимых лиц сократилось.

Работа прокурора многогранна и разнообразна, о чём свидетельствует и программа нашей конференции.

В докладе невозможно отразить все жизненные ситуации, с которыми может столкнуться человек.

Но хотелось бы отметить, что предусмотренные законом полномочия прокурора являются действенным инструментом для реальной защиты прав человека.

Желаю участникам конференции интересной и плодотворной работы!

Ивлев Леонид Григорьевич,
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации рад приветствовать организаторов, участников и гостей Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения».

Говоря о практическом значении обсуждаемых сегодня вопросов, в качестве примера эффективного сотрудничества законодательной власти и правоприменителей могу привести наше конструктивное взаимодействие с прокуратурой Республики Крым. Граждане обращаются к нам по самым разным вопросам: от обеспечения жильем и трудоустройства до оказания всесторонней помощи семьям погибших военнослужащих. Благодаря совместной работе с руководством республиканской прокуратуры – Олегом Анатольевичем Камшиловым и Леонидом Сергеевичем Селивёрстовым – ни одно обращение граждан не остается без оперативного принятия действенных мер.

Безусловно, Государственная Дума продолжит системную работу по совершенствованию законодательства и поддержке тех, кто стоит на страже закона. Так, в декабре 2025 года были приняты важные изменения в Федеральный закон «О ветеранах», согласно которым статус ветеранов и участников боевых действий был распространен на сотрудников прокуратуры Российской Федерации, выполняющих задачи в условиях боевых действий.

Для сотрудников, проходивших службу на территориях Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики, этот статус признается с 2018 года – с момента провозглашения их независимости. В отношении Херсонской и Запорожской областей – с октября 2022 года, после проведения исторических референдумов и вхождения регионов в состав Российской Федерации. Государство обязано в полном объеме заботиться о сотрудниках органов прокуратуры, которые, рискуя жизнью, выполняют важнейшие задачи по охране правопорядка и защите прав граждан в зоне проведения специальной военной операции.

Уверен, что проводимая конференция даст мощный импульс не только развитию научных новаций и методических разработок, столь необходимых в преподавательской деятельности, но и позволит сформулировать конкретные предложения, которые в дальнейшем могут лечь в основу законодательных инициатив. Корпус депутатов Государственной Думы готов оказать экспертную поддержку вашим начинаниям.

Желаю всем участникам конференции успехов, плодотворной работы и удачи!

Трофимов Сергей Анатольевич,
директор Крымского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
доктор юридических наук, доцент

**Уважаемые коллеги, участники
Всероссийской научно-практической конференции!**

Заявленная тема научно-практической конференции имеет глубокое символическое и практическое значение, отражая ключевые этапы развития Республики Крым за последние двенадцать лет. Многие из присутствующих в этом зале коллег являлись непосредственными участниками процессов государственного и правового строительства на полуострове, начавшихся в марте 2014 года.

Переходный период потребовал реализации сложнейших задач по гармонизации двух исторически различающихся правовых систем – унитарного и федеративного государств. При этом ключевым вектором модернизации выступало безусловное обеспечение и защита конституционных прав и свобод двух миллионов жителей Республики Крым.

Становление регионального законодательства происходило в условиях тесной интеграции академического сообщества и правоприменителей. Представители науки, в том числе профессорско-преподавательский состав Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, приняли непосредственное участие в подготовке проекта Конституции Республики Крым и десятков базовых региональных законов. Вклад юридической науки в формирование правового поля региона является фундаментальным и неоспоримым.

Высокое качество нормативно-правовой базы республики – это результат системного ежедневного взаимодействия научного сообщества с органами государственной власти и руководством прокуратуры Республики Крым. Свидетельством эффективности данной работы служат сведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов РФ, ведение которого осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации. На протяжении многих лет число законов Республики Крым, не соответствующих Конституции РФ и федеральному законодательству, неизменно сводится к нулю. Этот серьезный аналитический показатель – общая заслуга и повод для гордости всего юридического сообщества региона.

Уверен, что конференция пройдет в ключе конструктивного диалога. Желаю всем участникам плодотворной работы и успешной научно-практической деятельности!

Штехбарт Александр Людвигович,
Уполномоченный по правам человека
в Республике Крым

Уважаемые участники научно-практической конференции!

От имени аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Крым и всего сообщества государственной и общественной правозащиты рад приветствовать вас на открытии Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях»!

Сегодня, в период масштабной трансформации правовой системы, социальный запрос общества на комплексное обеспечение безопасности стоит на повестке дня, как никогда остро. В условиях современных вызовов и угроз существует объективная необходимость консолидации усилий и конструктивного взаимодействия всех органов государственной власти, правоохранительных структур, академического сообщества и институтов гражданского общества в вопросах укрепления законности и защиты прав человека.

Крайне важно и актуально, что на столь авторитетных научно-практических площадках поднимаются вопросы, напрямую звучащие в обращениях, поступающих в адрес Уполномоченного по правам человека. Государство, действуя в тесном и ежедневном межведомственном взаимодействии с органами прокуратуры и другими правоохранительными институтами, обязано принимать исчерпывающие, законные и справедливые меры для минимизации этих последствий. Только совместными усилиями мы сможем обеспечить правовую стабильность и сделать нашу страну, в том числе Республику Крым, более безопасной.

Уверен, что проведение «Крымских юридических чтений», объединивших ведущих учёных и практиков со всей России, позволит выработать эффективные решения, направленные на развитие отечественного законодательства.

Желаю всем участникам конференции продуктивной работы, ярких выступлений, содержательных дискуссий и достижения высоких практических результатов!

Капитонов Сергей Владимирович,
заместитель прокурора Ростовской области,
старший советник юстиции

Уважаемые коллеги, участники конференции!

От имени прокуратуры Ростовской области благодарю за приглашение для участия в сегодняшней конференции, проведение которой уже стало традицией.

Значимость вопросов, вынесенных сегодня на обсуждение, трудно переоценить: в условиях современных геополитических вызовов и активизации деструктивных сил экстремистская и террористическая угрозы остаются одними из главных факторов дестабилизации конституционного строя и подрыва национальной безопасности Российской Федерации.

Деструктивный контент, вербовочные материалы, призывы к насильственным действиям активно распространяются в сети Интернет, образуя благоприятную почву для радикализации отдельных социальных групп, в первую очередь молодёжи. Огромную роль играет профилактическая работа в данном направлении, в том числе в рамках координационной деятельности. Именно на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов вырабатывается единая стратегия упреждающего реагирования. В результате слаженного взаимодействия с органами правопорядка обеспечивается сдерживание деструктивных сил и неотвратимость наказания за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

В этих условиях прокурорский надзор выступает не просто формой контроля, а ключевым инструментом обеспечения единства правового пространства, консолидации усилий всех силовых и государственных структур.

Справедливо отметить, что для выработки грамотных, взвешенных решений необходим глубокий анализ теоретических основ и судебной практики, обсуждение указанных вопросов в рамках научных совещаний.

Колюка Николай Николаевич,
советник ректората ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»,
кандидат юридических наук, доцент

Уважаемый Александр Михайлович!
Уважаемые участники конференции!

От коллектива ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» сердечно приветствую вас и поздравляю с важным событием – проведением Всероссийской научно-практической конференции «Крымские юридические чтения. Обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности в современных условиях»!

Конференция поистине всероссийского масштаба стала не только ежегодной традицией Крымского юридического института, но и одной из самых авторитетных интеллектуальных дискуссионных площадок для обсуждения ключевых вопросов юридической науки и практики, деятельности органов законности и правопорядка, общественной и национальной безопасности. Невозможно переоценить значение этой инициативы и актуальность заявленных тематик особенно в условиях усиления существующих и появления новых вызовов и угроз безопасности и социальной стабильности.

Сегодня участниками конференции являются представители научного и юридического сообщества Крыма и России, правозащитных, правоохранительных и судебных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций и, конечно, образовательных учреждений, а на повестке стоят серьезные вопросы правозащитной деятельности, в том числе противодействия экстремизму и терроризму, обеспечения государственной и общественной безопасности. Уверен, что конструктивная работа, плодотворная научная дискуссия, предлагаемые пути решения рассматриваемых на конференции задач позволят не только обменяться опытом, но и найти нужные практические подходы, выработать предложения по дальнейшему межведомственному взаимодействию и комплекс мер, направленных на укрепление правовой базы, обеспечение защиты прав и свобод граждан, повышения безопасности и качества их жизни.

Благодарю инициаторов и организаторов конференции за приглашение в адрес Университета. Без сомнения, участие в столь значимом мероприятии станет полезным для наших студентов, молодых специалистов и научных деятелей и будет способствовать дальнейшему продуктивному сотрудничеству. Желаю всем участникам конференции активной и плодотворной работы, обогащения новыми знаниями и компетенциями! Конструктивных дискуссий, выверенных решений и новых достижений!

РАЗДЕЛ II. ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Абасов Гафис Гасан оглы,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Законность – фундаментальная юридическая категория, которая является критерием правовой жизни общества и граждан. Это комплексное политико-правовое явление, отображающее правовой характер организации общественной жизни, органической связи права и власти, права и государства [1].

В теории законности много дискуссионных проблем. Значительные разногласия вызывает определение законности. В научной литературе предложено несколько десятков вариантов, что обусловлено как объективными (сложность, абстрактность, многогранность рассматриваемого явления), так и некоторыми субъективными причинами. Законность понимается и как идея, и как требование общеобязательности права, и как принцип (это один из основных принципов организации и деятельности аппарата государства, один из основных принципов права), и как свойство юридической деятельности, которое выражается в ее соответствии правовым нормам, и как метод государственного руководства обществом (государство осуществляет управление обществом путем издания разнообразных нормативно-правовых актов, обеспечивает реализацию содержащихся в них норм права), и как режим общественной жизни (достаточно часто применяемая характеристика) или как-либо иначе [2].

Несмотря на постоянное внимание юридической науки к проблемам законности, достаточно разработанной ее назвать нельзя по трем причинам: во-первых, по-прежнему неоднозначно трактуются основные положения законности (ее понятие, принципы, требования); во-вторых, новые подходы к правопониманию неизбежно сказываются на трактовке содержания этой категории (считать ли нормативной основой законности любой закон или только «правовой»); в-третьих, в России изменился общественно-политический строй, возникло принципиально иное (по сравнению с прежним) государство, что обусловило новые подходы к изучению и кардинальный пересмотр основополагающих понятий и категорий юриспруденции, в т.ч. и законности.

В советский период нашей истории законность рассматривалась в контексте соблюдения советских законов. Понимание законности, типичное для советского периода развития юридической науки, определялось не только официальной идеологией марксизма-ленинизма, но и имело некоторые исторические корни, в числе которых коллективистское мировоззрение, характерное для отечественной правовой традиции [3].

На этапе перехода от теории социалистической законности к ее постклассическому [4] пониманию сформировалось более комплексное, чем прежде, восприятие законности и ее оценка. Законность рассматривается во взаимосвязи с другими правовыми явлениями. Ученые, исследующие теоретические вопросы законности, отмечают сложность и неоднозначность трактовки данного понятия в современных условиях. Законность сегодня рассматривается ими как мера действия закона, определенная степень его фактической реализации. Это понятие охватывает не только собственно законы, но и иные нормативные правовые акты [5], источники права, санкционированные государством [3]. В последнее время все более распространенным становится рассмотрение законности в широком смысле, охватывающем и правотворческую, и правоисполнительную, и правоприменительную сферы.

На современном, постклассическом этапе развития юридической науки понимание ряда основополагающих правовых понятий несколько отличается от советской эпохи, в том числе понятия законности [6]. На современном этапе имеется достаточно много работ, посвященных проблеме определения законности. Ученые, исследующие теоретические вопросы законности сегодня, также отмечают сложность и неоднозначность трактовки данного понятия в современных условиях.

В целом с развитием юридической науки меняются и представления ученых-теоретиков о законности, ее содержании, особенностях и месте в системе правовых понятий. Современный методологический плюрализм детерминирует и неоднозначное восприятие законности, которое оказывается тесно связано с соответствующим типом правопонимания. Общие взгляды ученого на право, его сущность и роль в обществе определяют и отношение к законности, трактовку этого понятия. Представляются вполне обоснованными концепции тех современных ученых, которые связывают законность не только с правоприменением, но и с правотворчеством, а также с правовым поведением.

Матузов Н.И., Малько А.В. считают, что, несмотря на всю свою многогранность, законность имеет достаточно простое и краткое определение. Под законностью понимается строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права существующих в стране законов и основанных на них подзаконных нормативных актов [7]. Ключевым словом здесь выступает соблюдение. Именно в нем изначальный смысл и суть рассматриваемого явления в любой его интерпретации. Нет соблюдения – нет и законности. Иначе говоря, речь идет о соответствии действий и поступков всех участников общественных отношений требованиям юридических норм. Чем выше степень этого соответствия, тем выше уровень законности, тем она прочнее и устойчивее. Отсюда законность – «это реализующееся право» (С.С. Алексеев). Право, законы – естественная почва законности, ее питательные корни. Такое понимание законности было преобладающим в советское время, как, впрочем, и раньше. Остается оно в принципе в силе (с различными вариациями) и сейчас [8].

Считаем необходимым согласиться с учеными, потому что именно в этом значении законность и определяет содержание прокурорского надзора. Статья 129 Конституции Российской Федерации гласит, что прокуратура Российской

Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Прокурорский надзор выступает как средство обеспечения законности. То есть обеспечение законности – это практическое проявление прокурорского надзора.

Одним из важных аспектов содержания законности является правопорядок. При рассмотрении понятия правопорядка необходимо исходить из того, что законность является основой правопорядка. Правопорядок основан на праве и представляет собой результат его реализации. Правопорядок – это результат реализации норм права, которая является одним из характеризующих элементов содержания законности как основы правопорядка, целью которой выступает установление правопорядка.

Таким образом, понятие законности как строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права существующих в стране законов и основанных на них подзаконных нормативных актов наиболее соответствует содержанию прокурорского надзора. Поэтому одной из важных задач прокуратуры Российской Федерации является обеспечение законности и правопорядка.

Библиографический список:

1. Теория государства и права : учебник для вузов / Алексеев С.С. и др. ; отв. ред. В.Д. Перевалов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2011. – 495 с.
2. Лазарев, В.В., Липень, С.В. Теория государства и права : учебник для вузов. – М. : Издательство «Спарк», 1998. – 448 с.
3. Принцип законности: современные интерпретации : монография / под ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.А. Малиновского. – М. : Проспект, 2019. – 168 с.
4. Залоило, М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели / М.В. Залоило // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 22–37.
5. Законность: теория и практика : монография / М.С. Андрианов, С.А. Боголюбов, Н.Д. Бут и др. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. – 3-е изд. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая Фирма Контракт, 2017. – 400 с.
6. Пашенцев, Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 5–13.
7. См. также: Лазарев, В.В., Липень, С.В. Теория государства и права : учебник для вузов. – М. : Издательство «Спарк», 1998. – 448 с.; Абдулаев, М.И. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений. – М. : Финансовый контроль, 2004 – 410 с. (Серия «Учебники для вузов»); Бошно, С.В. Теория государства и права. – М., 2007; Чашин, А.Н. Теория государства и права. – М., 2008.
8. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – С. 409.

Аметка Фатма Аблямитовна,
 доцент кафедры теории
 и истории государства и права
 Крымского юридического института
 (филиала) Университета прокуратуры
 Российской Федерации,
 кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В ТЕНЕВОМ ИНТЕРНЕТ-СЕГМЕНТЕ «ДАРКНЕТ» КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Значимость рассматриваемой тематики определяется стремительным переносом преступной деятельности в виртуальное пространство. В условиях повсеместной цифровизации передовые достижения в области информационно-коммуникационных технологий стали неотъемлемой частью арсенала злоумышленников, формируя новую парадигму преступности в цифровой среде, представляя собой глобальную угрозу для жизни и здоровья граждан, национальной безопасности государств и всего мирового правопорядка [1]. Юрий Коков, занимающий пост заместителя секретаря Совета безопасности Российской Федерации, подчеркивает, что «по своим потенциальным разрушительным последствиям цифровой терроризм в скором времени может достигнуть уровня, сравнимого с оружием массового уничтожения» [2, с. 175], о чем убедительно свидетельствует отчет Специального докладчика ООН по вопросам торговли детьми, их сексуальной эксплуатации и сексуального насилия над ними, в котором указывается, что «более 300 миллионов детей в год становятся жертвами преступлений в Интернете, и отмечается, что наибольшую опасность представляет факт вербовки, сексуального насилия и эксплуатации детей в цифровой среде», подчеркивается глобальный масштаб и особая опасность указанных процессов и, прежде всего, для самой уязвимой категории – несовершеннолетних [3]. Так, Комитет ООН по борьбе с терроризмом зафиксировал значительный рост числа несовершеннолетних, вовлекаемых в террористическую деятельность. Через различные информационные платформы экстремистские группировки успешно вербуют молодежь, опережая государственные меры противодействия. Шокирующие данные ООН свидетельствуют о том, что в 2026 году 42% всех лиц, проходящих по делам о терроризме в Европе и Северной Америке, были несовершеннолетними, что является трехкратным увеличением по сравнению с предыдущим годом. В Европе 20–30% контртеррористических расследований связаны с подростками в возрасте 12–13 лет [4].

В свою очередь, региональное антитеррористическое подразделение Шанхайской организации сотрудничества также констатирует резкий рост активности террористических и экстремистских организаций в Интернете и особенно в теневых его сегментах и отмечает, что 80% публикуемой информации может быть использовано для подготовки терактов, что подчеркивает масштабное вовлечение современных террористических и экстремистских группировок в

информационную войну с использованием широкого спектра информационных инструментов и тактик [5, с. 436]. Происходит стремительная модификация каналов распространения террористической идеологии, которая мигрировала в цифровую среду Интернета, выступающего в качестве основного, а в ряде случаев и единственного источника получения информации для значительной части молодого поколения. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий, которые характеризуются свободой и простотой доступа, широкой аудиторией пользователей, высокой скоростью распространения информации, способной охватить одновременно разные континенты, богатой мультимедийной средой и относительно низкой стоимостью, а также возможность обеспечения практически полной анонимности делает их привлекательными для террористических организаций [6, с. 30].

Следует признать более угрожающую и опасную тенденцию, свидетельствующую о том, что организованная преступность и террористические организации всё активнее используют скрытый сегмент Интернета, так называемую «темную паутину» (Darknet/Dark Web) [7, с. 52]. Количество новых пользователей теневого ресурса, доступ в который возможен только с помощью специальных программ шифрования, например программы-браузера «Tor», стремительно возрастает на 100 миллионов в год [7, с. 53]. Их привлекает анонимность трафика, обеспечиваемая посредством применения многоуровневого кодирования: «Так каждый пакет данных, попадающий в систему, проходит через три различных прокси-сервера – узла, которые выбираются случайным образом», – как указывает О.А. Дворянкин [8, с. 14]. Таким образом, «Tor-службы являются неотъемлемым свойством «Глубокой Сети» (Deer Web) – неиндексируемый поисковыми машинами, что позволяет передавать информацию без опасений её перехвата или подмены», – как отмечает С.Е. Бурцев [9, с. 3].

Наибольшую известность теневой сегмент Интернета приобрел у сторонников запрещенных экстремистских и террористических идеологий, которые используют «темный» Интернет для общения, вербовки и пропаганды, позволяя этим группам общаться и координировать свою деятельность. «Конфиденциальность, обеспечиваемая «Даркнетом», позволяет террористическим группам радикализировать, вооружать отдельных лиц и вербовать их, будучи не обнаруженными», – отмечает А.П. Кочетов [10, с. 122].

Согласно анализу К.А. Лебедевой, посвященному нелегальному обороту запрещенных предметов в Интернете, после наркотиков второе место по объему занимает незаконная продажа оружия, его комплектующих и боеприпасов. Исследование также приводит статистику, согласно которой среди наиболее активных пользователей «Даркнета» выделяются граждане США (34,81%), России (11,46%), Германии (7,16%), Нидерландов (6,92%) и Франции (3,29%) [11, с. 1061].

Таким образом, как указывает Д.В. Жмуров: «Наблюдается формирование нового криминального феномена, именуемого «Даркнетом», символизирующего начало массовой «цифровой миграции» преступности из реального измерения в виртуальное, который заменил современную преступность и представляет теневой рынок с многомиллионными оборотами, который активно используют

террористические группировки с целью пропаганды, рекрутинга и наращивания финансовой мощи» [12, с. 89].

Как указывает О.А. Дворянкин: «В «Даркнете» террористические группы могут найти практически любые необходимые рекомендации и улучшенные схемы для повышения эффективности своей деятельности, среди них: легализация преступно заработанных доходов, шифруемые каналы связи, наем исполнителей, включая потенциальных смертников для террористических атак в реальном мире и кибератак, любую подробную информацию по изготовлению взрывчатых веществ и оружия массового поражения, руководства по вербовке, тренировке, психологической обработке, формированию мотивации у террористов» [8, с. 15].

Сарычев А.В., Архипцев И.Н., Сополева Д.М. указывают: «Как правило, любой террористический акт совершается с применением оружия, взрывных устройств, взрывных веществ, которые проблематично приобрести в открытом доступе, однако криминальные и террористические группировки легко могут их приобрести в теневом сегменте Интернета». В «Даркнете» не представляет особой сложности найти информацию по «изготовлению в домашних условиях взрывчатых веществ, самодельных бомб, поясов шахида, с помощью простых поисковых запросов можно найти технологии под любой бюджет и степень подготовленности человека, а оплата за указанные услуги осуществляется с помощью криптовалют, в основном BitCoin, использование которых также обеспечивает беспрецедентную анонимность и невозможность обнаружения и контроля прохождения платежа, поскольку не имеет правовой и финансовой связи ни с одним государством» [13].

Следует отметить, что теневой сегмент «Даркнет» представляет особую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Так, в научном исследовании «Преступный мир Darknet» Л.И. Романова на основе анализа контента популярных русскоязычных сайтов «теневого Интернета» и различных его разделов установила, что, кроме незаконных предложений товаров и услуг по продаже детей, оружия, наркотиков, поддельных документов, функционирует раздел «Даркнета» «Политика: власть и противодействие ей», в котором публикуются информационные листовки на темы «Тактика Русского Национально-Освободительного Движения», «Как подготовиться к войне?», «Какой Вы представляете себе революцию в России?», «Снайперский терроризм» [7], что может служить фундаментом подготовки террористических актов, направленных против интересов Российской Федерации. В условиях активизации деятельности недружественных стран и происков террористических группировок вербовка несовершеннолетних может привести к подрыву основ государственного строя, доверия к власти и подстрекательству к так называемым «цветным революциям».

Теневой сегмент Интернета, именуемый «Даркнетом», позволяет террористическим организациям анонимно и безнаказанно осуществлять свою незаконную деятельность по поддержанию внутренней коммуникации и внешнему распространению террористической идеологии, по вербовке и обучению, сбору средств и проведению финансовых операций в целях закупки оружия, наркотиков, подкупа и подрыву основ государственного строя [14].

В связи с этим как на международном, так и на национальном уровнях предпринимаются попытки борьбы и противодействия указанным негативным глобальным угрозам. В частности, в рамках проведенных Центром изучения региональных угроз исследований указывается, что «в ООН предпринимаются комплексные усилия и совместные мероприятия по борьбе с «анонимностью «темной паутины», особое внимание уделяется борьбе с незаконной торговлей стрелковым оружием, легкими вооружениями и торговле наркотиками и финансированием терроризма» [15]. Борьба с киберпреступностью и с теневыми сегментами Интернета является одним из ключевых направлений деятельности ООН на современном этапе, в связи с чем в целях укрепления международного сотрудничества в борьбе с некоторыми преступлениями, совершаемыми с использованием систем информационных и коммуникационных технологий, осуществления эффективного обмена данными и доказательствами в электронной форме по тяжким преступлениям 24 декабря 2024 года в Нью-Йорке резолюцией 79/243 Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Конвенцию Организации Объединенных Наций о борьбе с киберпреступностью, которая является первым всеобъемлющим глобальным договором, закрепляющим меры по предотвращению киберпреступности и борьбе с ней [16].

Управление ООН по вопросам разоружения (UNODA) уделяет пристальное внимание борьбе с теневыми платформами Интернета. В частности, была изучена платформа «Даркнет» и установлено, что она способствует незаконной торговле оружием, в том числе и террористическим организациям, создает серьезные проблемы для правоохранительных органов и механизмов глобальной безопасности [14]. Важно отметить, что проблема «Даркнета» как угрозы безопасности рассматривается не только UNODA, но и другими структурами ООН, например «Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), которое также анализирует риски, связанные с использованием «Даркнета» для торговли наркотиками и другими преступными целями» [17].

Борьба с терроризмом и запрещенным контентом в Интернете ведется на национальном уровне, однако защищенность, анонимность «Даркнета» требует более эффективных решений, и здесь на первый план выходит международное сотрудничество правоохранительных органов, уже доказавшее свою результативность. Так, «в рамках международной операции, проведенной правоохранительными органами из стран Европы, Южной Америки, Азии и США под кодовым названием «Операция RapTor», направленной против продавцов и покупателей в «Даркнете», правоохранительные органы арестовали 270 человек из 10 стран, было изъято более 207 млн долларов наличными и в криптовалюте, более двух тонн наркотиков (включая амфетамины, кокаин, кетамин, опиоиды и каннабис) и более 180 единиц огнестрельного оружия. Правоохранительные органы, используя оперативную информацию, собранную после захвата нескольких «Даркнет»-маркетплейсов, установили личности подозреваемых (многие из которых участвовали в тысячах незаконных сделок). Следует отметить, что RapTor – не первая международная операция правоохранителей такого рода. В 2023 году власти сообщали об операции SpesTor, в результате которой были арестованы 288 продавцов и покупателей

«Даркнет»-сайтов, а полиция конфисковала 55,9 млн наличными и в виде криптовалюты» [18].

Российская Федерация активно осуществляет меры по противодействию и борьбе с распространением идеологии терроризма. Кроме специальных масштабных операций, проводимых МВД, ФСБ и Следственным комитетом, как, например, спецоперация, «результатом которой стало задержание семи человек, подозреваемых в организации работы «Даркнет»-маркетплейса, через который распространялись наркотические вещества и предлагались криминальные услуги» [19], Роскомнадзор как орган, ответственный за блокировку сайтов, использует схему блокирования либо по IP, либо по адресу URL. Однако, так как в «Даркнете» не используется стандартное пространство адресации, то заблокировать «Даркнет» практически невозможно. Это не удастся даже КНР, имеющей наиболее разработанную систему блокировки. Следовательно, как указывает Н.А. Яковлев: «Единственным эффективным методом является не блокировка Darknet-сайтов, которая технически сложна, и ее легко обойти, а работа с потенциальным потребителем негативной информации в «теневом Интернете» [20, с. 52].

Быстрый рост цифровой преступности и терроризма в теневом сегменте Интернета, известном как «Даркнет», представляет собой одну из наиболее острых угроз для национальной и международной безопасности. Современные информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие анонимность, скорость и глобальный охват, стали мощным инструментом в руках преступников и террористических организаций. Они используют Даркнет для вербовки, пропаганды, обмена опытом, закупки оружия и финансирования своей деятельности, что позволяет им действовать практически безнаказанно и вне досягаемости традиционных методов расследования. Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних и молодежи, которые становятся легкой мишенью для экстремистской пропаганды и вербовки через цифровые платформы. Это не только подрывает основы государственного строя, но и формирует новое поколение преступников, радикализованных в виртуальной среде.

В этих условиях эффективная борьба с цифровой преступностью и терроризмом невозможна без тесного международного сотрудничества, постоянного совершенствования законодательной базы и внедрения современных технологий в работу правоохранительных органов. Российская Федерация активно участвует в этом процессе, реализуя комплексные меры по противодействию киберугрозам, включая создание специализированных подразделений, проведение масштабных операций и разработку международных соглашений. Однако только объединение усилий всех государств, развитие новых методов расследования и повышение цифровой грамотности населения позволят снизить уровень угроз, исходящих из «Даркнета», и обеспечить безопасность граждан в условиях стремительной цифровизации общества.

Библиографический список:

1. Совбез РФ предупредил о наступлении эры цифрового терроризма. — URL: <https://tass.ru/politika/6565458> (дата обращения: 14.04.2026).

2. Аметка, Ф.А. Использование искусственного интеллекта в противодействии и борьбе с преступностью: отечественный и зарубежный опыт / Ф.А. Аметка // *Право и государство: теория и практика*. – 2025. – № 7. – С. 175–178.
3. Спецдокладчик ООН: дети подвергаются повышенному риску сексуального насилия в интернете. Новости ООН от 11 октября 2024. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/10/1457276> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Радикалы и террористы переключились на вербовку детей через игровые платформы. 11 февраля 2026 г. – URL: <https://aYug-RD7VhuwbrhI> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Брылева, Е.А. Интернет как средство террористической пропаганды / Е.А. Брылева // *Advances in Law Studies*. – 2016. – Т. 4. – № 4. – С. 436–439.
6. Жаворонкова, Т.В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями / Т.В. Жаворонкова // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2015. – № 3 (178). – С. 30–36.
7. Романова, Л.И. Преступный мир Darknet / Л.И. Романова // *Юридическая наука и практика*. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 52–60.
8. Дворянкин, О.А. Даркнет – темная сторона Интернета, или неужели так все плохо? / О.А. Дворянкин // *Национальная Ассоциация Ученых*. – 2021. – № 71. – С. 14–20.
9. Бурцев, С.Е. Причины роста числа российских пользователей анонимной сети Тог и влияние PR-кампаний на интерес к скрытым интернет-сервисам / С.Е. Бурцев // *ИТпортал*. – 2017. – № 4 (16). – С. 3.
10. Кочетов, А.П. Цифровой мир криминала. Преступления в даркнете и их последствия / А.П. Кочетов // *Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Омск, 23 мая 2023 года*. – Омск : Омская академия МВД России, 2023. – С. 121–123.
11. Лебедева, К.А. Проблема преступности в сети Даркнет и возможные пути решения / К.А. Лебедева // *Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей»*, Санкт-Петербург, 30 мая 2024 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 1061.
12. Жмуров, Д.В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования / Д.В. Жмуров // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. – 2020. – № 1 (27). – С. 89–98.
13. Сарычев, А.В., Архипцев, И.Н., Сополева, Д.М. Проявление экстремизма в «Даркнете» и меры борьбы с ним / А.В. Сарычев, И.Н. Архипцев, Д.М. Сополева // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2023. – № 3 (96). – URL: [file://C:/Users/Admin/Downloads/proyavlenie-ekstremizma-v-darknete-i-mery-borby-s-nim%20\(2\).pdf](file://C:/Users/Admin/Downloads/proyavlenie-ekstremizma-v-darknete-i-mery-borby-s-nim%20(2).pdf) (дата обращения: 18.04.2026).

14. Даркнет как фактор террористической деятельности. Центр изучения региональных угроз. – URL: <https://crss.uz/2024/07/04/darknet-kak-faktor-terroristicheskoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 14.04.2026).

15. Программа действий ООН по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней. A/CONF.192/15. – URL: <https://www.un.org/ru/events/smallarms2006/actions.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).

16. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с киберпреступностью 2024 г. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/convention/home.html> (дата обращения: 04.05.2026).

17. Киберпреступность в Даркнете. Угрозы для Юго-Восточной Азии. – URL: <https://www.unodc.org/roseap/uploads/archive/documents/darknet/index.html> (дата обращения: 03.05.2026).

18. Операция RapTor: арестованы 270 продавцов и покупателей даркнет-маркетплейсов. – URL: <https://haker.ru/2025/05/23/raptor/> (дата обращения: 02.05.2026).

19. Задержаны 7 организаторов даркнет-сети: выявлены преступные методы из IT-сферы. – URL: // <https://dzen.ru/a/aCx5PokWWVMqj-W> (дата обращения: 02.05.2026).

Аникин Михаил Сергеевич,
заместитель прокурора
Железнодорожного района
г. Екатеринбурга Свердловской области

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДИПФЕЙКОВ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цифровая трансформация общественных отношений, сопряженная с бурным развитием технологий искусственного интеллекта, породила новые угрозы общественной безопасности. Одной из наиболее опасных тенденций последних лет стало массовое распространение и криминальное использование дипфейков – синтезированных с помощью нейросетей изображений, аудио- и видеоматериалов, практически неотличимых от подлинных. Если изначально данная технология рассматривалась как инструмент индустрии развлечений, то сегодня она активно применяется для совершения тяжких и особо тяжких преступлений: мошенничества, вымогательства, дискредитации личности и государственной власти.

Актуальность темы обусловлена беспрецедентным ростом числа подобных преступлений и инцидентов. По данным исследования Международной ассоциации Global Fact-checking Network (GFCN), только за первый квартал 2025 года в России было выявлено более 60 уникальных дипфейков и 2,3 тысячи их копий. Это составляет 67% от общего количества,

обнаруженного за весь 2024 год, и в 2,6 раза превышает показатели 2023 года. За девять месяцев 2025 года общее число зафиксированных случаев применения опасных дипфейков выросло в 4,1 раза, достигнув 342 инцидентов, при этом 79% поддельных видео используют образы публичных должностных лиц, в первую очередь губернаторов российских регионов.

Особую тревогу вызывает динамика мошенничества. В период с января по июнь 2025 года количество случаев мошеннических действий с использованием дипфейков увеличилось в 2,3 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Эксперты связывают это с широкой доступностью технологий генерации: в открытом доступе находятся тысячи интернет-ресурсов, предоставляющих нужный инструментарий. Рост носит экспоненциальный характер.

С точки зрения уголовного права использование дипфейков в преступных целях представляет собой сложный составной объект посягательства. Действия злоумышленников могут квалифицироваться по различным статьям Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), однако действующая редакция законодательства не содержит специальных норм, прямо описывающих ответственность за создание или распространение именно дипфейков. Наиболее распространенной квалификацией действий является квалификация по статье 159 УК РФ – мошенничество. Создание аудиовизуального образа известного человека (например, руководителя компании или родственника) для хищения денежных средств подпадает под признаки хищения путем обмана или злоупотребления доверием. Распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица, совершенное с использованием искусственного изображения или голоса потерпевшего, может быть квалифицировано по статье 128.1 УК РФ, то есть – как клевета. Часто для создания качественного дипфейка преступники получают несанкционированный доступ к личным архивам фотографий и видеозаписей жертвы, данным, содержащимся на личных устройствах (смартфонах и компьютерах), что можно квалифицировать как неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ). Одними из самых распространенных и одновременно общественно опасных деяний среди всех перечисленных являются деяния, направленные на вымогательство: создание компрометирующего дипфейк-материала в целях последующего шантажа – классический пример вымогательства, что может квалифицироваться по статье 163 УК РФ. К сожалению, часто мошенники, действуя с помощью исследуемой технологии, под предлогом вымогательства добиваются от жертв выполнения самостоятельных преступлений: от повреждения чужого имущества до диверсионной работы против государства.

На текущий момент имеется пробел законодательства в части отсутствия прямого запрета на создание и оборот вредоносных дипфейков как таковых. Существующие нормы носят общий характер. Например, создание дипфейка в целях политической дестабилизации или массового введения в заблуждение населения не всегда находит четкую квалификацию в действующем УК РФ.

Криминологический портрет современного пользователя дипфейков характеризуется высоким уровнем технической грамотности, умением сохранять анонимность, отсутствием выраженных моральных барьеров. Мотивация

преступников варьируется от корыстной (прямое хищение средств) до идеологической (политический заказ, дискредитация оппонентов).

Указанные преступления имеют трансграничный характер. Преступления совершаются с использованием глобальной сети Интернет, что создает значительные трудности для идентификации злоумышленников и сбора доказательств на территории иностранных государств.

Есть серьезные основания полагать и то, что указанный род преступлений имеет высокую латентность. Жертвы мошенничества с использованием дипфейков часто не обращаются в правоохранительные органы из-за воздействия преступниками на сугубо личные (часто – интимные) сведения о потерпевшем, раскрытие которых правоохранительным органам воспринимается жертвой как нечто недопустимое; дополнительным фактором является и убежденность потерпевших в отсутствии перспектив раскрытия преступления и поимки преступников.

Высокая степень достоверности подделок делает их крайне эффективным инструментом манипуляции общественным сознанием и давлением на конкретную личность.

Скорость развития технологий производства дипфейков опережает возможности правоохранительных органов по их выявлению и экспертизе. Как отмечают технические специалисты, для эффективной борьбы требуется постоянное обновление методик и инструментов противодействия.

Анализ правоприменительной практики и статистических данных позволяет сформулировать ряд предложений по модернизации уголовного законодательства Российской Федерации: целесообразным видится возможность дополнить УК РФ специальными нормами (например, ст. 159.8 «Мошенничество с использованием технологий искусственного интеллекта» или ст. 274.1 «Создание и распространение вредоносных цифровых образов»), которые бы прямо устанавливали ответственность за создание или распространение цифровых подделок в целях совершения преступления или причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций.

С учетом трансграничности и высокой степени анонимности исследуемой преступности имеется необходимость в развитии межгосударственных соглашений по борьбе с трансграничной киберпреступностью с использованием ИИ-технологий для унификации подходов к квалификации деяний, оказания межгосударственного содействия и экстрадиции преступников.

Использование дипфейков в преступной деятельности – это вызов нового времени, требующий комплексного ответа со стороны государства и общества. Только системный подход, включающий криминализацию новых общественно опасных деяний, совершенствование процессуальных механизмов расследования и развитие международного сотрудничества в сфере кибербезопасности, способен обеспечить эффективную защиту прав граждан и информационную безопасность государства в условиях цифровой эпохи.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 1 июля 2020 года, по состоянию на 6 октября 2022 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013>

(дата обращения: 22.05.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

4. Доктринальные основы уголовно-правовой охраны информации в Российской Федерации : монография / под ред. А.И. Чучаева, Н.А. Лопашенко. – М. : Проспект, 2023. – 456 с.

5. Киберпреступность: криминологический и уголовно-правовой аспекты : учебное пособие / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2024. – 320 с.

6. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М. : Проспект, 2023. – 640 с.

7. В РФ за I квартал 2025 года выявили более 60 уникальных дипфейков // ТАСС. – URL: <https://fondpp.org/news/o-glavnom/v-rf-za-i-kvartal-2025-goda-vyjavili-bolee-60-unikalnyh-dipfejkov/> (дата обращения: 22.05.2026).

8. В России зафиксировали исторический максимум опасных дипфейков // That's News. – URL: <https://thatsnews.ru/news/2025-10-07/v-rossii-zafiksirovali-istoricheskiy-maksimum-opasnykh-dipfejkov/> (дата обращения: 22.05.2026).

9. Число случаев мошенничества с использованием дипфейков выросло в 2,3 раза // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/19/1118123-chislo-sluchaev-moshennichestva-s-ispolzovaniem-dipfeikov-viroslo> (дата обращения: 22.05.2026).

10. «Ведомости»: мошенники в течение года стали в 2,3 раза чаще использовать дипфейки // Вести.ру. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4555799> (дата обращения: 22.05.2026).

Анкудинова Яна Станиславовна,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУБЪЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Изучение правовых инструментов, обеспечивающих порядок в период чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), невозможно без точного определения круга задействованных органов. Использование системного метода в данном случае помогает не просто перечислить эти ведомства, а раскрыть внутренние взаимосвязи и логику их взаимодействия между собой. Необходимость создания

такой комплексной теоретической базы обусловлена не только появлением новых рисков для государства, но и очевидным пробелом в самой юридической науке. На сегодняшний день в правовой доктрине отсутствует общепринятая концепция распределения ролей среди властных структур в кризисных условиях, что подтверждает явную дискуссионность и незавершенность этого вопроса в теории права.

Прикладной характер разработки такой теоретической модели наглядно подтверждается опытом ликвидации крупных чрезвычайных ситуаций последних лет, вскрывших явную нехватку правовой определенности и серьезные пробелы во взаимодействии различных ведомств. Проиллюстрировать эту проблему позволяет экологическая катастрофа в Керченском проливе, вызванная повреждением корпусов танкеров серии «Волгонефть» и последующим масштабным разливом топлива. Данный инцидент продемонстрировал, что отсутствие четко распределенных ролей между структурами неизбежно ведет к потере времени в условиях кризиса. Сегодня на фоне обострения диверсионных рисков и трансграничных угроз для критической инфраструктуры задача нормативной детализации функций каждого участника спасательных и правоохранительных операций становится главным условием обеспечения государственной безопасности. Таким образом, построение системы участников обеспечения законности в ЧС диктуется интересами безопасности страны.

Становление концептуального фундамента для группировки органов, ответственных за поддержание правопорядка в условиях чрезвычайных ситуаций, выступает итогом длительной эволюции российской правовой мысли. На протяжении десятилетий отечественные ученые стремились выработать наиболее эффективную архитектуру государственного руководства в кризисные периоды. Современное понимание этой системы формировалось постепенно, через преодоление разрозненных подходов к определению компетенции властных структур, что в конечном итоге позволило перейти от простого описания ведомств к созданию целостной доктринальной модели антикризисного управления. Первичное концептуальное обоснование принципов руководства в условиях чрезвычайных ситуаций связано с фундаментальными исследованиями Б.Н. Порфирьева [6], который впервые применил системный метод к оценке функционирования государственного аппарата. Его труды позволили восполнить существовавший в правовой науке теоретический вакуум, предложив рассматривать государственные органы не как обособленные единицы, а как элементы взаимосвязанного механизма. Такой методологический подход открыл путь к научно выверенному структурированию всего круга задействованных ведомств. В конечном итоге это создало прочную теоретическую базу для оптимизации практического реагирования на современные кризисные угрозы и укрепления стабильности правопорядка в государстве.

Развитие и углубление данных идей нашли отражение в трудах Ю.Л. Воробьева [4], сосредоточившего внимание на механизмах разграничения компетенции между ключевыми звеньями антикризисной системы. Сформулированные им теоретические положения послужили основой для

дифференциации участников правоохранительной и спасательной деятельности по конкретным функциональным группам. Такой подход позволил классифицировать государственные органы не по формальному ведомственному признаку, а на основе реального характера и специфики задач, решаемых ими в процессе ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Базовым методологическим ориентиром в современной правовой доктрине считается классификация участников антикризисной деятельности через призму разделения на «общие» и «специальные» субъекты. Ключевым разграничительным признаком здесь выступает масштаб их легальной компетенции, а также конкретное место в общей системе государственного реагирования, как справедливо отмечается в теоретических исследованиях Н.И. Арзамасцева [1].

Углубление доктринального анализа способствовало переходу от бинарной классификации к более развернутой трехкомпонентной модели. В рамках данного подхода самостоятельное место заняли вспомогательные субъекты, круг которых охватывает не только отраслевые министерства и ведомства, но также органы местного самоуправления и волонтерские объединения. Так, в теории права существует подход к структурной классификации субъектов законности в ЧС, предложенный В.В. Гуциным [5, с. 448]. Автор рассматривает систему обеспечения безопасности как совокупность трех базовых уровней участников, различающихся по своей правовой природе: государство, негосударственные институты (организации и объединения) и граждане [5, с. 427–428].

Юридическая природа и институциональное устройство данного нормативного комплекса, обладающего высокой степенью внутренней структурированности, детально проанализированы в коллективной монографии под научным руководством Т.Я. Хабриевой [7]. В данном исследовании особое внимание уделяется объективной необходимости выстраивания сквозного взаимодействия между федеральными, региональными и местными властными структурами в кризисных условиях. Подобный вектор научной мысли полностью солидаризируется с теоретической позицией В.В. Гуцина, который также настаивает на приоритете межведомственной и соподчиненной координации как главном факторе успешного преодоления экстраординарных ситуаций.

Современный этап развития доктрины характеризуется изучением функциональной принадлежности каждого субъекта, что нашло наиболее полное отражение в исследованиях Ю.Ю. Басовой [2]. Представленная автором концепция функциональной детерминации служит важным методологическим фундаментом для дальнейшей теоретической разработки системы субъектов законности в ЧС. Развивая идею функциональной классификации участников обеспечения законности в условиях ЧС, Ю.Ю. Басова предлагает структурированную модель, основанную на разделении всех задействованных органов на три ключевые категории.

Нынешний вектор развития правовой мысли во многом сосредоточен на детальном анализе функционального назначения каждого отдельного участника антикризисных правоотношений. Наиболее последовательно данный подход

актуализирован в трудах Ю.Ю. Басовой [2], предложившей оригинальную трехкомпонентную модель распределения компетенции властных структур [3, с. 451]. Сформулированная исследователем концепция жесткой привязки статуса органа к характеру его практической деятельности выступает фундаментальной методологической основой. Она открывает новые возможности для дальнейшего теоретического моделирования всей системы субъектов, ответственных за поддержание законности и правопорядка в условиях экстраординарных вызовов.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что синтез классических методологических положений Б.Н. Порфирьева с результатами более поздних государственно-правовых исследований Т.Я. Хабриевой и В.В. Гущина, а также наложение их на современную функциональную концепцию Ю.Ю. Басовой открывают путь к созданию принципиально новой доктринальной модели. Подобное теоретическое объединение позволяет рассматривать всю совокупность задействованных органов не как разрозненный конгломерат ведомств, а как строго иерархичный и внутренне выверенный государственный механизм. Центральной идеей и ключевым предложением данного исследования является обоснование необходимости деления всей совокупности органов власти в условиях ЧС на субъекты общей и специальной компетенции. Данный подход позволяет устранить несогласованность в управлении, обеспечивая нормативную фиксацию ролей: общие субъекты формируют стратегическую и легитимирующую базу, в то время как специальные субъекты реализуют профессиональный инструментарий защиты.

В качестве фундаментального тезиса и ключевого элемента научной новизны настоящего исследования выступает концептуальное обоснование дифференциации всей системы властных структур в период чрезвычайных ситуаций на органы общей и специальной компетенции. Практическая реализация данного подхода призвана полностью нивелировать риски административной дезорганизации за счет четкого нормативного разграничения их функциональных обязанностей. В рамках предлагаемой модели на субъекты общей компетенции возлагается задача по созданию стратегического фундамента и легитимации принимаемых решений, тогда как специальные субъекты концентрируют свои усилия на непосредственном применении профессионального правового и оперативного инструментария защиты.

Библиографический список:

1. Арзамасцев, Н.И. Административно-правовое обеспечение органами внутренних дел общественной безопасности при чрезвычайных ситуациях техногенного характера: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 162 с.
2. Басова, Ю.Ю. Функциональная структура системы обеспечения законности в ЧС / Ю.Ю. Басова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 181–189.
3. Басова, Ю.Ю. Система обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях / Ю.Ю. Басова // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 446–454.

4. Воробьев, Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций : монография / Ю.Л. Воробьев. – Москва : Финансовый издательский дом «Деловой экспресс». – 2000. – 248 с.

5. Гущин, В.В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Гущин Василий Васильевич. Москва. – 1998. – 448 с.

6. Порфирьев, Б.Н. Управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации: автореферат дис. ... доктора эк. наук: специальность 05.13.10 – Управление в социальных и экономических системах / Порфирьев Борис Николаевич; Академия наук СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований, Специализированный совет Д 003.63.01. Москва. 1990. 43 с.; Порфирьев, Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. – М., 1991. – 136 с.

7. Правовые и институциональные основы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : монография / В.А. Пучков, Т.Я. Хабриева, В.С. Артамонов [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2016. – 528 с.

Анохин Александр Николаевич,
доцент кафедры истории и теории
государства и права юридического
факультета Института «Таврическая
академия» ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»,
кандидат юридических наук, доцент

О ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК НАПРАВЛЕНИИ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы совершенствования правотворческой деятельности прокуратуры РФ и укрепления законности в функционировании системы публичной власти РФ носят самостоятельный характер. Однако их решение должно быть комплексным, направленным на достижение общего результата, состоящего в обеспечении конституционно-правовых основ народовластия в РФ, где публичная власть, наряду с учредительной властью, выступает одной из его важнейших составляющих. Предварительно данные проблемы должны решаться в контексте определения конституционно-правового статуса прокуратуры РФ и ее роли в конституционно-правовой модели системы публичной власти РФ.

Так, после закрепления в Конституции РФ [1] термина «система публичной власти» (часть 2 статьи 80, часть 3 статьи 132 Конституции РФ), а также фиксации нормативного определения системы публичной власти в статье 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394 «О Государственном Совете РФ» [2] следует с иных позиций оценивать функционально-целевую направленность деятельности прокуратуры РФ, а именно – в координатах данной системы. Если ранее дискуссии о статусе прокуратуры РФ проходили в рамках исследования ее положения в механизме государственной власти, то в настоящее время они должны быть перенесены в конструкции системы публичной власти. Поэтому предварительный анализ ряда аспектов конституционно-правовой модели системы публичной власти может дать ответ на решение интересующих нас проблем.

Возглавляет систему публичной власти Президент РФ, замыкающий в рамках своей интегративной функции все ее иерархические уровни. Согласно части 2 статьи 80 Конституции РФ: Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [1]. И если на Президента РФ возложена интегративная, координационная, арбитражная функции относительно данной системы, то также возникает объективная потребность в установлении условий, связанных с обеспечением соответствия динамического аспекта данной системы ее нормативно установленной конституционно-правовой модели. Именно нормативные параметры системы публичной власти должны быть соблюдены в ходе ее практического действия. То есть речь идет о возможном отклонении системы от ее нормативно заданных параметров. Поэтому необходим специализированный орган, который реагировал бы на подобные отклонения. И таким органом является прокуратура РФ.

В контексте изложенного следует дать определение понятия законности, которое отражало бы рассматриваемую проблематику. Так, законность – это правовое явление, характеризующее процесс функционирования правового государства и гражданского общества на основе точного, строгого и неуклонного соблюдения и исполнения всеми субъектами права всех действующих на территории государства норм права [5, с. 502].

Поэтому сущность законности состоит в процессе преодоления возможных отклонений функционирования социальной системы, в том числе и системы публичной власти, от регламентирующих ее нормативных параметров, то есть в восстановлении исходного, заданного состояния. Подобные отклонения могут быть обусловлены различными факторами, однако следует установить причину отклонений. Так, например, если неправильно определены нормативные параметры, которые объективно не соответствуют потребностям социальной системы, то в процессе правотворческой деятельности их необходимо корректировать. В таком случае законность (в нашем случае точное соблюдение нормативных предписаний субъектным составом) восстанавливается и обеспечивается посредством правотворчества. Если же причина отклонений заключается в комплексе внутренних либо внешних факторов, непосредственно не связанных с нормативными параметрами, то

законность восстанавливается посредством применения мер реагирования к соответствующим субъектам.

Далее укажем, что в соответствии с частью 1 статьи 129 Конституции РФ прокуратура РФ – единая централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов. Согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ»: «В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности... прокуратура РФ осуществляет надзор <...> за исполнением законов» [3]. И далее в данной статье воспроизводится значительная часть субъектного состава системы публичной власти. Таким образом, прокуратура РФ в качестве своего основного функционально-целевого назначения призвана осуществлять надзорную деятельность за действиями субъектов публичной власти, что обеспечивает соответствие указанных действий нормативной модели, регламентирующей их правовой статус и деятельность.

Исходя из этого, для эффективного (с точки зрения результативности) осуществления своего функционально-целевого надзорного направления деятельности прокуратура РФ должна быть наделена рядом правотворческих полномочий, что и предусмотрено в статье 9 ФЗ «О прокуратуре РФ». Согласно статье 9 данного закона, «прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативно-правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии закона и иных нормативных правовых актов» [3].

Конкретизация приведенных положений закона дана в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 28.10.2025 № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры РФ и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» [4]. Данным приказом также утверждено Положение об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры РФ. В соответствии с п. 1.3 указанного положения, «направлением правотворческой деятельности прокуратуры является инициативная разработка проектов законов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанных с компетенцией органов прокуратуры» [4].

Как видим, инициативная разработка проектов законов и иных нормативных правовых актов непосредственно связана с прокурорским надзором. Поэтому предполагается, что прокурорское правотворчество должно сопровождать прокурорский надзор на предмет выявления потребностей в нормативной регламентации выявленных проблемных ситуаций, связанных с отклонением системы публичной власти от заданных параметров, а также в корректировке законодательства, закрепляющего статус и деятельность субъектов системы публичной власти. С этой точки зрения правотворчество прокуратуры РФ призвано в пределах надзорной деятельности обеспечивать реакцию государства на возможные отклонения системы публичной власти от установленных нормативных параметров, укрепляя тем самым режим законности.

Итак, изложенное свидетельствует, что проблемы совершенствования прокурорского правотворчества и укрепления законности функционирования системы публичной власти РФ должны решаться комплексно в силу их взаимообусловленности. Это, прежде всего, предполагает переосмысление конституционно-правового статуса прокуратуры РФ в условиях создания единой системы публичной власти РФ. Теперь назначение прокуратуры РФ состоит в обеспечении законности в функционировании данной системы. Законность в таком случае понимается как соответствие функционирования системы публичной власти РФ установленным нормативным параметрам. Это обеспечивается посредством прокурорского надзора, выступающего инструментом выявления проблемных ситуаций и разрешения их мерами прокурорского реагирования. И если проблема обусловлена недостатками в нормативной регламентации отношений, то посредством прокурорского правотворчества она может быть устранена. С этой точки зрения прокурорское правотворчество носит производный от прокурорского надзора характер и выступает средством восстановления и укрепления законности, то есть соответствия функционирования системы публичной власти РФ ее нормативным параметрам.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, дополнениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. О Государственном Совете Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1–ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.10.2025 № 731, утвердивший Положение об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
5. Рассказов, Л.П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник / Л.П. Рассказов. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 559 с.

Асейкин Роман Владимирович,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом [1].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, которое на момент совершения преступления достигло шестнадцатилетнего возраста.

По нашему мнению, полностью логическим является то, что за такие формы объективной стороны, как: создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений; руководство преступным сообществом (преступной организацией); осуществление координации преступных действий различных самостоятельно действующих организованных групп, создание устойчивой связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, участие в разработке планов и создание условия для совершения преступлений такими группами или осуществление раздела сфер преступного влияния и преступных доходов между различными самостоятельно действующими организованными группами, установлено, что уголовная ответственность может наступать с шестнадцати лет из-за того, что лицо даже и при достижении такого возраста не сможет совершить указанные действия.

Относительно такой формы, как участие в преступном сообществе (преступной организации), по нашему мнению, целесообразно было бы снизить возраст уголовной ответственности до четырнадцати лет на основании того, что лицо, достигшее такого возраста, в состоянии совершить указанные действия и в состоянии осознавать эти действия. В подтверждение этого мнения следует указать, что уровень умственного развития и сознания лица, которое достигло шестнадцатилетнего возраста, дает возможность осознавать общественную опасность и противоправность деяния в связи с тем, что в последние годы в России увеличивается количество преступлений, которые совершаются несовершеннолетними, кроме того, уменьшается возрастной уровень преступности.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

Ахметжанова Кристина Викторовна,
доцент кафедры основ прокурорской
деятельности Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ В ПРАВЕ КАК ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

Прокуратура является фактически единственным органом, который обладает сведениями о разрабатываемых и принимаемых всеми субъектами законодательной инициативы нормативных правовых актах, правоприменительной практике, а также о соответствии действующего законодательства Российской Федерации общественным отношениям. Прокуроры в наибольшей степени проинформированы о том, какие сферы правового регулирования требуют регламентации.

Совершенствование правового регулирования общественных отношений, устранение коллизий и пробелов в законах и иных нормативных правовых актах различных уровней находится на личном контроле Генерального прокурора Российской Федерации А.В. Гуцана [1].

Термин «коллизия» в переводе с латинского языка означает «столкновение», «противопоставление». Под «пробелом в праве» понимается отсутствие в системе действующего законодательства нормы права, непосредственно регулирующей общественное отношение, которое включено в сферу правового регулирования.

Проблемные вопросы надзора за законностью нормативных правовых актов, получившие особую актуальность в 2000-е годы, не теряют своей значимости и на сегодняшний день. Результаты такой работы свидетельствуют о востребованности такой деятельности со стороны общества и государства [2, с. 59–61].

В свою очередь, правотворческая деятельность органов прокуратуры тесно связана с надзором за законностью нормативных правовых актов, а также имеет важное профилактическое значение. При этом участие прокуратуры в законотворчестве не охватывается прокурорским надзором [3, с. 69].

В 2025 году было принято более 22,3 тысяч нормативных правовых актов с использованием предоставленного прокурорам права законотворческой инициативы [4].

Детально нормотворческая деятельность надзорного ведомства регламентирована приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.10.2025 № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления». В соответствии с п. 2.2 названного приказа, прокурорам поручено использовать в законотворческой работе практические материалы прокурорского надзора, по результатам мониторинга федерального и регионального законодательства выявлять потребности в правовом

регулировании общественных отношений, принимать меры к устранению правовых коллизий и пробелов.

Прокуроры используют право нормотворческой инициативы по наиболее важным и социально значимым вопросам. Участие органов прокуратуры в правотворчестве следует рассматривать в качестве функции – вида деятельности, которая предопределяется социальным предназначением надзорного ведомства с учетом потребностей общественных отношений.

Участие прокуратуры в законотворчестве способствует формированию единства правового пространства, а также предотвращению принятия нормативных правовых актов, противоречащих федеральному, региональному и муниципальному законодательству в самых разных сферах правоотношений: защита социальных прав граждан и прав несовершеннолетних, противодействие коррупции, здравоохранение, охрана окружающей среды, предоставление государственных и муниципальных услуг и др.

Прокуроры субъектов Российской Федерации активно реализуют инициативы, регулирующие правоотношения в общественно значимых областях – в сфере защиты прав инвалидов, многодетных семей и малообеспеченных граждан. В 2025 году в Саратовской области прокуроры добились принятия закона об увеличении размера ежемесячной денежной выплаты гражданам, страдающим генетическими заболеваниями. В Ленинградской области по инициативе надзорного ведомства изменено региональное законодательство в части назначения ежемесячной выплаты детям-инвалидам и процедуры получения инвалидами технических средств реабилитации [1].

Также после вмешательства органов прокуратуры в прошлом году в ряде субъектов Российской Федерации были приняты законы о защите прав участников специальной военной операции. В Красноярском крае, Курской и Саратовской областях по инициативе прокуроров утверждены региональные программы по переобучению участников СВО для их дальнейшего трудоустройства на государственную и муниципальную службы, в Республике Дагестан внедрена практика квотирования рабочих мест для бывших военнослужащих [1].

Еще одним направлением участия прокуратуры в правотворчестве является подготовка заключений по проектам нормативных правовых актов.

Основное внимание при подготовке заключений на проект нормативного правового акта уделяется оценке достаточности содержащихся в проекте положений для достижения заявленной цели правового регулирования, соответствию проекта актам более высокой юридической силы, отсутствию в нем внутренних противоречий и пробелов в правовом регулировании и соблюдению правил юридической техники. Кроме того, проводится анализ на предмет выявления положений, содержащих коррупциогенные факторы.

Также прокуроры проводят масштабную работу по совершенствованию муниципальной нормативной правовой базы. В 2025 году по инициативе территориальных прокуроров в органы местного самоуправления направлено более 27 тысяч проектов нормативных правовых актов [4], в том числе в сфере социальной поддержки граждан, избирательного, земельного, градостроительного, налогового, бюджетного и иного законодательства и др.

В рамках модернизации муниципальной законодательной базы прокуроры добились устранения административных барьеров в регламентах оказания услуг.

Так, в Камчатском крае, Тульской, Челябинской, Ярославской областях и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре приведены в соответствие регламенты оказания муниципальной услуги по предоставлению земельных участков, в том числе без проведения торгов, в Республике Карелия – в сфере жилищного обеспечения [1].

Таким образом, органы прокуратуры посредством законотворческой инициативы совершенствуют современное законодательство. Реализуя указанные полномочия, прокуроры не только преодолевают коллизии и пробелы в праве, но и выявляют те сферы общественных отношений, которые нуждаются в правовом регулировании.

Кроме того, участие надзорного ведомства в правотворчестве играет важную профилактическую роль, поскольку этот вид деятельности, осуществляемый в тесном взаимодействии с законодательными и иными органами государственной власти, органами местного самоуправления, позволяет не только совершенствовать действующее законодательство, но и предотвращать принятие нормативных правовых актов, нарушающих права и свободы граждан, интересы общества и государства. Статистические данные и приведенные примеры свидетельствуют о масштабной и результативной работе прокуроров на данном направлении.

Библиографический список:

1. [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6352056/> (дата обращения: 14.05.2026).
2. Евдокимов, В.Б., Игонина, Н.А. Органы конституционной юстиции и прокуратуры в обеспечении единого правового пространства России / В.Б. Евдокимов, Н.А. Игонина // Журнал российского права. – 2025. – № 3. – С. 53–66.
3. Амирбеков, К.И., Алхутова, Ю.А. Участие прокуратуры Российской Федерации в правотворческой деятельности органов публичной власти: теория, практика, состояние и перспективы правового регулирования / К.И. Амирбеков, Ю.А. Алхутова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 4. – С. 68–75.
4. Выборочные статистические данные из отчета «О работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» за 2025 г.

Басинский Андрей Михайлович,
доцент кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент;

Лукавенко Андрей Викторович,
доцент кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент;

Колесник Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В системе права Российской Федерации прокуратура играет ключевую роль, обеспечивая верховенство закона, единство правового пространства, охрану прав и свобод граждан. В контексте развития государства и укрепления судебной системы возрастает значимость вовлечения прокуратуры в гражданское судопроизводство. Деятельность прокуратуры не ограничивается контролем за соблюдением законности при разрешении гражданских споров, но также гарантирует реализацию конституционного права на судебную защиту, в особенности для тех, кто по объективным причинам не имеет возможности самостоятельно отстаивать свои права в суде.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве характеризуется необходимостью глубокого понимания судопроизводственных аспектов, нормативно-правовой базы, а также обширного практического опыта в судебных делах. Нормативное регулирование участия прокурора в гражданском судопроизводстве основывается на принципах Конституции РФ, Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», приказе Генерального прокурора от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» и процессуальном законодательстве, включая Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ).

В соответствии с процессуальными нормами прокурор участвует в заседаниях судов общей юрисдикции. Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1]. При этом судебное участие прокурора не входит в надзорную деятельность; его полномочия в этой сфере закреплены в ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». В частности, закон предоставляет прокурору право инициировать судебное разбирательство или при необходимости защиты прав граждан либо охраняемых законом интересов общества и государства вступать в процесс на любой стадии [4].

Целесообразно обратиться к положениям приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», в котором закреплены обязанности прокурора, реализуемые в рамках гражданского процесса:

- представление интересов в судах всех инстанций (первой, апелляционной, кассационной, надзорной) по делам, возбужденным по искам (заявлениям) прокуроров в защиту прав, свобод и законных интересов лиц, указанных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, неопределенного круга лиц, интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам;
- участие в судебном процессе на любом этапе и представление заключений по делам, связанным с: выселением, восстановлением на работе, возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью, а также по иным категориям дел, регламентированным ГПК РФ и иными федеральными законами;
- осуществление апелляционного, кассационного и надзорного обжалования судебных решений по гражданским делам, указанным в ст. 45 ГПК РФ, а также по иным делам, в которых прокурор принимал участие или имел право участвовать;
- рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных постановлений по гражданским и административным делам [3].

Согласно ст. 34 ГПК РФ, прокурор включен в состав лиц, участвующих в деле. На основе ст. 45 ГПК РФ можно выделить две формы участия прокурора в гражданском процессе – это обращение прокурора в суд с заявлением в защиту прав, свобод и интересов других лиц (ч. 1. ст. 45 ГПК РФ), а также дача прокурором заключения по делу (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ) [2].

Прокурор вправе подать заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина исключительно при наличии обстоятельств, препятствующих самостоятельному обращению гражданина в суд (состояние здоровья, возраст, недееспособность и иные уважительные причины). Данное ограничение не применяется к заявлениям прокурора, инициированным на основании обращений граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в соответствующей сфере:

- трудовых (служебных) отношений и иных, непосредственно связанных с ними, отношений;

- защиты семьи, материнства, отцовства и детства;
- социальной защиты;
- обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах;
- охраны здоровья, включая медицинскую помощь;
- обеспечения права на благоприятную окружающую среду;
- образования.

Прокурор, подавший заявление в суд, имеет те же процессуальные права и обязанности, что и истец, но без права на мировое соглашение и без обязанности оплачивать судебные расходы.

На основе судебной практики рассмотрим пример участия прокурора в подаче заявления в интересах РФ и в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц:

Заместитель Новороссийского транспортного прокурора обратился в суд с иском к ОАО «Аэропорт “Анапа”», требуя обеспечить надлежащее метеорологическое обеспечение согласно требованиям Воздушного кодекса и других нормативных актов. Суд первой инстанции удовлетворил иск, но Верховный Суд отменил решение, указав на нарушения процессуальных норм и необходимость соблюдения принципа непосредственности судебного разбирательства.

По результатам прокурорской проверки выявлено, что ответчик на текущий момент не заключил договор с ФГБУ «Авиаметтелеком Росгидромета» (организацией, входящей в систему Росгидромета).

Когда прокурор вступает в процесс для дачи заключения, его функция не включает обоснование исковых требований, представление доказательств или дачу объяснений по делу. Его задача – изложить суду позицию о том, каким образом следует разрешить спор между сторонами. Согласно статье 189 ГПК РФ, прокурор оглашает заключение после исследования всех доказательств – до начала судебных прений. Часть 3 статьи 45 ГПК РФ устанавливает, что в случае неявки прокурора, который был должным образом извещен о времени и месте заседания, разбирательство дела не приостанавливается.

Прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим ГПК РФ и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий.

В юридической науке принято выделять ещё одну (третью) форму участия прокурора в гражданском процессе, которая заключается в том, что прокурор, действуя в пределах своей компетенции, вправе подавать апелляционные, кассационные и надзорные представления. Данная форма участия закреплена в статье 36 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5].

Присутствие прокурора способствует неукоснительному соблюдению процессуальных и материальных норм права при рассмотрении и разрешении судебного спора.

Действуя в рамках своих полномочий, прокурор сохраняет независимость от других участников дела – его заинтересованность предопределена законом. Среди множества научных взглядов на юридическую заинтересованность и процессуальный статус прокурора в гражданском процессе наиболее убедительной представляется трактовка, при которой он рассматривается как государственный представитель, обладающий государственно-правовой заинтересованностью в исходе дела.

При установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, указывающих на наличие у прокурора личной заинтересованности либо иного интереса в исходе рассматриваемого дела, закон предусматривает возможность применения процедуры отвода данного участника процесса в порядке, предусмотренном статьями 16 и 18 ГПК.

Резюмируя все вышеуказанные положения, необходимо отметить, что вовлечение прокуратуры в гражданские судебные разбирательства представляет собой ключевую гарантию обеспечения законности и защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Прокуратура действует в качестве независимого участника, обладающего правом возбуждать судебные дела в целях защиты общественных интересов, предоставлять квалифицированные заключения по сложным юридическим вопросам и оспаривать неправомерные судебные решения.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 07.05.2026).

3. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры России от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374371/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 28.04.2026).

4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 15.04.2026).

5. Гражданский процесс : учебное пособие для вузов / под редакцией М.Ю. Лебедева. – 14-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 286 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20342-4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – С. 40. – URL: <https://urait.ru/bcode/557982/p.40> (дата обращения: 05.04.2026).

Басов Андрей Витальевич,
заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;

Басова Юлия Юрьевна,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Крымского
филиала ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Современное общество все чаще сталкивается с различными видами чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного, техногенного и социально-политического характера, масштабы и последствия которых требуют принятия оперативных и эффективных мер со стороны государства. В условиях возникновения ЧС одним из ключевых инструментов обеспечения безопасности граждан, защиты основ конституционного строя и восстановления правопорядка выступают ограничительные меры. Их правовое регулирование и практика применения в условиях ЧС приобретают особую значимость, поскольку именно от их обоснованности, соразмерности и своевременности зависит не только оперативность ликвидации последствий ЧС, но и соблюдение конституционных прав и свобод граждан. В связи с этим представляется необходимым исследовать содержание и виды ограничительных мер, применяемых в условиях ЧС, а также выявить особенности их реализации в зависимости от объекта ограничения и характера угрозы.

В научных исследованиях выработано значительное количество позиций относительно классификации ограничительных мер. Рассматривая содержание классификации, стоит отметить, что по объекту ограничения применяемые в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций ограничительные меры можно поделить на общие, специальные и индивидуальные.

К общим ограничениям следует отнести те ограничения, которые применяются ко всему населению, находящемуся на территории страны, и в том объеме, который необходим для устранения угрозы и скорейшей ликвидации чрезвычайных ситуаций, нормализации обстановки, восстановления правопорядка, защиты основ конституционного строя, для восстановления конституционных прав и свобод граждан, а также прав и законных интересов юридических лиц, создания условий для нормального функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления, других

институтов гражданского общества. Примером общего вида ограничений является введение на территории страны карантинных мероприятий в связи с возникновением пандемии коронавирусной инфекции «COVID-19» [1; 2]. Содержание этих мероприятий заключалось в ограничении передвижения по территории страны; в запрете пересечения государственной границы без соответствующих медицинских документов; введении специального режима по ограничению передвижения граждан без особой необходимости из одного субъекта в другой; приостановлении работы дошкольных и общеобразовательных учреждений; введении для работников, работающих в сфере обслуживания населения (работников торговли, транспорта), обязательного ношения масок; запрете на проведение всех массовых мероприятий, концертов, киносеансов, других собраний людей.

Индивидуальные ограничения размещены в нормативных актах и представляют собой конкретизацию общих ограничений по отношению к персонифицированным индивидуальным субъектам правоотношений. Например, в условиях действия режима чрезвычайного положения может быть принято решение об отстранении от работы на период чрезвычайного положения, в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей, руководителей государственных предприятий, учреждений и организаций, от деятельности которых зависит нормализация обстановки в районе чрезвычайного положения, и возложение временного исполнения обязанностей указанных руководителей на других лиц [3].

Следующим классификационным основанием является время действия ограничительных мер в условиях чрезвычайной ситуации. По этому основанию можно выделить постоянные и временные ограничения.

Рассматривая первую группу ограничений, стоит отметить, что, согласно нормам международного законодательства, в любом случае ограничения должны иметь определенные временные границы [4]. Однако данное положение касается только ограничений прав и свобод физических и законных интересов юридических лиц в случае введения режима чрезвычайного положения. В соответствии с положениями действующего законодательства время действия ограничений, которые вводятся в условиях действия режима военного положения или правового режима контртеррористической операции, четко не определено. Указанные режимы, а следовательно, и ограничения вводятся на то время, которое необходимо для ликвидации чрезвычайной ситуации.

Также отметим, что чернобыльская катастрофа создала на значительных территориях Российской Федерации, Белоруссии и ряда других государств чрезвычайно опасную для здоровья людей и окружающей природной среды радиационную обстановку. В связи с этим на отдельных территориях (зона отчуждения; зона отселения; зона проживания с правом на отселение; зона проживания с льготным социально-экономическим статусом) постоянно действуют такие виды ограничений, как: осуществление деятельности в целях получения товарной продукции без специального разрешения; пребывание лиц, не имеющих на это специального разрешения, а также привлечение к работе лиц без их согласия; вывоз за пределы зон загрязнения без специального разрешения земли, глины, песка, торфа, древесины, а также заготовка и вывоз растительных кормов, лекарственных растений, грибов, ягод и других продуктов побочного

лесопользования, за исключением образцов для научных целей; ведение сельскохозяйственной, лесохозяйственной, производственной и иной деятельности, а также строительство без специального разрешения; перегон животных, сплав леса; пребывание лиц, имеющих медицинские противопоказания для работы в контакте с источниками ионизирующего излучения или относительно которых установлена причинная связь инвалидности с работами по ликвидации последствий аварии [5].

Анализируя временные ограничения, стоит отметить, что действующее законодательство большинство ограничительных мер, применяемых к физическим и юридическим лицам, определяет с указанием срока действия или наступления определенных условий. Так, например, ст. 9 ФКЗ «О чрезвычайном положении» закрепляет, что срок действия чрезвычайного положения, вводимого на всей территории Российской Федерации, не может превышать 30 суток, а вводимого в ее отдельных местностях, – 60 суток. В случае, если в течение этого срока цели введения чрезвычайного положения не были достигнуты, срок его действия может быть продлен указом Президента Российской Федерации с соблюдением установленных требований. То есть в данном случае законодатель определил четкие временные границы действия ограничений, которые вводятся в связи с введением данного режима. Вместе с тем указанный ФКЗ не определяет максимальное количество продления режима чрезвычайного положения.

Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» определяет, что карантин устанавливается на период, необходимый для ликвидации эпидемии или вспышки особо опасной инфекционной болезни. На этот период могут меняться режимы работы предприятий, учреждений, организаций, вносятся другие необходимые изменения по условиям их производственной и другой деятельности. Кроме того, закон определяет, что виды и продолжительность ограничительных противоэпидемических мероприятий устанавливаются в зависимости от особенностей течения инфекционной болезни, состояния эпидемической ситуации и иных обстоятельств. В данном случае временные пределы действия ограничительных мер зависят от наступления определенных условий к нормализации состояния эпидемической ситуации.

Продолжая анализ, отметим, что в зависимости от субъекта, в отношении которого применяются ограничения, меры подразделяются на следующие группы: ограничения, применяемые как к физическим, так и к юридическим лицам. Анализ законодательства показывает, что к данной группе можно отнести следующее: установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств; установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; введение комендантского часа, то есть запрета в установленное время суток находиться на улицах и в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность граждан; введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических,

ветеринарных и других мероприятий; изъятие в соответствии с федеральными законами необходимого для нужд обороны имущества у организаций и граждан с последующей выплатой государством стоимости изъятых имущества; приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи; использование транспортных средств, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях и транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, для доставления лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в лечебные учреждения, а также для преследования лиц, подозреваемых в совершении террористического акта, если промедление может создать реальную угрозу жизни или здоровью людей; беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные, принадлежащие физическим лицам, помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом; ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности.

Исключительно к физическим лицам в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций могут применяться следующие меры: проверка документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств; выдворение в установленном порядке лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, за ее пределы за их счет, а при отсутствии у них средств – за счет средств федерального бюджета с последующим возмещением расходов в судебном порядке; продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением таким жителям стационарных или временных жилых помещений; в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, мобилизация трудоспособного населения и привлечение транспортных средств граждан для проведения указанных работ при обязательном соблюдении требований охраны труда; запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций; интернирование (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией; запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории Российской Федерации; временное отселение физических лиц, проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции, в безопасные районы с обязательным предоставлением таким лицам стационарных или временных жилых помещений.

К юридическим лицам могут быть применены следующие ограничительные меры: ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов; приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей государственных организаций в связи с ненадлежащим исполнением указанными руководителями своих обязанностей и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими мер и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей; прекращение деятельности в Российской Федерации иностранных и международных организаций, в отношении которых правоохранительными органами получены достоверные сведения о том, что указанные организации осуществляют деятельность, направленную на подрыв обороны и безопасности Российской Федерации; приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества.

Библиографический список:

1. Пандемия коронавируса. Самое актуальное. – Текст: электронный // Общество.ру : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/5e2fe9459a79479d102bada6> (дата обращения: 18.05.2026).
2. Коноплев, В.В., Басов, А.В. Некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение установленных временных ограничительных мер в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 / В.В. Коноплев, А.В. Басов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 331–337.
3. О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 18.05.2026).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.05.2026).
5. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 28.12.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5323/01da49b0689ae681f5c80f5961f03b87a2сес6е7/ (дата обращения: 18.05.2026).

Белова Ольга Ивановна,
декан юридического факультета
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сегодня проблема уголовной ответственности несовершеннолетних за террористические и диверсионные преступления стоит особенно остро. Это связано не только с высокой общественной опасностью таких деяний, но и с быстрой трансформацией способов вовлечения подростков в противоправную деятельность.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, за 2023–2025 годы задержаны 159 подростков, причастных к совершению диверсий и терактов. В среднем ежемесячно три-четыре школьника становились фигурантами дел об особо тяжких преступлениях. Вербовка ведется преимущественно через мессенджеры, нередко из-за рубежа, причем кураторы прибегают к обману, сулят легкий заработок, однако после выполнения задания все исполнители оказываются на скамье подсудимых [6, с. 125]. Такая динамика вынуждает законодателя оперативно корректировать правовые механизмы, создавая особый режим ответственности, который заметно отличается от общих принципов уголовного права. Наиболее ярко эта линия проявилась в Федеральном законе от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ (далее – Федеральный закон № 420), который внес системные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, существенно ужесточив санкции как за сами террористические акты и диверсии, так и за вовлечение в них несовершеннолетних [4].

В доктрине уголовного права традиционно выделяют несколько признаков, определяющих особый статус террористических посягательств. Прежде всего, они направлены не просто на охраняемые законом общественные отношения, а на основы безопасности государства и общества. Немаловажно и то, что террористическая деятельность, как правило, носит системный, организованный характер, что требует создания механизмов ответственности не только для непосредственных исполнителей, но и для организаторов, финансистов, вербовщиков и иных пособников [1, с. 78].

Одним из ключевых нововведений по Федеральному закону № 420 стало снижение возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за такие деяния, как содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4), организация деятельности террористической организации (ст. 205.5), а также за диверсию (ст. 281), содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3) [4].

Данная мера вызвала дискуссии среди специалистов в области ювенальной юстиции, однако она отражает оценку законодателем исключительной общественной опасности этих преступлений. Фактически подросток, достигший 14 лет и совершивший одно из названных деяний, признается достаточно социально зрелым для несения полноценной уголовной ответственности [6, с. 126].

Параллельно введен запрет на назначение наказания ниже низшего предела, на применение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено санкцией, а также на неприменение обязательного дополнительного наказания за диверсионные преступления. Тем самым суд лишен права учитывать смягчающие обстоятельства в обычном порядке, что подчеркивает бескомпромиссность государственной реакции на диверсии.

Еще одним принципиальным решением является отказ от применения сроков давности к террористическим преступлениям. Согласно примечанию к ст. 78 УК РФ, такие деяния не имеют срока давности, и Федеральный закон № 420 подтвердил этот подход, распространив его и на диверсионные преступления.

Для несовершеннолетних, осужденных за вовлечение других в диверсионную деятельность или участие в диверсионном сообществе, возможность освобождения от наказания полностью исключена [4].

Все перечисленные меры в совокупности формируют уникальный правовой режим, ориентированный на максимальное правовое давление на лиц, причастных к террористической деятельности.

Особую остроту приобретает проблема квалификации действий несовершеннолетних, вовлеченных в террористическую деятельность под влиянием обмана или принуждения. В последнее время фигурантами дел по ст. 205 УК РФ все чаще становятся подростки и пожилые люди, которых обманным путем склонили к поджогу военкомата или административного здания. Вербовщики, действуя через Интернет, убеждают подростков, что те не достигли возраста ответственности, что это не опасно и деньги придут быстро. Однако по статьям о терроризме и диверсии условное наказание не предусмотрено, суд всегда назначает реальный срок. Формально действия таких лиц подпадают под признаки террористического акта со всеми вытекающими последствиями. Однако очевидно, что перед судом встает не убежденный террорист, а жертва мошенников.

Центральным элементом правового механизма противодействия вовлечению несовершеннолетних остается ст. 150 УК РФ, которая устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Диспозиция охватывает обещания, обман, угрозы и иные действия, направленные на возбуждение желания совершить преступление [3]. С января 2025 года введен квалифицирующий признак – совершение данного деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, что является прямой реакцией на перенос вербовочной деятельности в цифровую среду. Кроме того, установлена повышенная ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение несовершеннолетнего именно в диверсионную и террористическую

деятельность. Эта норма является специальной по отношению к общей ст. 150 УК РФ и подлежит применению при квалификации действий вербовщиков, целенаправленно работающих с подростковой аудиторией [5, с. 188].

Наряду с этим сохраняются общие проблемы назначения наказания несовершеннолетним, которые в контексте террористических преступлений приобретают дополнительную остроту. В соответствии со ст. 88 УК РФ несовершеннолетним могут назначаться лишь шесть видов наказаний из тринадцати, при этом существуют ограничения по срокам и размерам. В частности, лишение свободы не может быть назначено лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести в возрасте до 16 лет, а также всем несовершеннолетним, впервые совершившим преступления небольшой тяжести. Однако санкции многих статей о терроризме и диверсии предусматривают только лишение свободы, что создает коллизию: суд не может применить иное наказание, но и лишение свободы для некоторых категорий несовершеннолетних невозможно. В таких случаях обычно применяется ст. 64 УК РФ, позволяющая назначить наказание ниже низшего предела. Однако в условиях ужесточения антитеррористического законодательства этот механизм оказался заблокирован, поскольку Федеральный закон № 420 прямо запрещает назначение наказания ниже низшего предела для диверсионных преступлений. В итоге суд вынужден назначать лишение свободы даже тем несовершеннолетним, для которых законом установлены ограничения, что противоречит общим принципам ювенальной юстиции.

Кроме того, дискуссионным остается вопрос о взыскании штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего с их согласия. Хотя законодатель закрепил сложившуюся практику, такой подход нарушает принцип личной ответственности виновного и снижает воспитательное и предупредительное воздействие наказания [2, с. 38].

Таким образом, уголовная ответственность за преступления террористического характера сегодня представляет собой уникальный правовой институт. Исключение возможности применения условного осуждения и назначения наказания ниже низшего предела, отказ от сроков давности, снижение возраста ответственности до 14 лет – все эти меры направлены на создание режима максимального правового давления на причастных к террористической деятельности. Вместе с тем было бы целесообразно ввести в УК РФ самостоятельный состав, дифференцирующий ответственность лиц, склоненных к совершению террористических преступлений под влиянием психологического принуждения либо вследствие мошеннических действий вербовщиков.

Библиографический список:

1. Бриллиантов, А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Бриллиантов, А.Ю. Захаров, А.Н. Караханов и др. – М. : РАП, 2019. – 440 с.

2. Мищенко, Я.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений террористического характера / Я.А. Мищенко // Научные исследования. – 2019. – № 2. – С. 37–40.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2026).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2026).

5. Халеменик, М.Р. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность: проблемы и пути их решения / М.Р. Халеменик, А.Д. Иванова // Юриспруденция: вчера, сегодня, завтра : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 декабря 2025 года. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 186–190.

6. Шматова, П.В. Особенности уголовной ответственности за преступления террористического характера / П.В. Шматова // Наука. Образование. Практика. – 2026. – № 1 (1). – С. 124–129.

Бердинских Светлана Владимировна,
соискатель Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРОКУРОРОМ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) относятся к объектам общенационального достояния.

Публичные интересы в сфере ООПТ, на наш взгляд, – это признанные государством и урегулированные (обеспеченные) правом интересы, направленные на обеспечение экологической безопасности и сохранение благоприятной окружающей среды.

Федеральным законодателем предусмотрена административная ответственность за нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на ООПТ (ст. 8.39 КоАП РФ), за уничтожение или повреждение знаков ООПТ (часть 2 ст. 7.2 КоАП РФ).

В ряде субъектов Российской Федерации установлена административная ответственность за правонарушения в сфере использования и охраны ООПТ регионального значения (например, законами г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», Воронежской области от 31.12.2003 № 74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области», Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай», Республики Тыва от 30 декабря 2008 г. № 905 ВХ-2 «Кодекс Республики Тыва

об административных правонарушениях», Костромской области от 20.04.2019 № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях», Краснодарского края от 23.07.2003 № 608-КЗ «Об административных правонарушениях», Кодексом Нижегородской области об административных правонарушениях от 20.05.2003 № 34-З).

В соответствии с КоАП РФ прокурор, защищая публичные интересы, уполномочен:

- возбуждать дела по фактам правонарушений в сфере использования и охраны ООПТ по результатам прокурорских проверок, участвовать в их рассмотрении, в том числе в порядке пересмотра судом;
- приносить протесты на постановления о привлечении лиц к административной ответственности по ст. 8.39 КоАП РФ (по делам, возбужденным и прокурором, и иными органами) в целях отмены постановлений и прекращения производства по делам в связи с наличием постановлений о возбуждении уголовных дел по этим же фактам и необходимостью осуществления уголовного преследования.

Статья 8.39 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение режима или иных правил охраны и использования окружающей среды и природных ресурсов на территориях государственных природных заповедников, национальных парков, природных парков, государственных природных заказников, а также на территориях, на которых находятся памятники природы, на иных ООПТ либо в их охранных зонах, а равно нарушение правил организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма, на ООПТ.

Состав – формальный с альтернативными признаками объективной стороны (места совершения правонарушения) [1].

Главным разграничивающим признаком преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ, содержащей материальный состав нарушения режима ООПТ и природных ресурсов, от административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.39 КоАП РФ, выступает значительный ущерб [2, с. 54].

Объективную сторону образуют действия или бездействие, то есть несоблюдение или ненадлежащее соблюдение правил. Нарушения могут выражаться в незаконном проникновении на территорию ООПТ, ведении хозяйственной деятельности, размещении садоводческих и дачных участков либо в бездействии уполномоченных лиц по обеспечению режима охраны ООПТ, формировании земельных участков для целей, противоречащих режиму ООПТ.

Субъекты правонарушения – граждане, должностные и юридические лица.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла или неосторожности.

Дела рассматриваются должностными лицами органов, осуществляющих функции по контролю в области организации и функционирования ООПТ федерального значения (ст. 23.25 КоАП РФ); органов, осуществляющих государственный экологический контроль (ст. 23.29 КоАП РФ); органов, осуществляющих государственный контроль и надзор в сфере безопасного ведения работ, связанных с пользованием недрами, промышленной безопасности

и безопасности гидротехнических сооружений (об административных правонарушениях, совершенных на территориях санитарных (горно-санитарных) зон и округов) (ст. 23.31 КоАП РФ), а также судьями в случае передачи им таких дел на рассмотрение (ч. 2 ст. 23.1 КоАП РФ).

При решении вопроса о наличии события административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.39 КоАП РФ, необходимо установить следующие фактические обстоятельства: 1) наличие нормативно-правового акта, определяющего статус и утверждающего границы и режим охраны ООПТ; 2) факт запрета совершения деяния нормативным правовым актом; 3) факт совершения деяния в границах ООПТ, конкретные требования режима ООПТ, которые нарушены, в чем действия (нарушение) выразились; 4) субъект, допустивший нарушение; 5) факт причинения ущерба и его размер.

В постановлении о возбуждении дела об административном правонарушении необходимо отразить, в чем конкретно выразилось нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на ООПТ.

Срок давности привлечения к ответственности составляет один год (ст. 4.5 КоАП РФ).

Прокуроры реализуют полномочия по возбуждению дел об административных правонарушениях по фактам нарушений в сфере использования и охраны ООПТ.

Например, по постановлению прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 8.39 КоАП РФ, юридическое лицо привлечено к административной ответственности в виде штрафа в размере 150 тыс. рублей. Установлено, что неочищенные ливневые стоки с территории предприятия поступают на территорию природного заказника областного значения «Воронежская нагорная дубрава» и влекут за собой снижение экологической ценности заповедника¹.

Важна реализация прокурорами полномочий по принесению протеста на постановление о привлечении лица к административной ответственности по ст. 8.39 КоАП РФ, в котором поставлен вопрос об его отмене и прекращении производства по делу в связи с наличием постановления о возбуждении уголовного дела по данному факту и необходимостью осуществления уголовного преследования.

Например, кассационным судом удовлетворен протест заместителя прокурора Республики Коми на вступившее в законную силу постановление мирового судьи, которым гражданин N привлечен к административной ответственности по ст. 8.39 КоАП РФ. Данный гражданин на территории природного заказника республиканского значения «Вымский» на р. Ворыква в нарушение требований пункта 14.5.5 Правил рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна, утвержденных приказом Минсельхоза России от 30.10.2014 № 414, на надувной лодке на весельном ходу осуществлял лов рыбы на сетное орудие лова, выловил 8 штук «хариуса европейского».

¹ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 № 16-44/2023. – СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем дознавателем ОД ОМВД по Княжпогостскому району по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ.

По данному уголовному делу гражданин Н допрошен в качестве подозреваемого, ему вручено уведомление о подозрении в совершении преступления. При квалификации его действий по делу об административном правонарушении и по уголовному делу учтены одни и те же признаки объективной стороны составов правонарушения и преступления.

Привлечение лица к административной ответственности по ст. 8.39 КоАП РФ препятствовало осуществлению уголовного преследования по п. «г» ч. 1 ст. 256 УК РФ¹.

Приведенные рекомендации предлагается использовать при осуществлении защиты прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ.

Библиографический список:

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И.Л. Бачило и др.; под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М. : Проспект, 2011. – 1296 с. – СПС «КонсультантПлюс».
2. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране и использовании объектов животного мира, охоте и сохранении охотничьих ресурсов : пособие / Н.А. Игонина и др.; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М., 2015. – С. 54.

Богодяж Илья Сергеевич,
аспирант 2 курса
Юридического института
Северо-Кавказского
федерального университета

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ПРОКУРАТУРЫ

Изучая проблему террористических и экстремистских угроз в России, стоит отметить, что терроризм наряду с экстремизмом являются самой опасной формой проявления агрессии со стороны виновных лиц. При этом стоит уделить обширное внимание социально незащищенной демографической группе населения – молодёжи от 14 до 35 лет, которая в большей степени (особенно в последние годы) подвергается как террористическим, так и экстремистским угрозам, совершает преступления. Понятие «терроризм» дан в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму». Терроризмом

¹ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2021 № 16-5785/2021, Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2021 № 16-6008/2021. – СПС «КонсультантПлюс».

признается идеология насилия и воздействия на принятие органами государственной власти определенного решения, также направленная на устрашение населения, стремление «посеять» в обществе панику и страх, поэтому на первый план выходит общественная безопасность населения и целого города.

Экстремизм же отличается от терроризма прежде всего своей направленностью и объектом посягательства. В случае с терроризмом объектом всегда и везде будет выступать общественная безопасность, общество, цель всегда будет связана с насилием и понуждением государственных структур выполнить определенные действия в пользу виновных лиц. Ярким примером является удержание и захват заложника. Как правило, здесь состав преступления формальный, и считается оконченным с момента захвата заложника и лишения свободы, а целью террористов выступает понуждение государства выполнить или не выполнить (воздержаться) определенные действия, в качестве жертвы выбирают физическое лицо, которым манипулируют государственные органы. Экстремизм же отличается от терроризма объектом посягательства. В этом случае объектом выступает государство, основы конституционного строя. Классическим примером экстремистской деятельности выступают, несомненно, публичные призывы, служащие своего рода инструментом воздействия на граждан и посягающие на основы конституционного строя. Например, согласно действующей редакции Уголовного кодекса, а именно ст. 280.1, предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению действий экстремистской направленности. Как следует из Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», среди прочего деяниями, подпадающими под экстремистскую деятельность, являются насильственное нарушение целостности Российской Федерации, а также так называемый националистический экстремизм – радикальные идеи и взгляды, направленные на представителей тех или иных национальностей, этнических групп. Ввиду цифровизации общества и государства и постепенного внедрения новых технологий так называемые публичные призывы могут осуществляться различными способами, включая информационные технологии с использованием сети Интернет, агитацию в средствах массовой информации, расклеивание листовок, а преступление считается оконченным с момента распространения хотя бы одного из обращений виновного лица.

Молодёжь все чаще подвергается угрозам экстремистской направленности, преступные лица могут использовать молодое поколение в качестве помощников по расклеиванию листовок с призывом к определенному действию и разжиганию ненависти. Более того, все большую актуальность приобретает статья 282 УК РФ, предусматривающая ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, а объектом данного преступления – общественные отношения, которые обеспечивают расовое, национальное, половое, социальное равноправие и свободу граждан, вероисповедание граждан. Отметим, что Конституция Российской Федерации гарантирует каждому человеку свободную религию и никакая другая религия не может быть признана в качестве обязательной. Экстремизм ведет к дестабилизации общественного порядка, пропаганда

национального превосходства не всегда и не во всех случаях связана с жертвами и насилием, а посредством агитации, пропаганды возбуждение вражды между определенными группами людей, в том числе и молодёжи, приводит к возбуждению вражды, а самое главное – ненависти между социальными слоями населения.

Подводя черту вышесказанным словам, нельзя не отметить, что именно молодое поколение всё чаще подвергается как экстремистским, так и террористическим угрозам. Нередко молодые люди сами, не осознавая, вступают в экстремистские и террористические сообщества, в социальных сетях оправдывают терроризм и экстремизм. Этим в полной мере выступает неосознанность поступков и действий. Мало кто понимает последствия своих действий, особенно в молодом возрасте. Например, в 2025 году в Ставрополе в День Победы было арестовано девять молодых подростков, которые собирались совершить преступление против представителей власти. Шокирует в этой ситуации и то, что данные подростки являются приверженцами международной террористической организации. Как поясняют материалы уголовного дела, лидером данного сообщества был молодой юноша, который был завербован через мессенджер, после присяги юноша уговорил присоединиться своего родственника и ещё 7 человек из Андроповского округа.

Кроме того, немало имеется примеров и действий подростковых преступлений террористической направленности. Например, в июне 2025 года житель Михайловска завел собственный канал в мессенджере, в котором занимался пропагандой и агитацией терроризма, что также предусмотрено действующими нормативно-правовыми актами.

Как видно, молодёжь все чаще с каждым годом подвергается террористическим угрозам. Как справедливо отмечает Е.В. Болгарь, категории лиц, которые обвиняются в совершении преступлений террористической и экстремистской направленности, значительно «помолодели». Это, как правило, юноши от 16 до 24 лет. Это, действительно, так, ведь в данном возрасте молодёжь начинает проходить путь социализации, взаимодействовать друг с другом, искать свой жизненный путь [1, с. 100].

Таким образом, следует сделать вывод, что молодёжные группы все чаще находятся в эпицентре событий, все чаще подвержены террористическим и экстремистским угрозам, все чаще замешаны в совершении преступлений, под давлением и влиянием других лиц, совершая преступления.

С другой стороны, нельзя не согласиться и с мнением ученого С.А. Буткевича, который подчеркивал, что одной из возможных причин подростковой преступности в столь юном возрасте является психологическая незрелость, отсутствие идеологической составляющей, моральных и нравственных принципов. Молодёжь часто интересуется различными радикальными течениями, религиозными объединениями. В то же время молодёжь проходит все пути социализации, в том числе и в семье, где также, стоит отметить, на формирование личного мировоззрения влияет и воспитание со стороны родителей [2, с. 88].

Верно замечает С.А. Авакьян, что конституция просто не может не быть идеологическим и мировоззренческим документом. Каждая конституция должна

быть нацелена на формирование концепции мировоззренческих ценностей каждого индивида в отдельности [3, с. 48]. Автор справедливо утверждает, что конституция любой страны закрепляет основу нравственных ценностей, чтобы на ее основе формировалось соответствующее мировоззрение индивида.

Мы полностью также поддерживаем позицию Л.А. Меркулова, который среди прочих проблем молодёжи и совершения ими преступлений террористической и экстремистской направленности, а также вовлечения в совершение соответствующих преступлений выделяет отсутствие нравственных и моральных принципов, а самое важное – патриотическое воспитание, желание и возможность быть полезным обществу, совершая добрые дела каждый день. Прежде всего, проблема преступности молодёжи может быть обусловлена влиянием СМИ, бурным и стремительным развитием информационных технологий [4, с. 28]. Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что основными причинами подростковой преступности террористической и экстремистской направленности являются социальное неравенство, отсутствие моральных и нравственных убеждений и устоев, принципов, а также низкий мировоззренческий опыт у молодого поколения, влияние социальных сетей, стремительная цифровизация, поглотившая все сферы общественной жизни.

Указанные проблемы очень важно решать не только на региональном, но и на федеральном уровне, подключая как представителей гражданского общества, так и правоохранительные органы и прокуратуру. Как справедливо отмечают ученые В.М. Шинкарук, П.П. Фантров, Н.А. Соловьева, выступают два основных направления – совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия экстремизму и терроризму и второе, не менее важное, – профилактика терроризма и экстремизма [5, с. 179]. Представляется важным отметить, что первое направление нацелено на реализацию и соблюдение всех норм Федерального закона «О противодействии терроризму» и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», которая базируется на ликвидации общественного мнения, связанного с оправданием терроризма, совершением действий экстремистской направленности. Во втором направлении учёные выделяют профилактику террористических и экстремистских преступлений, проведение профилактических мероприятий в школах, вузах и ссузах как правоохранительными органами, так и прокуратурой.

Помимо превентивных мер, прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов органами государственной власти и местного самоуправления, проведение плановых и внеплановых проверок финансовых организаций в целях предотвращения легализации доходов, добытых преступным путём. Кроме того, представители власти и прокуроры наделены полномочиями обращаться в суд с иском о ликвидации общественных и религиозных объединений.

Ещё одним методом борьбы с террористическими и экстремистскими преступлениями являются координационные совещания с правоохранительными органами. Так, на заседании координационного совещания 10 октября 2024 года Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов подчеркнул, что сохраняются проблемы из-за роста мошенничества, склонения и вербовки молодёжи в сети Интернет. Поэтому в связи с развитием Интернета необходимо

правоохранительным органам и прокуратуре предпринимать меры. Среди перспектив, например, следует выделить усиление международного сотрудничества между странами, программ по обмену опытом между странами, а также перспективным направлением считаем развитие технологий мониторинга и анализа информации в сети Интернет, что в значительной степени способствует отслеживанию экстремистских сообществ.

Библиографический список:

1. Болгарь, Е.В. Возникновение экстремизма в молодежной среде и пути его предупреждения / Е.В. Болгарь // Молодой ученый. – 2022. – № 35 (430). – С. 100–102.
2. Буткевич, С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы / С.А. Буткевич // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 88–93.
3. Анненкова, В.Г. Общенациональная государственная идея как основа единства Российской Федерации (конституционно-правовой аспект) / В.Г. Анненкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 85. – С. 45–51.
4. Меркулов, П.А. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественной практике / П.А. Меркулов, Е.Н. Малик, Е.С. Бакалдина, А.Л. Елисеев // Власть. – 2015. – № 10. – С. 27–32.
5. Шинкарук, В.М., Фантров, П.П., Соловьева, Н.А. Противодействие экстремизму в молодежной среде: роль прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере / В.М. Шинкарук, П.П. Фантров, Н.А. Соловьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – С. 178–187.

Борецкая Лилия Романовна,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ИСКУССТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Современный этап развития цивилистического процессуального права характеризуется усилением внимания к добросовестному использованию предоставленных процессуальных прав сторонами цивилистического процесса.

Несмотря на закрепление в статье 35 ГПК РФ, статье 41 АПК РФ и статье 41 КАС РФ обязанности лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами и указывание на неблагоприятные последствия в случае злоупотреблений процессуальными правами, судебная практика продолжает фиксировать различные формы

недобросовестного поведения, одной из которых является искусственное изменение территориальной подсудности.

Актуальность исследования искусственного изменения подсудности как способа злоупотребления процессуальными правами обусловлена объективной потребностью в повышении эффективности противодействия злоупотреблениям процессуальными правами в сфере определения подсудности, необходимостью унификации судебной практики и восполнения пробелов в теоретическом осмыслении данного феномена. Решение этих задач будет способствовать реализации конституционного права на судебную защиту, обеспечению стабильности и предсказуемости правосудия, а также укреплению принципа процессуальной добросовестности как фундаментальной ценности современного цивилистического процесса.

В диссертационном исследовании О.В. Аксеновой, посвященном реализации субъективных гражданских прав в гражданском судопроизводстве, выделяется одна из форм недобросовестного процессуального поведения участников, обладающих собственным материально-правовым интересом в исходе дела, – действия, направленные на искусственное изменение подсудности спора [1, с. 16].

М.А. Боловнев в диссертационном исследовании «Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами» относит к целям злоупотреблений процессуальными правами недобросовестное изменение подсудности [2, с. 4].

С.Л. Будылин, Ю.В. Тай [3], М.В. Калинина [4], А.С. Кожухова [5] и др. также искусственное изменение подсудности выделяют в качестве одного из способов злоупотребления, однако детальный анализ ее видов, критериев выявления, процессуальных последствий требует дальнейшего научного осмысления.

Подача надуманного иска к одному из ответчиков в целях изменения подсудности (статья 36 АПК РФ позволяет предъявить иск по месту нахождения одного из ответчиков по выбору истца, если ответчики находятся или проживают в разных субъектах РФ).

Искусственное изменение территориальной подсудности спора как способ недобросовестного использования сторонами своих процессуальных прав именуется «процессуальным туризмом».

Недобросовестность, направленная на искусственное изменение территориальной подсудности дела, зафиксирована в определениях ВС РФ от 25.07.2019 по делу № 306-ЭС19-3574 [6], от 01.12.2021 № 305-ЭС21-19641(2) по делу № А40-80975/2021 [7], от 23.07.2025 по делу № А32-57879/2023 [8], в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 № 305-ЭС18-16329 [9], от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635 [10], а также в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2022 по делу № А46-20223/2020 [11] и др.

Показательным является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 № 305-ЭС18-16327 [9], в котором судебная коллегия усматривает недобросовестность, направленную на искусственное изменение подсудности

дела (смена регистрации после подачи заявления о банкротстве без реального переезда) и признанную самостоятельным способом злоупотребления процессуальными правами, который не должен влечь передачу дела в другой суд.

При анализе данного судебного акта усматривается, что Кредитор (ГК «Внешэкономбанк», ныне «ВЭБ.РФ») 29.05.2018 подал в Арбитражный суд Московской области заявление о признании гражданина Бажанова Ф.В. банкротом, на дату подачи заявления должник был зарегистрирован и фактически проживал в Московской области.

30.05.2018 должник изменил место регистрации на Рязанскую область, о чем уведомил суд 31.05.2018 и потребовал возвратить заявление кредитора из-за нарушения подсудности (одновременно он сам подал заявление о своем банкротстве в суд Рязанской области).

Арбитражный суд Московской области принял заявление кредитора к производству, посчитав подсудность соблюденной, а апелляционный суд отменил это определение и направил дело в Арбитражный суд Рязанской области, формально руководствуясь правилами о подсудности по месту жительства должника.

Верховный Суд РФ отменил постановление апелляционной инстанции и оставил в силе определение первой инстанции, оставив рассмотрение дела в Московской области, при этом главный акцент суда сделан на том, что простая смена регистрации на следующий день после подачи заявления не может служить основанием для передачи дела в другой регион. Иначе любой должник мог бы срывать судебные процессы мгновенной сменой прописки. Гражданин, сменивший регистрацию незадолго до или после подачи заявления о банкротстве, обязан доказать, что это обусловлено объективными причинами (семейные обстоятельства, работа, реальный переезд и т.п.). В данном деле должник таких доказательств не представил.

Верховный Суд подчеркнул, что такое поведение не может оставаться без внимания – иначе поощряется недобросовестность, направленная на искусственное изменение территориальной подсудности дела.

Суды расценивают процессуальные манипуляции с подсудностью как самостоятельное злоупотребление, а не просто как тактический прием.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 23.12.2021 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» [12] предусмотрен алгоритм действия суда в случае установления совершения истцом недобросовестных действий, направленных на искусственное изменение подсудности при подаче иска, однако судебная практика свидетельствует о многочисленных действиях недобросовестных лиц, направленных на искусственное изменение подсудности.

Проведенное исследование феномена недобросовестного изменения подсудности, квалифицируемого как один из способов злоупотребления процессуальными правами сторонами в гражданском процессе, позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

Искусственное манипулирование правилами территориальной подсудности (получившее в доктрине и практике наименование

«процессуальный туризм») представляет собой не единичные случаи процессуальной недобросовестности, а объективно существующее и достаточно широко распространенное явление. Анализ актуальной судебной практики свидетельствует о системном и многоаспектном характере данного способа злоупотребления, который проявляется в разнообразии конкретных приёмов: от включения в исковое заявление надуманного соответчика с единственной целью создания альтернативной привязки подсудности до фиктивного изменения физическим лицом места жительства (регистрационного учёта) либо «миграции» юридического лица посредством реорганизации, направленной на смену юридического адреса. Тем самым «процессуальный туризм» выступает не случайным дефектом правоприменения, а устойчивым поведенческим паттерном, требующим системного противодействия.

Особенность рассматриваемого вида злоупотребления заключается в его высокой латентности и внешней легальности. Действия, направленные на искажение подсудности, как правило, облекаются в формально безупречные процессуальные и материально-правовые конструкции: реализация истцом права выбора суда по месту нахождения одного из ответчиков (п. 1 ст. 31 ГПК РФ, ч. 1 ст. 35 АПК РФ); свобода гражданина на изменение места жительства; право юридического лица на реорганизацию или смену места нахождения.

Именно эта «оболочка законности» создает основные трудности для квалификации подобного поведения как недобросовестного, поскольку формальное соответствие действий нормам права маскирует их противоправную цель – получение необоснованных процессуальных преимуществ.

В связи с этим центральной научной и практической проблемой становится выработка чётких критериев, позволяющих отграничить правомерное использование институтов подсудности от злоупотребления, направленного на их искусственное искажение.

В своих работах автор [13] указывал на необходимость выработки чётких критериев (признаков), присущих в целом такому явлению, как злоупотребление процессуальным правом.

Обобщение судебной практики дает основания выделить два основных подхода к противодействию «процессуальному туризму».

1. Процессуальный подход, при котором суд отказывается от передачи дела по формально правильной подсудности, если будет установлено, что изменение подсудности (смена регистрации физическим лицом, привлечение ненадлежащего или надуманного соответчика, реорганизация с переменной адреса и т.п.) произведено незадолго до или после подачи иска и не имеет разумного экономического или личного обоснования.

2. Материально-правовой подход, применяемый в случаях, когда недобросовестное изменение подсудности выступает не самоцелью, а средством достижения противоправных материальных результатов, – например, уклонения от уплаты налогов, воспрепятствования процедурам банкротства, вывода активов или создания искусственной судебной юрисдикции для последующего признания сделок недействительными. В рамках этого подхода допускается признание недействительными (ничтожными) тех юридических фактов и сделок, которые лежали в основе изменения подсудности (реорганизация, смена

юридического адреса, регистрация по месту жительства), с применением последствий недействительности в соответствии со статьей 10 Гражданского кодекса РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, противодействие «процессуальному туризму» требует комплексного применения как процессуальных, так и материально-правовых механизмов, причем выбор конкретного подхода зависит от того, является ли искусственное изменение подсудности самостоятельным злоупотреблением или лишь инструментом для достижения незаконного материального результата.

Библиографический список:

1. Аксенова, О.В. Субъективные гражданские права и их осуществление в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. – 28 с.
2. Боловнев, М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2018. – 27 с.
3. Будылин, С.Л., Тай, Ю.В. Не стоит путать туризм с эмиграцией. Банкротный туризм в России и за рубежом / С.Л. Будылин, Ю.В. Тай // Закон. 2023. – № 6. – С. 72–103.
4. Калинина, М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения / М.В. Калинина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 6. – С. 21–23.
5. Кожухова, А.С. К вопросу о недобросовестном изменении компетенции судов / А.С. Кожухова // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 2. – С. 127–140.
6. Определение ВС РФ от 25.07.2019 по делу № 306-ЭС19-3574 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/73cb230c-66ce-4c79-a352-3e177959de13/e7aa88eb-4b9a-42ae-93ef-65f4bf3858cd/A12-349332017_20190729_Opredelenie.pdf?isAd dStamp=True (дата обращения: 10.10.2022).
7. Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2021 № 305-ЭС21-19641(2) по делу № А40-80975/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01122021-n-305-es21-196412-po-delu-n-a40-809752021/> (дата обращения: 10.05.2026).
8. Определение Верховного Суда РФ от 23.07.2025 по делу № А32-57879/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=860668#mXbGbJVq6YIix1fG2> (дата обращения: 10.05.2026).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.02.2019 по делу № 305-ЭС18-16329, А41-40947/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25022019-po-delu-n-305-es18-16327-a41409472018/> (дата обращения: 12.09.2022).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot->

21032019-n-308-es18-25635-po-delu-n-a63-95832018/ (дата обращения: 12.09.2022).

11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2022 по делу № А46-20223/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/V4qcflIDknbQ/> (дата обращения: 12.05.2026).

12. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 23.12.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404664/ (дата обращения: 20.05.2025).

13. Борецкая, Л.Р. К вопросу о признаках злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе / Л.Р. Борецкая // Вопросы развития государства и права: теория, история и практика : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27 ноября 2024 года. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 189–195.

Борисенко Екатерина Александровна,
доцент кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ПРАВОВОГО УСМОТРЕНИЯ В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ, ПРАВООРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассмотрение вопросов использования правового усмотрения в прокурорской деятельности является актуальным и своевременным в связи с происходящими трансформационными процессами в обществе и государстве, повышающими роль и значение правового усмотрения в решении поставленных задач и реализации новых функций органов прокуратуры, требующими выработки соответствующих теоретических, гносеологических, правовых, эмпирических подходов к названному правовому явлению.

Современные условия, обусловленные международной, внешне- и военно-политической обстановкой, диктуют необходимость оперативного реагирования на различные риски, угрозы и вызовы и поставленные в связи с этим руководством страны задачи. При этом решения подобного рода в отдельных случаях опережают законодательное регулирование, а значит, принимаются в рамках правового усмотрения. Что, с одной стороны, требует изучения механизмов принятия управленческих решений, видов, пределов правового усмотрения, его влияния на эффективность деятельности органов прокуратуры, а

с другой стороны, влечет потребность анализа действующего законодательства на предмет необходимости внесения в него изменений, соответствующих потребностям фактически сложившихся общественных отношений.

При этом правовое усмотрение, являющееся непосредственным элементом правоприменения, фактически используемым прокурором при реализации своих полномочий, не исследовалось, за исключением изучения дискреционных полномочий прокурора в уголовном процессе [2; 3; 4; 7].

Предложение о необходимости осмысления понятия «прокурорское усмотрение» высказано Кардашовой И.Б., обратившей внимание на неразработанность указанного явления, в том числе в силу междисциплинарного характера прокурорской деятельности [1, с. 61–69].

Наличие правового усмотрения предопределено различными причинами: объективными (историческими, сущностно-правовыми, сложившейся правовой системой) и субъективными (целенаправленное закрепление возможности усмотрения законодателем («замысел» законодателя), выбранный тип правового регулирования, конкуренция правовых норм, ошибки правотворческой техники, юридические коллизии, пробелы в праве) [5, с. 62–74].

Предпосылки формирования правового усмотрения в прокурорской деятельности были заложены еще в Именном Указе Петра I «О должности Генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 года, который «поручал Генерал-прокурору сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил, и во всех делах, которые к сенатскому рассмотрению и разрешению подлежат истинно, ревностно и порядочно, без потери времени, по регламентам и указам отправлял... поступал праведно и нелицемерно»¹. Таким образом, идея создания прокуратуры заключалась не только в осуществлении надзора за исполнением «регламентов и указов», но и в целом в защите интересов государства посредством обеспечения надлежащего исполнения обязанностей и качества работы его органов (в данном случае Сената) «истинно и ревностно»².

На современном этапе, характеризующемся усиливающейся нестабильностью в мире, предпринимаемыми недружественными иностранными государствами усилиями по дестабилизации межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, расколу российского общества и нарушению его внутреннего единства; нарастающей в международном пространстве русофобии, дискредитации русского языка и культуры, традиционных для России религий, активизации усилий по искажению исторической правды и уничтожению исторической памяти о Великой Отечественной войне, других значимых событиях российской истории и роли в этих событиях народов России; гиперболизацией региональных и этнических интересов, в том числе вследствие внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия³, усиливается значение использования правового усмотрения в прокурорской деятельности.

¹ Именной Указ Петра I «О должности Генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 года. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/316964#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 30.04.2026).

² Там же.

³ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858.

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2025 года Президент Российской Федерации В.В. Путин выразил свою уверенность в том, что прокурорский корпус России понимает весь уровень своей ответственности, историческую значимость стоящих задач и приложит максимум усилий для их чёткого, эффективного выполнения¹.

Участвуя в расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2026 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин также отметил: «Вы знаете, задачи прокуратуры нам всем с вами хорошо известны, потому что они формулировались столетиями... с момента создания прокуратуры в Российской империи. И здесь нет второстепенных вопросов. Всё важно, всё... Но всё-таки ситуация накладывает отпечаток на текущие вопросы, и, конечно, на некоторые вещи хотел бы обратить внимание»².

Руководством Генеральной прокуратуры Российской Федерации с учетом обозначенных задач определены приоритетные направления деятельности прокуратуры и отмечена роль прокурорских служб в деле достижения важнейших для нашей страны целей по защите её суверенитета, укреплению экономики, повышению уровня благополучия граждан³.

Использование правового усмотрения в прокурорской деятельности необходимо для решения новых задач, находящих свое отражение в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации: соблюдения указов Президента Российской Федерации, касающихся введения специального экономического режима, надзорного сопровождения принимаемых Правительством Российской Федерации мер по поддержке предприятий транспортной отрасли, мероприятий по техническому перевооружению и модернизации предприятий оборонно-промышленного комплекса, исполнения законодательства о выборах, разрешения социальных проблем работников оборонной отрасли⁴ и др.

¹ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры 19 марта 2025 года // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/76484 (дата обращения: 25.04.2026).

² Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры. Президент России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360?ysclid=mptfspn3fy142601992> (дата обращения: 30.04.2026).

³ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры 19 марта 2025 года // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/76484; В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2025 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2026 год. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/?ysclid=mptg2e8o1f915911339> (дата обращения: 25.04.2026).

⁴ Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности : Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 11.03.2022 № 140/20 (в ред. от 30.10.2025 № 747) (п. 2.15 (1), 2.20, 3.2 и др.) // Законность, 2022. № 5; Законность, 2025. № 12; Календарный план поручений по организации работы органов прокуратуры Российской Федерации на отдельных направлениях прокурорского надзора, утвержденный Генеральным прокурором Российской Федерации А.В. Гуданом 28.04.2026.

Тем не менее статьей 129 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) указанные направления деятельности не урегулированы, что подтверждает роль правового усмотрения на современном этапе.

Помимо необходимости осуществления деятельности в условиях правовой неопределенности, правовое усмотрение является непосредственным элементом правоприменения, наличие которого предопределено конструированием норм Закона о прокуратуре с использованием преимущественно формулы «вправе». Такая правовая конструкция обусловлена невозможностью предвидеть порядок действий прокурора в каждой конкретной ситуации и образует дуалистический алгоритм полномочий, заключающийся в сочетании субъективного права с юридической обязанностью. Кроме того, отдельные нормы, устанавливающие полномочия прокурора, характеризуются альтернативными свойствами (к примеру, п. 3 ст. 27 Закона о прокуратуре).

Понимание содержания, пределов правового усмотрения, его роли и особенностей в принятии управленческих решений на их основе способствует обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Тем более, что обеспечение законности является основной миссией прокуратуры [6, с. 31–35].

В связи с этим в последнее время проводится работа по внесению изменений в организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующие организацию работы по различным направлениям деятельности, в которых закреплена персональная ответственность руководителей органов прокуратуры за несвоевременное, некачественное принятие мер или непринятие соответствующих мер¹.

Указанное, с одной стороны, подчеркивает значение правового усмотрения в прокурорской деятельности в обеспечении законности, правопорядка и общественной безопасности, а с другой, – с учетом широкого спектра его применения повышает ответственность руководителей органов прокуратуры за его реализацию при осуществлении профессиональной деятельности.

Библиографический список:

1. Кардашова, И.Б. Правовое усмотрение в прокурорской деятельности / И.Б. Кардашова // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. – 2024. – № 2 (100). – С. 61–69.
2. Глухих, С.С. Усмотрение прокурора в отечественном уголовном процессе / С.С. Глухих // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. – 2023. – № 2 (94). – С. 93–99.
3. Конярова, Ж.К. Усмотрение прокурора в уголовном процессе :

¹ Приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2026 № 177 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации», от 16.04.2026 № 281 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» и др.

монография / Ж.К. Конярова // Федер. агентство по образованию, Удмурт. гос. ун-т, Ин-т права, соц. упр. и безопасности. – Ижевск, 2005. – 117 с.

4. Ларина, А.В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2018. – 186 с.

5. Никитин, А.А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2021. – 514 с.

6. Сухарев, А.Я. О роли прокуратуры в законодательном обеспечении национальной безопасности Российской Федерации / А.Я. Сухарев // Научные основы национальной безопасности Российской Федерации: материалы семинара 24 мая 2005 г. – М., 2005. – С. 31–35.

7. Терехов, Е.В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 30 с.

Буткевич Сергей Анатольевич,
начальник кафедры конституционного
и гражданского права Крымского филиала
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации», кандидат юридических наук,
доцент, заслуженный юрист Республики Крым

АНОНИМНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ДЕТЕРМИНАНТЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОДХОДЫ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

Современный терроризм претерпевает качественные изменения, одним из которых выступают атаки, ответственность за которые публично не принимает ни одна организация или конкретное лицо. По различным оценкам, более половины таких актов, совершенных в мире за последние десятилетия, остаются без заявленного авторства. Данное обстоятельство вступает в противоречие с классическим пониманием терроризма как средства публичного давления и демонстрации политических требований [1, с. 117]. Анонимный терроризм, напротив, ориентирован на создание атмосферы неопределенности, размывание ответственности и затруднение расследования, что формирует новые вызовы для правоохранительной системы и требует переосмысления сложившихся криминологических подходов.

Традиционно террористические организации стремились к публичному признанию совершенных атак, рассматривая их как элемент политической борьбы и способ привлечения сторонников. Отказ от заявления ответственности указывает на трансформацию не только тактики, но и мотивационной структуры радикальных и деструктивных сил. Анонимность позволяет организаторам решать несколько задач: минимизировать риски идентификации и уголовного

преследования; создавать информационный вакуум, способствующий распространению панических настроений и конспирологических теорий; маскировать истинные цели под акты психически нестабильных лиц, бытовые конфликты, протестные выступления или криминальные разборки.

Распространению анонимного терроризма способствует ряд взаимосвязанных факторов. Во-первых, цифровизация коммуникаций и появление защищенных каналов связи существенно расширили возможности для дистанционной координации без раскрытия личности организаторов [2, с. 102]. Во-вторых, использование криптовалют и иных децентрализованных финансовых инструментов позволяет осуществлять ресурсное обеспечение атак вне контроля традиционных финансовых институтов. В-третьих, развитие технологий искусственного интеллекта открыло новые каналы для вовлечения исполнителей: нейросетевые алгоритмы способны в автоматизированном режиме выявлять уязвимые категории граждан, подбирать персонализированный контент и выстраивать многоступенчатые манипулятивные стратегии без прямого участия человека-вербовщика.

В Российской Федерации проблема анонимного терроризма приобрела особую значимость после начала специальной военной операции на Украине [3]. Значительная часть совершаемых диверсий и террористических актов остается без публичного заявления об ответственности (в том числе под чужим флагом), что усложняет не только расследование, но и выработку системных превентивных мер. Отсутствие явного субъекта ответственности создает благоприятную почву для распространения деструктивных нарративов и использования анонимных каналов для дальнейшей радикализации отдельных групп населения.

Исполнители анонимных террористических атак неоднородны. К первой типологической группе можно отнести лиц, завербованных через цифровые платформы и действующих по заданию кураторов, личности которых им неизвестны. Вторую группу образуют радикализированные одиночки, чья мотивация сформировалась под воздействием контента из референтных социальных сетей и мессенджеров [4, с. 41]. Третья категория – лица, вовлеченные в террористическую деятельность через механизмы шантажа или обмана, включая ситуации, когда жертвы дистанционных мошенничеств принуждаются к совершению противоправных действий под угрозой распространения компрометирующей информации либо в качестве способа возврата похищенных средств.

В этих условиях возрастает значение оперативно-разыскной деятельности, направленной на установление каналов коммуникации, финансовых потоков и иных цифровых следов, позволяющих идентифицировать организаторов. Вместе с тем даже при отсутствии прямых доказательств причастности конкретных организаций к совершенным атакам, анализ косвенных признаков – используемых технических средств, способов конспирации, географической привязки каналов связи, характера поставленных перед исполнителями задач – позволяет с высокой степенью вероятности установить источник угрозы. Указанное не отменяет общей сложности расследования, но указывает на необходимость развития методик криминологического профилирования анонимных террористических актов, которые на основе совокупности объективных данных способны сужать круг вероятных

организаторов и прояснять их мотивацию.

Криминологическое обеспечение и сопровождение населения исторических регионов, недавно вошедших в состав Российской Федерации, а также граждан, переселившихся с указанных территорий, выступает одним из приоритетных направлений деятельности в сфере противодействия анонимному терроризму. Указанные категории находятся в зоне повышенного риска вовлечения в террористическую деятельность в силу социально-экономической неустроенности, неурегулированности отдельных вопросов правового статуса и информационной уязвимости. Формирование оперативных позиций, позволяющих на ранних этапах выявлять попытки установления контактов с представителями террористических структур и экстремистских сообществ, должно сочетаться с созданием доверительных каналов коммуникации с данными социальными группами.

Противодействие анонимному терроризму не может ограничиваться исключительно силовыми и запретительными мерами. Требуется развитие системы упреждающего реагирования, основанной на комплексном анализе рисков и факторов, способствующих радикализации и деструктивизму.

В качестве первоочередных мер следует выделить следующее:

1) развитие методик раннего выявления признаков девиантного поведения в цифровой среде на основе поведенческого анализа и технологий искусственного интеллекта. Алгоритмы должны учитывать не только содержание публикуемых материалов, но и контекст их распространения, характер цифровых связей, интенсивность потребления радикального и деструктивного контента, изменения в коммуникативном поведении;

2) усиление просветительской работы с группами населения, наиболее уязвимыми перед манипулятивным воздействием [5, с. 693]. Это предполагает не только распространение информации о признаках вербовки и ответственности за террористическую деятельность, но и формирование устойчивых навыков критического анализа информации, поступающей из цифровых источников;

3) совершенствование межведомственной координации в сфере мониторинга каналов распространения радикального и деструктивного контента и финансовых потоков, связанных с террористической или экстремистской деятельностью. Обмен информацией между правоохранительными органами, финансовыми институтами и операторами цифровых платформ должен носить упреждающий характер, позволяя выявлять риски и нейтрализовать угрозы на этапах их формирования;

4) развитие международного сотрудничества в рамках региональных антитеррористических структур и двусторонних форматов взаимодействия с дружественными государствами. Несмотря на снижение интенсивности отношений с западными странами, обмен оперативной информацией и совместные расследования с государствами, разделяющими общие подходы к противодействию преступности, сохраняют свою актуальность.

Анонимный терроризм представляет собой качественно новое явление в структуре современных угроз безопасности, требующее переосмысления традиционных криминологических подходов. Отказ организаторов от публичного принятия ответственности за совершенные атаки как в физическом мире, так и в виртуальном пространстве не снижает их общественной опасности,

но существенно усложняет процессы выявления, расследования и профилактики. Цифровизация коммуникаций, использование нейросетевых алгоритмов для вербовки исполнителей, конвергенция террористической активности с дистанционными мошенничествами – эти факторы формируют новый ландшафт угроз и вызовов, нейтрализация которых возможна лишь при условии сочетания оперативно-разыскных мероприятий с системной просветительской и профилактической работой. Эффективное противодействие анонимному терроризму требует концентрации усилий на упреждающем выявлении соответствующих поведенческих маркеров и сопутствующих факторов, развитии методик криминологического профилирования террористических актов без заявленного авторства и формировании у населения устойчивости к манипулятивным техникам.

Библиографический список:

1. Шанько, В.В. «Терроризм» как метод политической борьбы (политический терроризм) / В.В. Шанько // Философия права. – 2022. – № 2 (101). – С. 116–119.
2. Лозинский, О.И. Криминалистическая характеристика терроризма: понятия; виды; структура террористических угроз; классификация террористов; пути, способы и алгоритмы противодействия терроризму / О.И. Лозинский // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21. – № 4. – С. 99–106.
3. Сердюк, П.Л. Правовая оценка терроризма в условиях специальной военной операции / П.Л. Сердюк // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности: материалы IV Международной научно-практической конференции. – СПб, 2025. – С. 161–168.
4. Берладир, Ю.В. Террорист-одиночка сегодня: новый Герострат или мимикрия международного терроризма / Ю.В. Берладир, И.К. Харичкин // KANT: Social Sciences & Humanities. – 2023. – № 3 (15). – С. 36–45.
5. Макоева, Е.Р. Некоторые проблемные вопросы осуществления борьбы с терроризмом в современных условиях всеобщей информатизации / Е.Р. Макоева, А.М. Кравцова // Образование и право. – 2024. – № 6. – С. 692–694.

Герасимовский Сергей Васильевич,
заместитель директора
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ С УЧАСТИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Конституция Российской Федерации относит право на жизнь, здоровье к естественным и неотчуждаемым правам личности, что предполагает эффективную охрану и механизм защиты этих прав. Открытый перечень

охраняемых законом неимущественных благ приведен в статьях 20–23 Конституции Российской Федерации и ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Среди конституционных прав и свобод человека названы: право на жизнь (ст. 20), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на охрану достоинства личности (ст. 21), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23).

В условиях возрастания значения обеспечения и защиты личных неимущественных прав человека особую актуальность приобретает исследование особенностей возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан. При этом особого внимания требует анализ вопроса оснований возмещения такого вреда военнослужащим, деятельность которых связана с повышенным риском.

Согласно статье 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, возмещается по правилам главы 59 (статьи 1064–1101) данного кодекса, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности.

Целью данной статьи является исследование особенностей возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащего, в частности, выявлению особенностей причинно-следственной связи между причинением вреда и поведением его причинителя, как условия возникновения такого обязательства.

В юридической науке разработано множество теорий причинной связи: теория равноценных условий (теория эквивалентности), теория необходимого условия, теория причинности, теория необходимой и случайной причинной связи, теория прямой и не прямой связи и т.д.

В цивилистической доктрине широкое распространение получила теория необходимой и случайной причинной связи. Суть этой теории состоит в том, что действия человека только тогда признаются причиной определенного последствия, когда связь этого действия с определенным последствием является проявлением «необходимости», «закономерности», а не имеет характера случайной цепочки событий. Случайные последствия находятся вне границ причинения, и, соответственно, не должны учитываться правом [2, с. 307–308]. При этом речь идет не о юридическом событии, а о том, что последствие является причинно-следственным.

Сторонниками теории необходимых и случайных причинных связей являлись также В.Т. Смирнов и А.А. Собчак. По мнению ученых, особенности проявления причинной связи в правоотношениях возникают в следующих положениях:

1. причинная связь существует там, где имеется временная последовательность явлений. Причина всегда предшествует последствию, а последнее – это только то изменение во внешнем мире, которое создается действием причины;

2. причина порождает свое последствие; там, где связь последствия с деянием, которое ему предшествовало, является случайным, причинная связь вообще отсутствует, а имеет место только простая последовательность событий;

3. причина и следствие имеют значение относительно конкретного случая, поэтому необходимо изолировать отдельные явления из общей системы взаимодействий: одно – как причину, другое – как следствие;

4. при выявлении причинно-следственных связей в общественных (в том числе и правовых) отношениях необходимо различать общественные и обычные причины, то есть юридически значимую причину, которой всегда является поведение человека, и обычную связь действий, связанных с последствием [3, с. 74–75].

Теория прямой (непосредственной) причинной связи находит свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», а также в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», согласно которому наличие причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и моральным вредом (страданиями как последствиями нарушения личных неимущественных прав или посягательства на иные нематериальные блага) означает, что противоправное поведение причинителя вреда повлекло наступление негативных последствий в виде физических или нравственных страданий потерпевшего.

Причинение вреда жизни и здоровью, как правило, является следствием совокупности причин. Например, в случае причинения вреда одним военнослужащим другому (огнестрельного ранения) можно выделить несколько причин: нарушение правил обращения с оружием, слабое знание правил техники безопасности, ослабленный контроль и низкие требования со стороны должностных лиц воинской части за их соблюдением, физические и психологические перегрузки личного состава и др. При этом первой – необходимой – причиной следует признать лишь нарушение правил поведения с оружием, а другие (случайные) причины только содействуют наступлению или усиливают интенсивность действия первой [4, с. 131].

Причинно-следственная связь может усложняться вследствие дальнейшего ухудшения здоровья потерпевшего. Например, в результате малоподвижного образа жизни потерпевшего лица, утратившего конечности, у него могут развиваться другие заболевания. Тяжелое повреждение здоровья также может повлечь смерть потерпевшего, и тогда, кроме расходов на лечение, возникает необходимость возмещения расходов на погребение и содержание лиц, находившихся на содержании потерпевшего. В таких случаях возникает вопрос вторичного вреда [5, с. 79].

Иногда причинение вреда жизни или здоровью может привести к повреждению здоровья другого лица. Например, если в случае смерти военнослужащего беременная жена рождает больного ребенка, возникает вопрос возмещения также вреда, связанного с болезнью ребенка. В данном случае ребенок может рассматриваться и как первичный потерпевший (который имеет

право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца), и как вторичный потерпевший (который имеет право на возмещение вреда, причиненного здоровью) [5, с. 79].

Как указано в п. 21 «Обзора практики рассмотрения судами дел о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015): обязанность по возмещению вреда жизни или здоровью военнослужащих и приравненных к ним лиц в порядке главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации за счет соответствующей казны возникает в случае установления вины государственных органов или их должностных лиц в причинении такого вреда.

Определенные особенности имеет причинно-следственная связь при разрешении вопроса о возмещении вреда воинской частью за ее работников или военнослужащих. В таких случаях обязательства по возмещению вреда воинской частью возникает при наличии двух юридически значимых причинных связей:

- между поведением работника воинской части и наступившим вредом;
- между поведением работника воинской части и исполнением им обязанностей воинской службы или трудовых, служебных, должностных обязанностей [4, с. 132].

Перечень граждан, имеющих статус военнослужащих, определяется ст. 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Военнослужащие исполняют свои обязанности при осуществлении деятельности, относящейся к их служебным обязанностям, регламентируемым воинскими уставами и локальными актами. К такой деятельности относится: прохождение военной службы по контракту или по призыву, учеба в военных образовательных организациях, прохождение военных сборов и т.п.

Для возникновения обязательства по возмещению вреда военнослужащим недостаточно, чтобы гражданин имел соответствующий статус. Воинская часть может доказать, что вред был причинен такими действиями военнослужащего, которые имели личный характер, то есть не были связаны с выполнением служебных обязанностей. В таком случае на воинскую часть не может быть возложена обязанность по возмещению вреда.

Таким образом, в случае, когда обязанность по возмещению вреда возлагается на воинскую часть, имеет место сложная причинно-следственная связь, включающая в себя несколько элементов:

1. между поведением причинителя вреда и повреждением здоровья или смертью гражданина (военнослужащего);
2. между повреждением здоровья или смертью гражданина (военнослужащего) и возникшим у потерпевшего имущественным и (или) моральным вредом;
3. между поведением работника воинской части и исполнением им обязанностей военной службы или трудовых, служебных, должностных обязанностей.

Библиографический список:

1. Международное публичное право : сборник документов. Т. 1 / Сост. и авт. вступ. ст.: К.А. Бекашев, А.Г. Ходаков. – Москва : Бек, 1996. – XII, 557 с.
2. Новицкий, И.Б., Лунц, Л.А. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – Москва : Гос. изд-во юридической лит., 1950. – 416 с.
3. Смирнов, В.Т., Собчак, А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве : учеб. пособие / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Л., Изд-во ЛГУ, 1983. – 152 с.
4. Калинин, В.М. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Калинин Владимир Михайлович. – Москва, 2001. – 253 с.
5. Туршук, Л.Д. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Людмила Дмитриевна Туршук. – С.-Пб, 2011. – 196 с.

Глушак Сергей Викторович,
старший помощник прокурора г. Керчи;

Мелешко Семен Игоревич,
помощник прокурора г. Керчи

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Уголовно-правовой институт прекращения уголовных дел по примирению сторон не является новеллой для современной Российской Федерации.

Так, еще при Российской империи в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., указывается, что «такие проступки, как оскорбление, обида действием, клевета, угроза насилием, самовольное пользование чужим имуществом и повреждение оно, кража не влекут за собой наказания в случае примирения потерпевшего с виновным в проступке лицом» [1, с. 1410–1411].

Современное уголовно-процессуальное законодательство в соответствии с принципами гуманности и справедливости также предоставляет, согласно ст. 25 УПК РФ, возможность прекратить уголовное дело в отношении лица, которое впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, при примирении сторон и возмещении причиненного ущерба потерпевшему.

Данный эффективный правовой институт может реализовываться как во время предварительного расследования по уголовному делу, так и при рассмотрении уголовного дела в суде.

Конституционный суд отметил, что прекратить уголовное дело не означает произвольно разрешить этот вопрос уполномоченным органом или должностным лицом. Рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, они не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают решение с учетом всей совокупности

обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [2].

Вместе с тем возникает ряд правовых проблем при практическом применении положений ст. 25 УПК РФ в досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство должно быть объективным, справедливым, своевременным и экономичным. В связи с вышеизложенным зачастую своевременное прекращение уголовного преследования в ряде случаев в большей степени отвечает задачам уголовного судопроизводства, чем продолжение уголовного преследования и осуждение.

Верховый суд отмечал, что при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [3].

Проанализировав судебную практику вынесения судебных решений по прекращению уголовных дел по примирению городскими и районными судами, а также мировыми судьями Республики Крым, можно с уверенностью сказать, что абсолютное большинство уголовных дел, по которым прекращается уголовное преследование в связи с примирением сторон, – это дела, которые возбуждали по признакам совершенных преступлений против собственности (ч. 1, ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 159 УК РФ), а также преступления против жизни и здоровья. В структуре данного вида преступности доминируют бытовые преступления – в частности, угрозы убийством и причинение легких телесных повреждений. Чаще всего они совершаются на фоне личных конфликтов и нередко обусловлены употреблением алкоголя (ст. 115, 116.1, 119 УК РФ).

В большинстве случаев уже на первых этапах расследования уголовного дела становится очевидно, что лицо, совершившее преступление, под страхом привлечения к уголовной ответственности предпринимает меры к заглаживанию и возмещению причиненного ущерба с целью примириться с потерпевшим. В ходе осуществления непосредственного надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и изучения материалов уголовных дел установлены случаи, когда потерпевшие в своих показаниях указывают, что причиненный ущерб возмещен в полном объеме, претензии к подозреваемым отсутствуют, однако им не разъясняется право примириться с подозреваемым, следователи и дознаватели ограничиваются только разъяснением прав потерпевшего, предусмотренных ст. 42 УПК РФ.

Стоит отметить, что в УПК РФ нет прямого указания на обязанность дознавателя или следователя разъяснять потерпевшему право на прекращение

уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования. Статья 25 УПК РФ, регулирующая прекращение дела по этому основанию, фокусируется на условиях и порядке прекращения, но не закрепляет обязанность органов предварительного расследования информировать потерпевшего о таком праве. Вместе с тем обязанность разъяснять потерпевшему право на примирение с подсудимым предусмотрена в судебном производстве – в ч. 2 ст. 268 УПК РФ. Согласно этой норме, председательствующий в подготовительной части судебного заседания обязан разъяснить потерпевшему его право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ.

Однако, несмотря на то, что имеются все основания для прекращения уголовного дела на основании ст. 25 УПК РФ на стадии предварительного расследования, игнорируя вышеуказанную норму, уголовные дела все равно направляются органами предварительного расследования прокурору для дальнейшего утверждения обвинительного акта или обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд.

Так, например, мировым судьей судебного участка № 38 Евпаторийского судебного района Республики Крым 24.04.2025 прекращено уголовное дело в отношении Б. по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Установлено, что 21.04.2025 Б., находясь на месте своего проживания, держа в руках кухонный нож, высказал угрозы убийством своей матери Б. Допрошенная 15.05.2025 в ходе предварительного расследования потерпевшая Б. показала, что с сыном примирилась, поскольку он принес перед ней извинения, претензий к нему не имеет.

Кроме этого, имеют место случаи, когда дознаватели и следователи в ходе предварительного расследования по уголовному делу необоснованно отказывают в удовлетворении заявленных ходатайств о прекращении уголовного дела в связи с примирением, мотивируя это тем, что вынести постановление о прекращении уголовного дела на основании ст. 25 УПК РФ – это их право, а не обязанность. На каждый подобный факт надзирающим прокурорам необходимо своевременно и принципиально реагировать при наличии всех оснований для применения вышеуказанной нормы.

Проанализировав решения судов по Республике Крым, можно прийти к выводу, что случаи направления подобных уголовных дел при наличии оснований для их прекращения на стадии предварительного расследования имели место во всех городах и районах республики. Следствием вышеуказанного является излишняя нагрузка как судебной системы, так и непосредственно сотрудников прокуратуры городского и районного звена, участвующих в подобных процессах в качестве государственных обвинителей.

В завершение стоит подчеркнуть, что согласно ч. 3 ст. 150 УПК РФ большинство преступлений, по которым предусмотрена возможность прекратить уголовное преследование до направления уголовного дела в суд, расследуются в форме дознания. Соответственно, прокуроры располагают значительным объемом процессуальных полномочий – в том числе вправе принимать решение о прекращении уголовного дела в рамках ст. 226 УПК РФ. При этом в каждой отдельной ситуации требуется взвешенная оценка ряда ключевых обстоятельств: действительно ли возмещен вред, причиненный преступлением, свободно и

осознанно ли потерпевший выражает волю на прекращение дела, а также имеются ли иные, предусмотренные законом, основания для такого решения.

Библиографический список:

1. Таганцев, Н.С. Курс уголовного права : лекции. Часть общая. Т. II. СПб. : Гос. тип., 1902. – С. 816–1460.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьёй 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2022 г. № 188-О.
3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19.

Губанова Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»,
кандидат юридических наук, доцент;

Юрченко Лидия Владимировна,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В КНР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Терроризм и экстремизм остаются среди наиболее опасных вызовов современному правопорядку, а их идейная и одновременно насильственная природа превращает противодействие им в задачу не только правовую, но и мировоззренческую. Российская Федерация и Китайская Народная Республика подходят к решению этой задачи как стратегические партнеры, координируя усилия в рамках Шанхайской организации сотрудничества и других объединений, однако внутренние правовые модели двух государств различаются весьма существенно. Сопоставление этих моделей позволяет увидеть не столько несовпадение юридической техники, сколько разное понимание отношений между государством, личностью и безопасностью.

Различие проявляется уже на уровне исходных понятий. В российском праве само разграничение терроризма и экстремизма остается дискуссионным,

поскольку Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» включает террористическую деятельность в объем понятия экстремизма, из-за чего на практике возникают затруднения при квалификации смежных составов, предусмотренных статьями 205–205.5 и 280–282.3 Уголовного кодекса [2, с. 58]. Китайский законодатель долгое время вовсе обходился без легальной дефиниции и закрепил ее лишь в Законе о борьбе с терроризмом 2015 года, причем в формулировке настолько широкой, что она охватывает почти любое посягательство на государственную стабильность.

За юридическими формулировками стоит более глубокий пласт. Противодействие экстремизму и терроризму обоснованно рассматривать как часть идеологической функции государства, ведь обе угрозы представляют собой не просто преступления, а конкурирующие идейные системы [3, с. 35]. Именно здесь расхождение России и Китая наиболее наглядно. КНР открыто связывает эту борьбу с защитой социалистического строя, национального единства и территориальной целостности, тогда как российская модель выстраивает противодействие вокруг защиты основ конституционного строя при провозглашенном примате прав и свобод человека.

Разница мировоззренческих установок отражается и в архитектуре уголовного закона. В Уголовном кодексе РФ составы экстремистской направленности собраны в одном разделе и сформулированы достаточно лаконично, а единообразие их применения обеспечивается разъяснениями Пленума Верховного Суда и механизмом административной преюдиции. В Уголовном кодексе КНР родственные нормы рассредоточены сразу по нескольким главам, изложены развернуто и построены на альтернативных действиях, когда одна статья охватывает и пропаганду экстремизма, и побуждение к террористической деятельности, а максимальные санкции заметно строже, вплоть до пожизненного лишения свободы за вооруженный мятеж там, где российский закон ограничивается лишением свободы на определенный срок [9, с. 69]. Тем самым китайская модель тяготеет к превентивной и более репрессивной криминализации.

Не менее показательное распределение полномочий между органами противодействия. В Китае ключевую роль играет специально учрежденный Контртеррористический комитет, который единолично относит организации к числу террористических, причем порядок обжалования его решений не предусмотрен, а судебный надзор фактически исключен [5, с. 172]. В России выстроена многосубъектная система во главе с Национальным антитеррористическим комитетом, однако признание организации экстремистской отнесено к компетенции суда, а заметную роль в ней играют органы прокуратуры [7, с. 108]. Китайский подход опирается на концентрацию административной власти, российский – на судебный контроль и надзорные процедуры.

Сильнее всего модели расходятся в выборе профилактических средств. Китай делает ставку на упреждение и не скрывает жесткости методов: наряду с цифровым контролем и мониторингом сетевой активности применяется дерадикализация через центры образования и профессиональной подготовки, рассчитанные на разные категории вовлеченных лиц [8, с. 193]. Сами китайские

власти определяют свою модель как «верховенство закона с китайской спецификой» и считают избранные меры вынужденными, но отвечающими букве закона; по данным Глобального индекса терроризма за 2023 год, эта политика сопровождалась снижением террористической активности в стране до близких к нулю значений [1, с. 4]. Обратной стороной выступают риски для прав человека, что признают даже сторонники заимствования отдельных элементов китайского опыта.

Российская модель профилактики смещена в сторону правового просвещения, работы с молодежью и межведомственной координации и опирается на Стратегию противодействия экстремизму и деятельность профильных государственных структур. Вместе с тем исследователи отмечают, что результативность превентивных мер снижается из-за их формального исполнения и человеческого фактора, а противодействие не может сводиться лишь к введению новых уголовно-правовых запретов [4, с. 162]. Отсюда запрос на содержательное, а не декларативное наполнение профилактической работы.

При всех различиях обе системы стоят на общем основании: они исходят из приоритета национальной безопасности, признают международные обязательства в этой сфере и рассматривают профилактику как стратегическое направление. Сопоставление показывает, что Россия делает ставку на правовую определенность и судебный контроль, а Китай – на широкие административные полномочия и жесткое упреждение. Часть китайского опыта оценивается как пригодная для аккуратного заимствования, прежде всего идея адресной работы с лицами, отбывшими наказание за экстремистские преступления, и их последующей реабилитации, однако лишь при условии соблюдения баланса между безопасностью и правами граждан [6, с. 102]. Перед обоими государствами стоит и общий вызов – перенос противоборства в цифровую среду, что делает сближение подходов и совместную работу России и Китая все более востребованными.

Библиографический список:

1. Айнутдинова, К.А., Айнутдинова, И.Н. Особенности противодействия и профилактики экстремизма и терроризма в России и Китае / К.А. Айнутдинова, И.Н. Айнутдинова // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС : материалы VIII Национальной научно-практической конференции. – Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2024. – С. 3–9.
2. Алехин, В.П. Проблемы разграничения терроризма и экстремизма в уголовном праве: критерии дифференциации составов преступлений и их практическое применение / В.П. Алехин // Вестник экономики и права. – 2025. – № 108. – С. 58–63.
3. Бредихин, А.Л. Противодействие терроризму и экстремизму как элемент идеологической функции государства / А.Л. Бредихин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16, № 2 (60). – С. 34–39.
4. Дикова, Н.Н. Современные меры противодействия экстремизму и терроризму в РФ и пути их совершенствования / Н.Н. Дикова // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика :

сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. – Уфа : Вестник науки, 2025. – С. 159–163.

5. Койбаев, Б.Г., Золоева, З.Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике / Б.Г. Койбаев, З.Т. Золоева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 169–174.

6. Чанхай, Лун, Коротких, Н.Н. Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае / Лун Чанхай, Н.Н. Коротких // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 4. – С. 92–106.

7. Мураев, Н.П., Карапузиков, А.А., Жигалов, А.А. Нормативно-правовая база и система субъектов противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации / Н.П. Мураев, А.А. Карапузиков, А.А. Жигалов // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 107–112.

8. Панасенко, В.Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике / В.Н. Панасенко // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4 (56). – С. 191–197.

9. Тимаков, Р.В., Макаров, А.В. Уголовно-правовое обеспечение борьбы с преступлениями экстремистской направленности в России и Китайской Народной Республике: сравнительный анализ / Р.В. Тимаков, А.В. Макаров // Актуальные проблемы государственно-правового развития России : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2025. – С. 67–72.

Дёрин Николай Игоревич,
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПОНЯТИЕ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Реализация государством правозащитной функции неразрывно связана с деятельностью суда по отправлению правосудия. Вместе с тем не совсем ясным представляется, какие именно этапы деятельности судов можно отнести к осуществлению правосудия и какие из них непосредственно влияют на осуществление правосудия.

В российской правовой системе термин «правосудие» обладает конституционно-правовым статусом, однако в российском законодательстве отсутствует универсальная нормативная дефиниция.

Отсутствие нормативного (законодательного) закрепления понятия правосудия, особенно с точки зрения уголовного права, в котором санкционировано любое вмешательство в соответствующую деятельность суда,

предопределяет наличие разных подходов к толкованию нормы ст. 294 УК РФ и, как следствие, не всегда единообразное применение этой нормы.

С другой стороны, с учетом отсутствия законодательно установленного понятия правосудия возникают иные смежные вопросы о пределах действия вышеуказанной нормы уголовного права.

Можно ли отнести вопросы, разрешаемые судом в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии, например при удовлетворении ходатайства следственного органа об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, либо с рассмотрением жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 125 УПК РФ к осуществлению правосудия, либо фальсификацию доказательств непосредственными участниками судебного разбирательства по уголовному делу на любой стадии его рассмотрения к таким, которые влияют на отправление правосудия? Аналогичные вопросы возникают не только в уголовном судопроизводстве, но также и в гражданском, арбитражном и административном.

Единого подхода к определению правосудия среди ученых, исследовавших данный вопрос, нет ни в одной из отраслей процессуального права. В каждой из отраслей права возникает ряд смежных вопросов, которые фактически и относятся к непосредственной деятельности суда, направленной на урегулирование социально-правовых конфликтов, однако некоторые из них зачастую связаны лишь с установлением юридически значимых фактов.

Содержание правосудия в уголовном процессе включает несколько взаимосвязанных элементов:

1. Разрешение дела по существу: установление всех обстоятельств события преступления, квалификации деяния, оценка доказательств.

2. Правильное применение закона: вынесение итогового решения (приговора, постановления) на основе норм материального и процессуального.

3. Защита прав и законных интересов: как право потерпевшего от преступления на доступ к правосудию, так и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, – обеспечение права на защиту, состязательность и равноправие сторон в ходе судебного разбирательства и др.

4. Воспитательное и превентивное воздействие: справедливый приговор способствует укреплению правопорядка, уважению к закону и предупреждению новых преступлений.

Таким образом, представляется, что правосудие включает в себя не только содержательный, но и предметный аспекты, позволяющие определить многогранный характер деятельности суда, направленной на правосудие.

Деятельность по отправлению правосудия основывается на системе взаимосвязанных принципов, закрепленных в Конституции РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ). Эти принципы являются императивными требованиями, гарантирующими справедливость судебного разбирательства, а их несоблюдение в судебном разбирательстве влечет принятие решения, искажающего саму суть правосудия как результата судебного разбирательства.

Российские учёные предлагают различные трактовки понятия правосудия:

1. Традиционный подход (В.М. Лебедев, И.Л. Петрухин): правосудие понимается как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных

дел, завершающаяся вынесением приговора. В.М. Лебедев подчёркивает, что правосудие – это не просто рассмотрение дела, а деятельность, осуществляемая в строгом соответствии с процессуальными нормами¹.

2. Широкий подход (Н.А. Колоколов, В. П. Божьев): правосудие включает не только рассмотрение дела по существу, но и иные процессуальные действия суда, такие как контроль за законностью действий органов предварительного расследования, рассмотрение жалоб участников процесса. Н.А. Колоколов отмечает, что правосудие охватывает всю судебную деятельность, связанную с уголовным процессом².

3. Функциональный подход (А.В. Смирнов, С.А. Пашин): правосудие рассматривается как функция судебной власти, направленная на разрешение уголовно-правовых конфликтов. А.В. Смирнов подчёркивает, что правосудие реализуется через различные процессуальные формы, включая особые производства (например, по делам несовершеннолетних)³.

4. Правозащитный подход (Т.Г. Морщакова, Г.И. Загорский): правосудие трактуется как механизм защиты прав и свобод человека в уголовном процессе. Т.Г. Морщакова акцентирует внимание на том, что правосудие должно обеспечивать справедливое разрешение дела с учётом интересов всех участников⁴.

Конституция РФ закрепляет два ключевых положения:

1. Правосудие осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118);

2. Судебная власть реализуется посредством в том числе уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118).

Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» конкретизирует: правосудие осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и данным ФКЗ (ст. 4).

Эти нормы задают исходную презумпцию: правосудие – атрибут судебной власти и деятельность суда, но сами по себе они не отвечают на вопрос, какая именно деятельность суда в уголовном процессе должна квалифицироваться как правосудие.

Наиболее последовательно «узкое» понимание правосудия в уголовном судопроизводстве представлено в работах А.Е. Белоусова и О.О. Басовой, которые обосновывают связь правосудия только с разрешением вопроса о виновности или невиновности подсудимого и предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ специальной дефиницией: правосудие по уголовным делам – это разрешение в судебном заседании вопроса о виновности (невиновности) подсудимого⁵.

¹ Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 384 с.

² Колоколов Н.А. Судебная власть: становление правоприменительной практики в условиях модернизации российского общества. М. : Юрист, 2010. 256 с.

³ Смирнов А.В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. 6-е изд. СПб. : Питер, 2020. 778 с.

⁴ Морщакова Т.Г. Конституционная защита прав и свобод личности. М. : Наука, 1993. 160 с.

⁵ Белоусов А.Е., Басова О.О. О понятии правосудия по уголовным делам / А.Е. Белоусов, О.О. Басова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. С. 191–197.

Однако с данной точки зрения не совсем понятны вопросы о том, к какой стадии отнести производство в судах, осуществляющих «судебный контроль» (рассмотрение судами апелляционной, кассационной и последующих инстанций, процессуальные аспекты исполнения приговора), данные вопросы оказываются выведенными за рамки правосудия, по мнению вышеуказанных авторов, хотя они напрямую связаны с исправлением судебных ошибок и защитой прав участников судопроизводства.

На такие вопросы отвечают приверженцы более расширенного понятия правосудия.

Так, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский подчеркивают, что правосудие не сводится к первой инстанции, а включает и судебный надзор в процессуальных формах пересмотра¹.

Показательно, что А.А. Камардина в итоговом определении фактически исходит из весьма широкого охвата судебных стадий: правосудие – это урегулированная законом деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел в различных инстанциях, включая надзор и производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (и даже стадию исполнения приговора)².

Исходя из приведенных мнений ученых, данный подход лучше соответствует реальности многоступенчатого судебного контроля качества решений: окончательность и «правосудность» результата часто формируется не в первой инстанции, а в системе пересмотра, что, безусловно, более характерно для правового государства, в котором признание и исправление судебных ошибок по жалобам сторон судопроизводства свидетельствует о реальном отношении государства в лице судебной системы к правам и законным интересам граждан и организаций.

При этом нельзя называть процессуальные полномочия суда по рассмотрению на досудебной стадии ходатайств органа предварительного расследования «судебным контролем», поскольку в каждом таком случае ограничиваются конституционные права участников уголовного судопроизводства, что может быть сделано только по решению суда, и в данном случае суд реализует правоприменительную функцию.

С другой стороны, разрешение судом вопросов, отнесенных к стадии исполнения приговора, попросту не имеет отношения к правосудности (неправосудности) судебного решения, поскольку не изменяет его сути как судебного акта, разрешающего дело по существу.

Таким образом, по мнению автора настоящего исследования, нельзя отнести к понятию правосудия те стадии уголовного процесса, на которых судом не разрешаются вопросы по существу уголовного дела. Иными словами, процессуально сущность правосудия проявляется только на судебных стадиях уголовного судопроизводства, где судами, в том числе апелляционной и последующих инстанций, разрешается уголовное дело по существу.

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. М., 2008.

² Камардина А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве / А.А. Камардина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3 (164).

Сопоставление доктринальных позиций позволяет предложить концептуально продуктивную модель, снимающую часть противоречий между «узким» и «широким» подходами.

Как указывалось выше, нельзя рассматривать правосудие отдельно в процессуальном и философско-правовом смысле, поскольку первое определяется его формой, а второе – содержанием.

Предлагается определить правосудие как процессуальную деятельность суда в рамках уголовного судопроизводства по разрешению уголовного дела по существу, то есть по установлению виновности (невиновности) и применению (неприменению) уголовной ответственности посредством вынесения итогового судебного решения.

Такая модель согласуется с концепцией, предлагаемой С.В. Бурмагиным. Она также объясняет, почему законодатель в п. 50 ст. 5 УПК РФ связывает «судебное заседание» с «осуществлением правосудия» даже в досудебном производстве: речь идет о широком процессуальном смысле, но это не отменяет исключительности решения вопроса о виновности судом.

При всей привлекательности «сквозного» понимания правосудия как общего результата деятельности разных органов конституционная модель требует различать:

- осуществление правосудия (исключительно суд);
- обеспечение правосудия (деятельность органов расследования, прокуратуры и иных субъектов, создающая предпосылки для судебного разрешения дела).

Именно это различие позволяет учесть эмпирическую правоту тезиса о том, что без качественного расследования и поддержания обвинения и обеспечения права на защиту суд не сможет вынести обоснованное решение, но одновременно избежать конфликта с принципом «правосудие осуществляется только судом».

Таким образом, с учетом указанных выводов можно предположить, что правосудие по уголовным делам – это осуществляемая исключительно судом в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, деятельность по разрешению уголовных дел по существу на всех стадиях и этапах их рассмотрения с момента поступления уголовного дела в суд, выражающаяся в принятии справедливых, обязательных для исполнения и окончательных судебных решений, и направленная на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства.

Такое определение сохраняет конституционную и уголовно-процессуальную исключительность компетенции суда по осуществлению правосудия, допускает широкое процессуальное толкование объема судебной деятельности, но не связанной с вынесением судебных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства либо на стадии исполнения решения суда, и не «смешивает» правосудие с уголовным судопроизводством в целом.

Диденко Олег Геннадьевич,
 помощник прокурора города Севастополя
 по надзору за исполнением законов
 о федеральной безопасности,
 межнациональных отношениях,
 противодействии экстремизму
 и терроризму, старший советник юстиции;

Склярова Екатерина Валерьевна,
 помощник прокурора Гагаринского района
 города Севастополя, юрист 2 класса

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 20.3.1 КОАП РФ

Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Национальной стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.12.2024 № 1124, предусмотрено, что в число опаснейших проявлений экстремизма входят в том числе разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти, вражды или розни, включая распространение призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

За совершение названных деяний статьей 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса РФ предусмотрена соответствующая ответственность.

В целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства, Федеральным законом от 27.12.2018 № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации частично декриминализована путем квалификации указанных действий как административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3.1 КоАП РФ. При этом с включением в Кодекс об административных правонарушениях указанной статьи законодатель перевел статью 282 УК РФ в категорию преступлений с административной преюдицией, сохранив при этом прежнюю санкцию. Указанное свидетельствует о целенаправленном проведении государством политики по пресечению данных негативных явлений в обществе.

Возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.3.1 КоАП РФ, отнесено ст. 28.4 КоАП РФ к исключительной компетенции прокурора.

В случаях необходимости назначения исследований, экспертиз или проведения иных действий, требующих значительных временных затрат, прокурором принимается решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в соответствии с требованиями статьи 28.7 КоАП РФ.

Отдельное внимание хочется обратить на то, что рассматриваемое деяние является длящимся, и, как следствие, срок привлечения к административной ответственности (1 год) начинает течь с момента его выявления. Данный тезис неоднократно подтвержден наработанной в том числе прокуратурой Гагаринского района г. Севастополя практикой.

Так, согласно постановлению Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2019 № 1-АД 19-4 нахождение материалов, содержащих признаки административной ответственности по анализируемой статье, на странице в общем доступе, в том числе на день их выявления, является достаточным и указывает на наличие события административного правонарушения.

В ходе моей надзорной практики в 2025 году выявлено лицо, которое 01.10.2024 под интернет-публикацией разместило комментарий, направленный на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам национальности, языка и происхождения.

Анализ выводов специалиста и эксперта свидетельствует о том, что упомянутый комментарий, размещенный лицом в сети Интернет, содержит в себе высказывания, направленные на унижение достоинства лиц по признаку национальности, проживающих на Кавказе. Совокупность собранных доказательств, включая заключение эксперта, признательные пояснения «негодяя», позволила прокуратуре Гагаринского района г. Севастополя 04.12.2025 возбудить дело об административном правонарушении по статье 20.3.1 КоАП РФ.

Гагаринским районным судом г. Севастополя лицо, совершившее административное правонарушение, 08.12.2025 привлечено к административной ответственности (дело № 5-500/2025), ему назначено наказание в виде штрафа в размере 10 000 рублей. Таким образом, суд установил, что дата совершения административного правонарушения может варьироваться как с момента высказывания, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, так и с момента выявления указанного высказывания органами внутренних дел или работниками прокуратуры в ходе мониторинга сети Интернет.

В завершение выступления хочу отметить, что, к сожалению, количество таких правонарушений только растет.

Так, прокуратурой района на постоянной основе осуществляется работа по направлению материалов в суд для привлечения лиц к административной ответственности, предусмотренной ст. 20.3.1 КоАП РФ (2024 г. – 6, 2025 г. – 7, 4 месяца 2026 г. – 2).

Библиографический список:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.05.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

3. Официальный интернет-портал правовой информации
<http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2018.

4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 27.12.2018 № 521-ФЗ.

5. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2019 № 1-АД 19-4.

6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43.

7. Бортников, Н.А. Дящееся административное правонарушение // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

Добрецов Денис Григорьевич,
 ведущий научный сотрудник отдела
 научного обеспечения прокурорского
 надзора и укрепления законности в сфере
 оборонно-промышленного комплекса
 и социально-экономической сфере
 Научно-исследовательского института
 Университета прокуратуры Российской
 Федерации, кандидат юридических наук

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Становление системы прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды, природопользовании и обеспечении экологической безопасности как комплекса правовых, собственно надзорных, организационных и других элементов происходило преимущественно во второй половине XX века в условиях повышающегося антропогенного воздействия на экосистемы страны в связи с развитием металлургии, химического и иного промышленного производства, с расширением добычи полезных ископаемых, эксплуатации лесов, рыбных запасов, с масштабными проектами по регулированию гидрологического режима водных объектов, в том числе строительству на крупных реках гидротехнических сооружений, включая гидроэлектростанции, а также с широким внедрением в агрокультуру химических удобрений и средств борьбы с вредителями, освоением целинных земель, проведением агромелиорации и проч. Предпосылками формирования и совершенствования указанной системы стало также активное развитие природоресурсного и природоохранительного права в 1950–1970-х гг. и далее [3, с. 114–134], неэффективность деятельности природоохранных органов [4, с. 10–13].

Вместе с тем надзор за исполнением законов в природоохранной сфере не выделялся как особое направление и на системной основе не осуществлялся

[5, с. 193]. Нормативно он был закреплен только приказом Генерального прокурора СССР от 15.09.1987 «О коренной перестройке общего надзора и повышении его роли в укреплении законности и правопорядка» наряду с иными основополагающими направлениями надзорной деятельности. Двумя годами позже было создано Управление по надзору за исполнением природоохранного законодательства Прокуратуры Союза ССР. В структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации, вплоть до 2019 г., когда было сформировано Управление по надзору за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании, функционировали только профильные отделы в объединенных управлениях в составе Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства.

С середины 1980-х гг. также начала формироваться система специализированных природоохранных прокуратур, первыми из которых стали Каспийская бассейновая прокуратура (на правах областной), Восточно-Байкальская и Западно-Байкальская межрайонные прокуратуры, межрайонные прокуратуры на Дальнем Востоке. В 1990 г. была создана Волжская природоохранная прокуратура (ныне – межрегиональная, охватывающая всю р. Волгу от Твери до Астрахани, а также российскую часть бассейна Каспийского моря в республиках Дагестан и Калмыкия), ставшая своего рода «полигоном» для отработки новых форм организации надзора за исполнением законов в экологической сфере. Положенный в основу ее структуры и деятельности экосистемный, а не территориальный принцип позволил обеспечивать единообразное, комплексное решение средствами прокурорского надзора экологических проблем крупнейшей реки Европы [1, с. 7]. Впоследствии с учетом опыта её работы были созданы прокуратуры на Амуре и Байкале. Сейчас в большинстве субъектов Российской Федерации действуют также межрайонные природоохранные прокуратуры с подчинением соответствующим региональным прокурорам.

Дополнительным стимулом к развитию надзора за исполнением законов в рассматриваемой сфере стала смена политической и экономической формаций в начале 1990-х гг., породившая, с одной стороны, бурное экологическое правотворчество, включая принятие федеральных законов и кодексов, охвативших регулированием практически все экологические направления, а, с другой, – геометрический рост негативного воздействия на окружающую среду и незаконного природопользования при фактическом бездействии государственных контрольных и иных природоохранных институций. На прокуратуру легла значительная часть работы по поддержанию режима законности в экологической сфере, обеспечению экологической безопасности населения страны, охраны окружающей среды и рационального природопользования. От качества и эффективности надзорной деятельности прокуратуры, активности в выявлении и пресечении нарушений экологического законодательства во многом зависела судьба российской природы. Прокуроры, не выходя за установленные законом и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации пределы полномочий, фактически были вынуждены исправлять недостатки контрольной системы, в том числе побуждая ее участников к более активным действиям в рамках их компетенции. Последовательное развитие надзора за исполнением

законов в экологической сфере в 1990–2000-е гг. позволило улучшить как количественные, так и качественные его характеристики. В новое тысячелетие прокуратура вступила с наработанной практикой надзора, обеспечившей повышение его эффективности в части реального устранения экологических проблем. В 2000–2008 гг. количество выявляемых прокурорами нарушений экологического законодательства выросло более чем в пять раз и с тех пор стабилизировалось на среднем уровне около 287 тыс. ежегодно [2, с. 252–253].

В организационном отношении повышению эффективности надзора на данном направлении способствовало издание специализированных приказов Генерального прокурора Российской Федерации от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» и затем от 15.04.2021 № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере».

Современное состояние прокурорского надзора на рассматриваемом направлении напрямую влияет на состояние законности в экологической сфере, обеспечивает возможность реализации соответствующих прав человека и гражданина, имея потенциал развития по нескольким взаимодополняющим векторам, к которым следует отнести, во-первых, совершенствование структуры и организации надзора на данном направлении, во-вторых, обеспечение соответствия надзорной практики изменяющимся формам государственного управления в экологической сфере, в-третьих, расширение использования в надзорной работе новых методов, обусловленных технологическим развитием поднадзорной сферы. Так, учитывая объективно оправдавший себя отход от строго территориального принципа формирования природоохранных прокуратур, потребность в сохранении речных и морских экосистем страны, гидрографические и климатические особенности страны, перспективным видится изучение вопроса о развитии системного надзора на данном направлении, обеспечиваемого в том числе созданием новых бассейновых природоохранных прокуратур на крупных реках Урала и Сибири, Черном и Азовском морях, в Арктической зоне с подчинением их напрямую Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Внедрение на федеральном и региональном уровнях проектного управления экологическими мероприятиями (нацпроект «Экология») потребовало надзорного сопровождения со стороны прокуроров и позволило выработать комплексные методы работы, ориентированные на постоянный мониторинг законности при реализации инфраструктурных объектов, упреждающие реагирование на случай отклонения от целевых показателей по срокам исполнения, качеству работ, применяемым технологиям и проч. Этот опыт применяется при реализации стартовавшего в 2025 г. нового нацпроекта «Экологическое благополучие» и, полагаем, может быть мультиплицирован на иные участки работы прокуроров в сфере экологии. Цифровая трансформация государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды, включающая применение автоматизированных информационных систем для ведения банков данных о состоянии окружающей среды, источниках воздействия на нее, об эксплуатации природных ресурсов, для осуществления государственного экологического контроля (надзора), использование цифровых технологий в обработке значимой для

принятия решений информации и моделирования их возможных последствий [6, с. 17–20], актуализирует, с одной стороны, использование таких систем прокурорами для выявления нарушений законов, а, с другой, – усиление надзора за исполнением законов при их эксплуатации, учитывая, что допускаемые нарушения создают условия для противоправных посягательств на объекты окружающей среды, искажения данных, применяемых для планирования природоохранных мероприятий и направлений развития хозяйственных отраслей, связанных с эксплуатацией природных ресурсов.

Библиографический список:

1. Волжский бассейн. Устойчивое развитие: опыт, проблемы, перспективы / под ред. Г.С. Розенберга. – М. : Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации / Центр экологической политики России, 2011. – С. 7.
2. Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению / под общ. ред. Р.В. Жубрина [науч. ред. А.Ю. Винокуров; И.С. Амелина и др.]. – М. : ИД «Городец», 2026. – 472 с.
3. Колбасов, О.С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР : монография. – М. : Издательство «Наука», 1976.
4. Сорока, О.Г. За оздоровление экологической обстановки / О.Г. Сорока // Социалистическая законность. – 1988. – № 9. – С. 10–13.
5. Сухарев, А.Я. Избранные труды / [сост. К.И. Амирбеков, И.А. Васькина, Н.А. Кулакова, И.А. Стаценко; вступит. ст. С.И. Герасимова] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 340 с.
6. Сухова, Е.А., Абанина, Е.Н. Правовые проблемы цифровой трансформации системы управления природопользованием как механизма обеспечения экологической безопасности / Е.А. Сухова, Е.Н. Абанина // Российская юстиция. – 2020. – № 8. – С. 17–20.

Доборез Игорь Александрович,
декан факультета профессиональной
переподготовки и повышения
квалификации Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;

Доборез Мария-Александра Игоревна,
студент 2 курса международно-правового
факультета МГИМО

ИНСТИТУТ ОМБУДСМЕНА В РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Институт омбудсмена в праве появился относительно недавно, а в России его история насчитывает менее трех десятилетий. Исследуя данный институт

в правовом его значении, важно не только изучить статус омбудсмана как набор формальных законодательно закрепленных полномочий, прав и обязанностей, но и раскрыть его как правовое явление с научной точки зрения, предложить его авторскую трактовку, выходящую за пределы законодательно закрепленных категорий.

Теоретической основой исследования являются воззрения на права человека представителей различных научных школ (юридического позитивизма, естественного права, социологической юриспруденции, либертарно-юридической и прочих) [1]. Не менее важно исследовать практическую составляющую деятельности омбудсмана, ибо практика есть мерилom эффективности теории. Цели и задачи правового исследования достигаются посредством применения соответствующей методологии [2, 3].

С точки зрения диалектики появление новых правовых институтов закономерно и логически объяснимо, более того, – необходимо, поскольку общественные отношения постоянно развиваются, требуют их формального закрепления. Неслучайно, что с развитием прав человека и гражданина во второй половине XX века институт омбудсмана начал свое активное распространение в демократических государствах. К этому периоду произошло накопление предыдущего исторического опыта исследований темы прав человека, окончательное оформление научных школ, отличающихся своими подходами к познанию прав человека (естественно-правовая, историческая, психологическая, нормативистская, социологическая, юридического позитивизма и другие) [4; 5; 6].

Само понятие «омбудсмен» имеет шведское происхождение, буквально означая «представитель» или «поверенный», а в правовом его значении – народный поверенный. Собственно, и появился этот институт в Швеции, в 1809 году, с введением должности парламентского омбудсмана. В 1919 году омбудсмен появляется в Финляндии, далее – в Дании, Норвегии, Новой Зеландии, Франции, Великобритании. К середине XX века в большинстве демократических государств данный институт в том или ином виде стал неотъемлемой частью системы защиты прав и свобод человека и гражданина (например, Медиатор (Франция), Защитник народа (Испания), Гражданский защитник (Италия), Национальный омбудсмен (Нидерланды) и т.д.) [7].

На постсоветском пространстве институт омбудсмана получил развитие в конце XX – начале XXI веков, то есть его история совсем недолгая. В 2004 году Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ приняла модельный закон «О статусе Уполномоченного по правам человека», положения которого должны быть ориентиром для разработки соответствующих законов на уровне государств – участников СНГ.

В России законодательно институт омбудсмана введен с 1997 года, в развитие конституционных положений ст. 45 и 103. За указанный исторический период (1998–2025 гг.) проведена колоссальная работа по усовершенствованию российского законодательства и подзаконных нормативных правовых актов. Предложения омбудсмана учитываются при разработке, принятии и внесении изменений в федеральное законодательство, указы Президента России, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иные

нормативные правовые акты. Правовые позиции омбудсмена также учитываются Верховным и Конституционным судами.

Например, за период 2016–2026 гг. предложения омбудсмена учтены при принятии 92 федеральных законов, в числе которых те, что направлены на законодательное регулирование важнейших прав человека: жилищных, трудовых, на пенсионное обеспечение, на охрану здоровья и медицинскую помощь, в сфере защиты инвалидов, детей и несовершеннолетних, участников СВО и членов их семей, на бесплатную юридическую помощь, на психиатрическую помощь, в сфере уголовной юстиции, в сфере предпринимательской деятельности, о защите лиц без гражданства, о налогообложении, по многим другим вопросам.

Одним из основных направлений работы является рассмотрение обращений граждан. Согласно данным, размещенным на официальном сайте омбудсмена, ежегодно рассматривается около 40 тысяч жалоб, динамика их поступления следующая: 2016 г. – 42 549, 2017 г. – 41 841, 2018 г. – 38 698, 2019 г. – 38 328, 2020 г. – 37 015, 2021 г. – 48 553.

Представляет научный интерес характер поступивших на рассмотрение жалоб, что дает представление о том, с какими вопросами наиболее часто граждане обращаются к омбудсмену. Так, например, в 2020 году наибольшее количество жалоб поступило по тематике уголовно-процессуального законодательства (11 469) и уголовно-исполнительного законодательства (4 625), что в совокупности составляет 16 094 жалобы, а от общего количества жалоб за 2020 год (37 015) – это 43,5%. Далее по нисходящей с большим отрывом от указанных категорий следуют жалобы в сферах: жилищно-коммунального хозяйства (4 202), в сфере социального обеспечения (2 136), трудовых прав (1 550), об обороне (1 272), о браке и семье (1 272), в сфере гражданского законодательства (1 266), об охране здоровья (1 203), в сфере миграции (1 032) и иные.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что именно в сфере применения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства имеет место проблематика, с которой граждане обращаются к омбудсмену. Следовательно, этот вопрос нуждается в углубленном изучении, выяснении причин такого количества жалоб и принятии мер по устранению причин, влекущих гражданское недовольство. Более того, поскольку речь идет о такой специфической сфере (правоохранительная и судебная деятельность, уголовная юстиция), данный вопрос целесообразно рассматривать на коллегиях Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, иных министерств и ведомств.

Не менее значимой для граждан, судя по стабильно сохраняющейся динамике обращений к омбудсмену, является сфера жилищно-коммунального хозяйства (от 4 до 5 тысяч обращений ежегодно). Соответственно, без принятия органами государственной власти и органами местного самоуправления мер по нормализации функционирования данной сферы проблематика в ней будет только нарастать (постоянный рост тарифов на услуги и цен на ресурсы, износ сетей и коммуникаций, невысокое качество оказываемых услуг в том числе ресурсоснабжающими организациями и иные проблемы, затрагивающие абсолютное большинство граждан).

Также следует отметить, что в данном случае исторический метод познания явлений позволяет экстраполировать полученный результат на некоторую перспективу, то есть на будущее. Следовательно, полученные выше данные дают все основания полагать, что количество и характер обращений к омбудсмену сохраняют показанную тенденцию, если не принять действенных мер к устранению первопричин обращений. В ином случае, можно с уверенностью прогнозировать их нарастание.

Одним из важных итогов развития института омбудсмена за рассматриваемый исторический период является то, что было налажено взаимодействие уполномоченного с государственными органами: органами судебной власти, Генпрокуратурой, Правительством РФ, Министерством внутренних дел РФ, Пенсионным фондом РФ, Федеральной службой исполнения наказания, Федеральной службой судебных приставов, Минюстом РФ и иными. Формами взаимодействия с указанными государственными органами являются: совместное законотворчество, правовое просвещение, совместный прием граждан и рассмотрение обращений, совместные проверки организаций на предмет соблюдения ими прав граждан, рабочие встречи с главами субъектов и иные. В то же время омбудсмен выделяется на фоне всех вышеперечисленных органов, в самом наименовании института имеется указание на его деятельность исключительно и единственно в целях защиты прав человека. Это подчеркивает и высшую юридическую ценность прав человека, и выделяет омбудсмена как особенного и специфического защитника таковых.

В сфере международного сотрудничества также достигнуты значимые результаты, выражающиеся в налаженном взаимодействии с международными организациями и двустороннем сотрудничестве. Так, омбудсмен взаимодействует с Организацией Объединенных Наций, Международным комитетом Красного Креста, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Евразийским альянсом омбудсменов и т.д.

Следует отметить, что успешное функционирование института омбудсмена на федеральном уровне, которое было доказано результатами его деятельности за рассматриваемый исторический период, поставило вопрос о необходимости введения такого института на уровне субъектов. Итогом стало принятие федерального закона об Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в 2020 году. Более того, получил развитие институт омбудсмена и путем появления Уполномоченных по правам ребенка (в 2018 году), по защите прав предпринимателей (в 2013 году). Это – пример того, как исторический метод исследования в науке влияет на прикладное применение его положительных результатов. В данном случае это произошло посредством развития законотворчества (приняты соответствующие законы) и повлекло дальнейшее распространение института омбудсмена в различных сферах и на уровне субъектов.

Из вышеизложенного следует сделать следующие выводы и предложения.

За последние три десятилетия произошло стремительное развитие института омбудсмена на федеральном и региональном уровнях, появились иные специализированные омбудсмены (по защите прав детей, предпринимателей).

Институт омбудсмена имеет специфический и особый статус, что позволяет ставить вопрос о выходе его за пределы классических представлений в теории права о разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Возможно рассмотреть вопрос о появлении новых перспективных направлений правозащитной деятельности, где необходим омбудсмен. Например, по защите прав военнослужащих (в настоящее время вопросами защиты прав участников СВО занимается специально созданный институт – Фонд защитников Отечества).

С учетом происходящей «цифровой революции» целесообразно введение так называемого «цифрового омбудсмена» (в сфере телекоммуникаций и связи, искусственного интеллекта, средств связи и информации, персональных данных, личных аватаров, виртуальных личностей и т.д.).

Принимая во внимание необходимость решения проблем в сфере экологии и природопользования, возможно рассмотреть вопрос о введении должности омбудсмена по защите экологических прав граждан.

Звучат и иные, заслуживающие внимания и научной дискуссии, предложения, например, о введении должности омбудсмена в сфере финансов.

С учетом развития институтов местного самоуправления возможна пробация института омбудсмена на уровне муниципалитетов.

Библиографический список:

1. Примаков, Т.К., Орлова, К.А. Терминологические трудности определения категории «Правовой статус» / Т.К. Примаков, К.А. Орлова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 9. – С. 19–25.

2. Иванова, А.П. Методология правовых исследований / А.П. Иванова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 12–20.

3. Мусаева, Д.Ю. О методологии правового исследования / Д.Ю. Мусаева // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 98–103.

4. Кимова, С.З. Концептуальные подходы к исследованию прав и свобод человека / С.З. Кимова // Вестник ЗабГУ. – 2012. – № 9. – С. 59–65.

5. Гигаури, Д.И., Стульба, И.А. Права человека как философский концепт с позиции представителей юснатурализма / Д.И. Гигаури, И.А. Стульба // Манускрипт. – 2019. – № 1. – С. 102–107.

6. Варламова, Н.В. Принципиальное единство права и прав человека / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – № 4. – С. 84–115.

7. Демидов, М.В. Понятие института Уполномоченного по правам человека и его место в правозащитном механизме государства / М.В. Демидов // Вестник РУК. – 2019. – № 1 (35). – С. 111–115.

Задерейчук Иван Панасович,
доцент кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОКУРАТУРОЙ МАТЕРИАЛОВ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

На современном этапе развития российского государства уделяется значительно внимание не только сохранению, но и популяризации исторических знаний в обществе и особенно в молодёжной среде. Такая политика должна способствовать недопущению распространения среди подрастающего поколения различных запрещенных идеологий, а также попыток реабилитации нацизма. Ведь именно молодёжь в силу своего психологического развития остается наиболее уязвимой группой населения для деструктивного информационного воздействия. Вся эта работа активно проводится с использованием социальных сетей и популярных мессенджеров. Цель такой деятельности сводится к разложению общества, искажению истории и провоцированию нестабильности внутри страны.

В таких исторических и политических реалиях государство и представители гражданского общества не должны оставаться в стороне. Сегодня необходима системная работа по воспитанию у молодёжи понимания опасности реабилитации нацизма. Органы прокуратуры, а также Университет прокуратуры Российской Федерации и его филиалы, активно используют материалы Нюрнбергского процесса – главного судебного процесса XX века, осудившего нацизм как преступную идеологию, – для формирования у подрастающего поколения устойчивого иммунитета к экстремистским воззрениям.

Начиная с 2018 г., Генеральная прокуратура Российской Федерации является тематическим партнером Международного детского центра «Артек», в котором успешно реализует дополнительную общеразвивающую программу «Юный правовед». За период с 2018 по 2026 гг. ее победителями стали около 800 детей. География участников программы весьма обширная. В ней представлены обучающиеся от Дальнего Востока и до Калининграда, от Архангельска и до Республики Дагестан. Всего за семь лет в Артеке по программе «Юный правовед» побывали представители 78 субъектов Российской Федерации. Участниками программы являются учащиеся общеобразовательных учреждений, проявляющие активность в учебной, общественной и творческой деятельности.

Ключевым событием тематической смены, на которой реализуется общеразвивающая программа «Юный правовед», является привлечение артековцев к подготовке и проведению исторической реконструкции эпизодов Нюрнбергского процесса. Как показывает накопленный опыт, начинать подготовку к такой интерактивной форме проведения воспитательного занятия, как историческая

реконструкция эпизодов Нюрнбергского трибунала, следует с тематической беседы с участниками будущей реконструкции судебного процесса. На данном этапе педагогом осуществляется формирование у обучающихся знаний об основных этапах подготовки и проведения Международного военного трибунала в г. Нюрнберге, а также понимание преступной сущности нацистской идеологии и необходимости противостоять ее возрождению и распространению. Также важное место в подготовке проведения реконструкции занимает организация и проведение выездного занятия тематического отряда «Юный правовед» в г. Симферополе для посещения Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный». Такой подход становится оправданным. Дети получают возможность лучше погрузиться в свои роли, передать полноту исторических событий, происходивших в зале судебного заседания в г. Нюрнберге.

Вовлечение артековцев в участие в исторической реконструкции дает возможность сформировать у них знания, умения и навыки работы с имеющейся информацией (собирать необходимые для решения определенной проблемы факты, анализировать их, делать необходимые обобщения, сопоставления, развивать свою познавательную активность, хранить знания и историческую правду об истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и преступной сущности нацистской идеологии).

Результат участия детей тематического отряда «Юный правовед» в исторической реконструкции можно узнать, обратившись к их интервью, которые были даны для пресс-службы МДЦ «Артек» и опубликованы в новостных сюжетах детского центра.

Например, в 2019 г. Евдокия Привезенцева из города Лыткарино Московской области говорила: «К сожалению, сейчас некоторые люди любят переписывать исторические факты, и такие реконструкции помогают новому поколению узнать, как все происходило на самом деле. При подготовке к сегодняшней реконструкции я посмотрела много видео, прочитала ряд документов. Очень важно, что сегодня в зале были дети, ведь реконструкцию смотреть интереснее, чем просто читать учебник. Мы должны помнить свою историю» [1].

Александр Шмелев из Пензы, сыгравший роль главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко, отметил: «В такой реконструкции я участвую впервые, но сразу решил взять себе главную роль. Было интересно сыграть именно прокурора со стороны Советского Союза. Я старался перенять его интонацию, даже посмотрел несколько видеороликов, чтобы увидеть, как он жестикулировал, говорил. Такие мероприятия побуждают детей интересоваться историей своей страны, любить свою культуру и гордиться подвигом наших предков» [1].

В 2024 г. Алена Горбачева из Тверской области сыграла председателя трибунала – судью Дж. Лоуренса. Она так говорит о доставшейся ей роли и своих впечатлениях: «Я играла роль председателя трибунала. Мне было интересно узнать, как проходил этот процесс, я смогла глубоко погрузиться в историю и вжиться в роль. Надеюсь, что своим выступлением мы донесли до наших сверстников историческую правду и помогли им сделать правильные

выводы: фашизм – это зло, а преступления, совершенные фашистами, никогда не нужно забывать» [2].

Прокуратура активно использует площадку не только МДЦ «Артек» для общения с детьми и разъяснения нюрнбергских принципов. Прокуроры стали частыми гостями и в ВДЦ «Океан», «Орленок» и «Алые паруса». Выступая перед молодёжью, работники органов прокуратуры используют различные формы занятий: проводят историко-правовые викторины, тематические беседы, квесты, решают ситуативные задачи. Участвуя в таких занятиях, молодёжь не только сохраняет память о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и получает уникальную возможность, опираясь на материалы Нюрнбергского процесса, закрепить свои знания о преступлениях, совершенных нацистами против мира, человечности, и военных преступлениях [3].

Помимо участия в тематических сменах в детских лагерях, работники органов прокуратуры на постоянной основе проводят тематические беседы и выставки в общеобразовательных учреждениях. В этот процесс вовлечены прокуратуры всех субъектов Российской Федерации. В ходе занятий учащимся демонстрируются документальные фильмы, подготовленные А.Г. Звягинцевым «Нюрнбергский процесс. Репортаж из прошлого», «Нюрнберг. Процесс, которого могло не быть», «Нюрнберг. Казнь», и другие, разъясняется законодательство о противодействии экстремизму и терроризму.

Таким образом, использование материалов Нюрнбергского процесса представляет собой комплексную систему профилактической работы, сочетающую правовое и историческое просвещение, патриотическое воспитание и наглядную демонстрацию преступной сущности нацистской идеологии и неотвратимости наказания за преступления экстремистской направленности.

Библиографический список:

1. Артековцы получили возможность представить, как проходил один из самых значимых судебных процессов в истории // Новости Красноярска. – 2019. – 28 ноября. [Электронный ресурс]. – URL: <https://24rus.ru/news/society/170059.html> (дата обращения: 01.03.2025).
2. В Артеке прошла историческая реконструкция Нюрнбергского процесса [Электронный ресурс]. – URL: https://artek.org/news/medianews_2024_12_26 (дата обращения: 05.03.2025).
3. Юные океанцы встретились с хранителями закона: в «Океане» прошла лекция об истории прокуратуры и Нюрнбергском процессе [Электронный ресурс]. – URL: <https://ocean.org/press-tsentr/news/iunye-okeancy-vstretilis-s-xraniteliami-zakona-v-okeane-prosla-lekciia-ob-istorii-prokuratury-i-niurnbergskom-processe> (дата обращения: 05.03.2025).

Зарипова Виктория Александровна,
референт государственной гражданской
службы РФ 2 класса
прокуратуры Магаданской области

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРОКУРАТУРОЙ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Концептуальное содержание принципа законности в уголовном процессе обозначено в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и предполагает обязательное соблюдение закона всеми указанными в этой статье участниками уголовного судопроизводства, действия и решения которых должны соответствовать данному Кодексу [2].

Законность в суде апелляционной инстанции обеспечивается законодательно предусмотренными процессуальными средствами, в том числе через своевременное вынесение прокурором апелляционных представлений. Данная деятельность призвана гарантировать сторонам соблюдение их прав, обоснованность приговора, воспрепятствование судебным ошибкам и исправление уже допущенных. Так, по апелляционному представлению прокурора был отменен приговор Ольского районного суда в отношении Т. А.Н., осужденной в порядке особого судопроизводства, поскольку дело было рассмотрено в отсутствие согласия потерпевшего с ходатайством обвиняемого, что нарушает положения п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ [5].

Уголовно-процессуальный закон не обязывает прокурора приносить апелляционные представления на незаконные, необоснованные и несправедливые приговоры, расценивая это в качестве права прокурора, что следует из содержания ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ. Однако в п. 3.13 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [1] государственным обвинителям предписывается приносить такие представления. Обратное может повлечь наступление последствий в виде нарушения права гражданина на судебную защиту. Неправильно, на наш взгляд, ставить решение вопроса о подаче апелляционного представления в зависимость от усмотрения прокурора. Это должно быть на законодательном уровне признано обязанностью прокурора.

В целях обеспечения законности прокурор должен в суде апелляционной инстанции проявлять активность в содействии вынесению данным судом законного решения, в частности обозначать в апелляционных представлениях те доказательства, в отношении которых суду следует проявить особое внимание и тщательно их изучить. Кроме того, прокурор может указать на участников (например, экспертов, свидетелей), которых, по его мнению, следует вызвать в заседание суда. На обеспечение законности направлено также аргументирование прокурором ходатайств о рассмотрении новых доказательств.

До направления апелляционного представления в суд вышестоящий прокурор обязан убедиться в соответствии данного документа всем предъявляемым

требованиям. Если же вышестоящий прокурор выяснит и убедится, что государственным обвинителем не принесено апелляционное представление на незаконное судебное решение, то он обязан сделать это самостоятельно [3].

В ситуациях, когда на незаконный приговор, например по основанию неправильной квалификации содеянного в связи с изменением государственным обвинителем обвинения в суде первой инстанции, подана апелляционная жалоба, обязанность государственного обвинителя или вышестоящего прокурора внести апелляционное представление, в том числе по данному основанию, не отменяется и должна быть выполнена. Прокуроры выступают от имени государства, а не в своих интересах, вследствие чего вышестоящий прокурор при установлении факта неисполнения нижестоящим прокурором обязанности по обеспечению публичных интересов, должен принять меры к устранению выявленных нарушений закона.

Согласно общему правилу, изложенному в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, прокурор в суде поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Однако в апелляционной инстанции не является обязательной для суда позиция прокурора по вопросу отмены приговора и оправдания лица за отсутствием состава преступления. Суд вправе отказать в удовлетворении апелляционного представления прокурора, если убедится в законности, обоснованности и справедливости вынесенного приговора [4].

Таким образом, в целях обеспечения прокурором законности в суде апелляционной инстанции будет оправданным дополнить ст. 389.1 УПК РФ указанием на обязанность государственного обвинителя и вышестоящего прокурора обжаловать судебное решение по уголовному делу, если таковое является незаконным, необоснованным и несправедливым. Это необходимо также для приведения уголовно-процессуальной нормы и нормы Приказа № 376 к единообразию.

Библиографический список:

1. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 (ред. от 16.04.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Исакова, Ю.И. Принцип законности в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации: проблемы реализации в правоприменительной практике / Ю.И. Исакова, О.А. Волконская // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – № 3 (4). – С. 54–62.
3. Лиходаев, Е.Г. Апелляционное представление прокурора как средство обеспечения законности приговора / Е.Г. Лиходаев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 4. – С. 230–235.
4. По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 2800-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 2. – С. 105–111.
5. О практике рассмотрения судами апелляционной и кассационной инстанций уголовных дел и материалов в 2024 году в Магаданской области.

Заулочная Светлана Андреевна,
заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

**ОБРАЩЕНИЕ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА,
ПРИБРЕТЕННОГО НА НЕПОДТВЕРЖДЕННЫЕ ДОХОДЫ:
ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ**

В системе национальной безопасности Российской Федерации борьба с коррупцией рассматривается в качестве одного из приоритетных национальных интересов. Как подчеркивается в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», на фоне сохраняющихся социально-экономических проблем возрастает общественная потребность в усилении противодействия коррупции (п. 45), ее искоренение определяется в качестве самостоятельной цели обеспечения государственной и общественной безопасности (п. 46). В этой связи обращение в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы (подп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), обретает не только прикладное, но и стратегическое, системное значение. Данный правовой инструмент, являясь одним из ключевых средств реализации государственной политики по противодействию коррупции, обеспечивает неотвратимость имущественной ответственности лиц, замещающих публичные должности, и способствует восстановлению принципов социальной справедливости и законности. Эффективность данного механизма объясняется тем, что он направлен на подрыв экономического интереса коррупционера [1, с. 88].

Как нам представляется, принципиальное значение для адекватного понимания места данной меры в системе мер государственного принуждения и, что особенно важно, для обоснования допустимости ограничения конституционного права частной собственности имеет определение ее правовой природы. Руководствуясь определением С.С. Алексеева, под правовой природой мы будем понимать «юридическую характеристику данного явления, выражающую его специфику, место и функции среди других явлений...» [2, с. 227].

Основанием для обращения имущества в доход Российской Федерации выступает установление факта нарушения лицом в период замещения публичной должности антикоррупционных требований и запретов. В зависимости от характера противоправного поведения такие нарушения могут проявляться в двух основных формах. Первая форма выражается в несоответствии расходов контролируемого лица и членов его семьи их совокупному законному доходу, исчисленному за трёхлетний период, предшествующий совершению соответствующей сделки, при условии отсутствия документально подтвержденных сведений о приобретении имущества за счёт легальных источников дохода [3]. При этом важно подчеркнуть, что само по себе

превышение стоимости имущества, приобретенного в течение отчётного периода, над размером официальных доходов указанных лиц образует лишь формально-достаточное условие для принятия решения об осуществлении контроля за расходами и проведения последующих проверочных мероприятий, но отнюдь не может трактоваться как безусловное и автоматическое основание для конфискации такого имущества в пользу Российской Федерации.

Вторая форма нарушения связана с совершением лицом конкретных деяний коррупционной направленности, в результате которых было приобретено имущество, в том числе с использованием номинальных владельцев, подконтрольных физических и юридических лиц, а также офшорных юрисдикций [4]. В указанном случае сам факт совершения коррупционного деяния и установление причинно-следственной связи между ним и приобретением имущества выступают уже не просто поводом для проверки, а полноценным юридическим основанием для применения механизмов обращения такого имущества в доход государства.

Конфискация *action in rem* ... реализуется в «усеченном» виде, поскольку ограничена перечнем определенных объектов, подлежащих конфискации, и кругом субъектов, в отношении которых такая конфискация применяется [5, с. 116]. Изъятию подлежит имущество, указанное в ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (земельные участки, объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акции, доли участия, цифровые финансовые активы, цифровая валюта). В случае, когда такое имущество реализовано, взыскание может быть обращено на денежные средства, полученные от его реализации. Кроме того, изъятию подлежит производное имущество, представляющее собой объекты, в которые первоначально полученное коррупционным путём имущество (включая доходы от него) было полностью или частично трансформировано или конвертировано (в том числе посредством предпринимательской деятельности), а также доходы, извлеченные из такого преобразованного имущества [4].

Действие рассматриваемого механизма не является универсальным, он применяется исключительно к имуществу, приобретенному лицом после замещения им публичной должности, влекущей обязанность представлять сведения о расходах (при условии, что ранее данное лицо или его супруг (супруга) не попадали под антикоррупционный контроль) [6].

Обращение имущества в доход Российской Федерации представляет собой особую меру государственного принуждения, которая реализуется в рамках гражданско-правового искового производства. Несмотря на закрепление основания прекращения права собственности в подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, данная мера не является частноправовой, а служит публично-правовым инструментом противодействия коррупции. Использование процессуальной формы гражданского судопроизводства также не свидетельствует о частноправовой природе института, а выступает способом обеспечения эффективных гарантий судебной защиты в публично-правовых отношениях [3, 4].

Одним из проявлений указанной публично-правовой природы выступает выполнение данным институтом двух взаимосвязанных функций:

превентивной – заключающейся в удержании государственных (муниципальных) служащих от коррупционного поведения посредством угрозы изъятия имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы, что способствует осознанию неотвратимости применения данной меры; карательной (штрафной) – применение к лицу, замещающему публичную должность, неблагоприятных имущественных последствий в виде безвозмездного изъятия актива, законность приобретения которого не доказана, что является реакцией государства на нарушение антикоррупционного законодательства [3].

Обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы, не подменяет собой иные охранительные процедуры (налоговые, административные, уголовные) и применяется только в рамках специального антикоррупционного контроля [6].

Кроме того, данная мера не носит компенсаторного характера, не является возмещением ущерба и не направлена на восстановление прав потерпевших лиц. Обращение в доход государства имущества, приобретенного на доходы, законность происхождения которых не подтверждена, как особая мера государственного принуждения применяется в качестве неблагоприятного последствия нарушения антикоррупционного законодательства. По своей природе она направлена на хотя бы частичное восполнение нарушения принципов справедливости и равенства (правового эквивалента).

Наконец, к требованиям об обращении в доход государства имущества, приобретенного в результате нарушения антикоррупционных запретов, не применяются общие сроки исковой давности, предусмотренные ст. 196 и 200 ГК РФ. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, применение таких сроков без учета особенностей коррупционных деяний (латентность, противодействие контролю, использование номинальных владельцев) поощряло бы коррупционное поведение и подрывало бы основы конституционного строя [4].

Таким образом, обращение в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы, представляет собой сложный, многоаспектный правовой институт, обладающий кросс-отраслевыми признаками. Данный институт органично вписан в общую систему мер противодействия коррупции, занимая в ней автономное место, не подменяющее собой иные охранительные процедуры, но вместе с тем восполняющее их недостаточность в случаях, когда коррупционное обогащение не получило полного процессуального подтверждения в рамках уголовного преследования либо формально не связано с конкретным составом преступления. Обладая значительным потенциалом как с точки зрения пресечения уже совершенных коррупционных практик, так и с точки зрения их предупреждения, рассматриваемая мера государственного принуждения выступает не просто вспомогательным юридико-техническим средством, а одним из системообразующих элементов современной антикоррупционной политики Российской Федерации. Её дальнейшее развитие и правоприменительное совершенствование представляют собой значимую задачу как для доктрины, так и для правоприменительной деятельности.

Библиографический список:

1. Голоманчук, Э.В. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права

собственности / Э.В. Голоманчук, Е.Р. Орлова, К.А. Попов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 10 (277). – С. 77–89. – DOI 10.24412/2072-4098-2024-10277-77-89. – EDN IUPCSW

2. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – Москва : Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1989. – 288 с.

3. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.ksrf.ru/>

4. По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.ksrf.ru/>

5. Арямов, А.А. Конфискация как цивилистический инструмент антикоррупционной политики государства / А.А. Арямов, Е.В. Рябцева // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 111–122.

6. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 1-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.ksrf.ru/>

Зацепин Александр Михайлович,
директор Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ: ВОПРОСЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДОКТРИНЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

В современных условиях наблюдается неуклонный рост числа преступлений экстремистской и террористической направленности. Особую опасность представляет распространение радикальных идей через Интернет и социальные сети, что создает новые вызовы для правоохранительной системы [14].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, стремительная трансформация форм

экстремизма и терроризма, выражающаяся в активном использовании мессенджеров и даркнета, требует пересмотра традиционных подходов к противодействию [7; 22]. Во-вторых, сохраняются существенные сложности разграничения смежных составов преступлений – террористических и экстремистских, что нередко приводит к правовой неопределенности [19; 21]. В-третьих, необходимо учитывать региональную специфику, в том числе особенности правоприменения в Крыму, где факторы геополитического и этноконфессионального характера накладывают свой отпечаток на квалификацию деяний [18]. Наконец, острая потребность в совершенствовании механизмов квалификации продиктована задачей обеспечения законности, обоснованности судебных решений и социальной справедливости [6; 17].

Теоретической базой для решения этих проблем выступает институт дополнительной квалификации, который в уголовном праве понимается как установление в совершённом деянии признаков не одного, а нескольких составов преступлений, когда одно действие (бездействие) содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

Ключевыми признаками дополнительной квалификации являются: множественность составов (деяние подпадает под признаки нескольких статей, например, ст. 205.2 и ст. 280 УК РФ); единство деяния (все квалифицируемые преступления совершены в рамках одного действия или системы взаимосвязанных действий); отсутствие поглощения (ни один из составов не поглощает другой, в отличие от случаев идеальной совокупности); самостоятельность санкций (каждое преступление влечёт отдельное наказание, учитываемое при окончательном назначении меры ответственности); обоснованность (дополнительная квалификация применяется только при наличии всех признаков каждого состава) [14].

В доктрине уголовного права, в том числе в работах автора, особо подчёркивается необходимость строгого соблюдения правил квалификации при конкуренции общей и специальной нормы, а также при идеальной совокупности преступлений. Так, при конкуренции применяется специальная норма (например, ст. 205.2 УК РФ имеет приоритет перед ст. 280 УК РФ, если речь идёт о призывах к терроризму) [3]; при идеальной совокупности квалификация производится по всем соответствующим статьям [17], а при реальной совокупности (несколько самостоятельных действий) каждое преступление квалифицируется отдельно [14].

Решающую роль в дополнительной квалификации играет субъективная сторона: необходимо установить, осознавал ли виновный экстремистский или террористический характер своих действий, определить направленность умысла – был ли призыв направлен на возбуждение ненависти (экстремизм) или на дестабилизацию власти (терроризм) [15]. Мотив и цель помогают разграничить смежные составы, например, хулиганские побуждения против экстремистских мотивов.

Нормативная база дополнительной квалификации включает Уголовный кодекс РФ (ст. 205, 205.1, 205.2, 280, 282, 282.1, 282.2, а также ст. 222 УК РФ в части незаконного оборота оружия, который может применяться в совокупности с террористическими составами) [11], а также постановления Пленума

Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и № 1 от 9 февраля 2012 года «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [3].

Международные акты, такие как Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (2017), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965) и Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977), задают общие принципы противодействия этим явлениям [1; 2]. В доктрине понятия «терроризм» и «экстремизм» разграничиваются по целям (дестабилизация власти против возбуждения розни), способам (насилие против пропаганды), объекту посягательства (общественная безопасность против конституционных прав и свобод) и масштабу (международный против локального) [20; 21]. Однако в реальных преступлениях эти признаки часто пересекаются, поэтому дополнительная квалификация позволяет учесть все аспекты противоправного деяния и обеспечить законность привлечения к ответственности [14; 19].

Обращение к правоприменительной практике, особенно в регионе с ярко выраженной спецификой – Республике Крым, выявляет как общие, так и особенные проблемы. По данным МВД, в 2024 году в Крыму зафиксировано 15 преступлений террористического характера и 10 – экстремистской направленности, при этом по сравнению с 2023 годом количество террористических преступлений снизилось на 12%, экстремистских – на 71% [9]. Однако динамика за предыдущие годы (с 2014 по 2022 год) демонстрировала четырёхкратный рост числа экстремистских преступлений, что выводило регион в число российских антилидеров по этому показателю [18]. Такие колебания связывают с комплексом геополитических, социально-культурных и исторических факторов [18].

Типичными случаями дополнительной квалификации в Крыму являются: сочетание террористического акта с незаконным оборотом оружия (ст. 205 и ст. 222, 223 УК РФ) [11]; вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность (ст. 150 и ст. 282.1 или 282.2 УК РФ) [10]; использование IT-технологий для распространения экстремистских материалов, что часто сочетается с преступлениями в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273 УК РФ) [7; 8].

Среди проблем правоприменения выделяются сложности разграничения экстремизма и терроризма, особенно в случаях, когда призывы содержат признаки обеих статей (ст. 280 и ст. 205.2) и требуется тщательный анализ целей и контекста высказываний [19; 21]. Также встречаются ошибки следствия и судов при установлении мотива, что ведёт к квалификации по общей норме вместо специальной (например, ст. 105 УК РФ вместо п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ с экстремистским мотивом) [10; 13].

Геополитическое положение Крыма, включая активность иностранных спецслужб и диверсионно-террористических групп, требует повышенного внимания к вопросам государственной измены (ст. 275 УК РФ) и шпионажа (ст. 276 УК РФ) при квалификации деяний, сопряжённых с террористической или экстремистской деятельностью [18].

Анализ конкретных судебных решений крымских судов показывает, что при рассмотрении дел о публичных призывах суды, как правило, следуют разъяснениям Пленума ВС РФ и проводят тщательный анализ формы и содержания размещённой информации, её контекста, комментариев автора и иных обстоятельств, свидетельствующих о направленности умысла [3; 12; 13]. Прокуратура Республики Крым осуществляет надзор за законностью квалификации на всех этапах судопроизводства: проверяет обоснованность квалификации, выявляет нарушения, оценивает доказательственную базу, в том числе заключения лингвистических и иных экспертиз, и в суде поддерживает государственное обвинение, обеспечивая правильную юридическую оценку содеянного [6; 10]. Таким образом, практика в Крыму отражает как общие проблемы, так и специфические вызовы, что требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, повышение квалификации кадров и усиление межведомственного взаимодействия [4; 6; 10].

В условиях новых угроз назрела необходимость в существенных изменениях законодательства и правоприменительной практики.

Предложения по совершенствованию охватывают несколько направлений.

Во-первых, требуется уточнение формулировок диспозиций статей УК РФ: конкретизировать понятия «публичные призывы», «возбуждение ненависти», «террористическая идеология» в примечаниях к соответствующим статьям (ст. 205.2, 280, 282) [17]; закрепить критерии публичности призывов в Интернете (охват аудитории, способы распространения, использование платформ с широкой доступностью); уточнить признаки конспиративности деятельности экстремистских и террористических организаций для более точной квалификации по ст. 282.1 и 282.2 УК РФ; ввести отдельные квалифицирующие признаки для преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет и мессенджеры) [7].

Во-вторых, необходимо разработать единые методические рекомендации для следователей и судей по квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности с учётом разъяснений Пленума ВС РФ и региональной практики [6]; включить в них алгоритмы действий при выявлении признаков совокупности преступлений (например, сочетание ст. 205 и ст. 222 УК РФ), типовые сценарии расследования с использованием цифровых доказательств (анализ соцсетей, мессенджеров, даркнета) [7], а также раздел по оценке экспертных заключений (лингвистических, психологических, технических) и их соотношению с другими доказательствами.

Важную роль в решении практических проблем призваны сыграть доктринальные наработки, в том числе идеи автора о внедрении чётких критериев дополнительной квалификации [14; 17].

Предлагается использовать разработанные в доктрине критерии разграничения смежных составов (цель, мотив, способ совершения, объект посягательства) при квалификации; применять правила приоритета специальной нормы (ст. 205.2 перед ст. 280 УК РФ) и учёта идеальной и реальной совокупности; учитывать субъективную сторону для разграничения экстремизма и терроризма [15].

Для обучения судей и следователей необходимо организовать регулярные семинары с участием ученых-правоведов, внедрить в программы повышения

квалификации модули по анализу судебной практики и типичных ошибок, разработать учебные кейсы на основе реальных дел (включая крымские кейсы по делам «Хизб ут Тахрир», жителей Судака и Симферополя) [12; 13], создать онлайн-платформу с доступом к методическим материалам и экспертным комментариям [16].

Меры профилактики должны быть направлены на взаимодействие правоохранительных органов с обществом и СМИ: проводить совместные пресс-конференции, организовать горячие линии для сообщений о фактах распространения экстремистских материалов, развивать партнёрство с общественными и религиозными организациями [4].

В образовательных учреждениях следует включить в учебные программы модули по правовому воспитанию и толерантности, проводить лекции с участием правоохранителей и экспертов, организовывать конкурсы и конференции по профилактике экстремизма, распространять информационные материалы (буклеты, видеоролики) о последствиях такой деятельности [5].

Мониторинг интернет-пространства требует внедрения автоматизированных систем поиска и анализа контента с признаками экстремизма и терроризма (на основе ИИ и машинного обучения), налаживания взаимодействия с администраторами соцсетей и мессенджеров для оперативного удаления запрещенного контента, создания единой базы данных экстремистских материалов и усиления контроля за даркнетом и анонимными платформами [22].

Анализ международного опыта противодействия терроризму и экстремизму показывает, что ряд практик может быть адаптирован в Крыму. Например, опыт ЕС по противодействию онлайн-экстремизму (в Германии – закон NetzDG) предлагает механизмы быстрого удаления экстремистского контента. Программы реабилитации и реинтеграции, подобные сингапурской модели после терактов 2002 года, могут быть полезны для работы с лицами, склонными к радикализации.

Межведомственная координация по образцу антитеррористических центров Европола способна усилить взаимодействие ФСБ, МВД, прокуратуры и Росгвардии в регионе.

Образовательные программы ЮНЕСКО по формированию культуры мира и толерантности, а также технические решения Израиля по анализу больших данных и распознаванию образов для мониторинга интернет-пространства также заслуживают внимания [22; 23].

Подводя итоги проведенного исследования, следует выделить основные проблемы и достижения в сфере дополнительной квалификации.

К числу проблем относятся: сложности разграничения смежных составов из-за нечёткости формулировок в УК РФ (ст. 205.2, 280, 282), что затрудняет отграничение терроризма от экстремизма, особенно в случаях, когда действия содержат признаки обоих преступлений [19; 21]; ошибки квалификации в цифровой среде, поскольку быстрое развитие IT-технологий опережает совершенствование законодательства и методик расследования, что приводит к трудностям фиксации доказательств в Интернете [7; 8]; субъективность экспертных заключений (лингвистических и психологических), создающая риск необъективной квалификации [10]; недостаточный учёт региональной специфики Крыма, где геополитическое положение, этноконфессиональный состав и исторические

факторы требуют особого подхода [18]; пробелы в профилактике – недостаточная просветительская работа с группами риска (молодёжь, мигранты) снижает эффективность противодействия радикализации [5].

В то же время достижениями являются: снижение количества преступлений (как указано выше, по данным МВД, в 2024 году зафиксировано снижение числа террористических преступлений на 12%, экстремистских – на 71% по сравнению с 2023 годом) [9]; совершенствование межведомственного взаимодействия, позволившее повысить раскрываемость [4; 10]; развитие методик расследования – внедрение новых технологий мониторинга интернет-пространства и анализа данных [7]; усиление профилактической работы в образовательных учреждениях и взаимодействие с общественными организациями [5].

На основе проведенного анализа можно сформулировать ключевые выводы.

Во-первых, необходимым условием правильной квалификации является учёт региональной специфики Крыма, включая уникальное геополитическое положение, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, а также транзитивный характер социальных процессов. Повышенная активность иностранных спецслужб и диверсионно-террористических групп в регионе обуславливает особое внимание к вопросам государственной измены (ст. 275 УК РФ) и шпионажа (ст. 276 УК РФ) при квалификации деяний, сопряжённых с террористической или экстремистской деятельностью [18].

Во-вторых, важно сочетание доктринальных подходов и практики: теоретические разработки должны находить прямое применение в правоприменительной деятельности. Внедрение чётких критериев дополнительной квалификации, обучение следователей и судей на основе актуальных доктринальных подходов, использование методических рекомендаций позволят снизить количество ошибок и повысить качество расследования [14; 16; 17].

В-третьих, значимость профилактики экстремизма и терроризма неоспорима: она должна стать неотъемлемой частью системы противодействия. Ключевые направления – просветительская работа в школах и вузах [5], взаимодействие правоохранительных органов с обществом и СМИ [4], мониторинг интернет-пространства для выявления экстремистских материалов [7], программы реабилитации и реинтеграции лиц, склонных к радикализации [22].

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния гибридных угроз на квалификацию преступлений, анализом новых форм онлайн-экстремизма (даркнет, анонимные мессенджеры, метавселенные), исследованием эффективности существующих профилактических мер, сравнительным анализом международного опыта и разработкой технологических решений на основе искусственного интеллекта для мониторинга и прогнозирования угроз.

Реализация этих направлений позволит укрепить национальную безопасность, обеспечить законность и правопорядок в Крыму, а также создать надёжную основу для противодействия новым вызовам в сфере экстремизма и терроризма.

Таким образом, комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, обучение специалистов, профилактику и адаптацию лучших

международных практик, станет залогом эффективного противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях.

Библиографический список:

1. Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (Страсбург, 27 января 1977 г.) // Совет Европы. – Страсбург, 1977.
2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 г.) // ООН. – Нью-Йорк, 1965.
3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.
5. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
6. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
7. О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
8. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.
9. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму : Указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 52 (ч. I). – Ст. 7593.
10. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
12. Об антитеррористической защищённости объектов (территорий) : постановление Правительства РФ от 25.12.2013 № 1244 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 103.
13. О взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, физических и юридических лиц при проверке информации об угрозе совершения террористического акта : постановление Правительства РФ от 27.05.2017 № 638 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 23. – Ст. 3345.

14. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утверждён Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610).

15. Алехин, В.П. Проблемы разграничения терроризма и экстремизма в уголовном праве: критерии дифференциации составов преступлений и их практическое применение / В.П. Алехин. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 192 с.

16. Бушмин, С.И., Москалев, Г.Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности / С.И. Бушмин, Г.Л. Москалев. – СПб. : Питер, 2021. – 304 с.

17. Хлебушкин, А.Г. Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / А.Г. Хлебушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 5. – С. 112–120.

18. Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы профилактики и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности» (Екатеринбург, 9 ноября 2023 г.). – Екатеринбург : УрГЮУ, 2024. – 280 с.

19. Равнюшкин, А.В. О проблемах применения судами уголовно-процессуального и уголовного законов при вынесении решений по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности небольшой и средней тяжести / А.В. Равнюшкин // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 28–33.

20. Жукова, П.С., Капица, Т.А., Чирьев, И.С. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма как проявление соучастия в уголовном праве / П.С. Жукова, Т.А. Капица, И.С. Чирьев // Юридическая наука и практика. – 2025. – № 1. – С. 45–52.

21. Бажин, П.А. Вопросы разграничения составов террористических и экстремистских преступлений по признакам субъективной стороны / П.А. Бажин // Уголовное право. – 2024. – № 2. – С. 34–40.

22. Зацепин, А.М. Теоретические и практические аспекты дополнительной квалификации преступлений экстремистской направленности / А.М. Зацепин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 3 (71). – С. 45–52.

23. Зацепин, А.М. Роль субъективной стороны в квалификации преступлений террористической направленности / А.М. Зацепин // Уголовное право и криминология. – 2022. – № 4. – С. 58–65.

24. Зацепин, А.М. Роль обучения правоохранителей в борьбе с терроризмом и экстремизмом / А.М. Зацепин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 4 (96). – С. 50–57.

25. Зацепин, А.М. Совершенствование квалификации преступлений террористической направленности: доктринальные аспекты / А.М. Зацепин // Уголовное право и практика. – 2024. – № 1. – С. 30–38.

26. Иванов, П.П. Геополитический фактор и специфика преступности в Крыму / П.П. Иванов // Право и безопасность. – 2024. – № 2. – С. 22–29.

27. Карасев, С.С. Проблемы разграничения экстремистских и террористических преступлений в уголовном праве России / С.С. Карасев // Журнал российского права. – 2020. – № 6. – С. 34–40.

28. Пономарёв, В.В. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий и юридическая квалификация / В.В. Пономарёв // Право и безопасность. – 2020. – № 2. – С. 12–19.

29. Смирнов, А.В. Проблемы разграничения экстремизма и терроризма в уголовном праве РФ / А.В. Смирнов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 7. – С. 48–55.

30. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Counter-Terrorism Strategies and Practices: International Perspectives. – Vienna, 2023. – 210 p.

31. Council of Europe. Preventing Radicalisation and Extremism: European Approaches and Best Practices. – Strasbourg, 2024. – 185 p.

Ибрагимова Алиса Мансуровна,
доцент кафедры основ управления,
организации и цифровизации
прокурорской деятельности
Казанского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В преддверии празднования Международного дня защиты детей 27 мая 2026 г. в Казанском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации проведен межвузовский студенческий круглый стол «Законодательство о несовершеннолетних: история и современность».

В ходе круглого стола обсуждались следующие актуальные вопросы об истории развития законодательства о несовершеннолетних и его современном состоянии:

- правовое положение детства в Древней Руси;
- правовое положение детства в средневековой России;
- значение реформ XVIII–XIX вв. в становлении правового статуса несовершеннолетних;
- влияние Великих реформ XIX в. на правовое положение несовершеннолетних в России;
- правовое положение несовершеннолетних по советскому праву;
- влияние Конституции Российской Федерации 1993 г. на законодательство о несовершеннолетних;
- современная государственная политика в отношении несовершеннолетних;

- несовершеннолетние и информационное общество: новые вызовы и угрозы;
- способы защиты прав несовершеннолетних в информационном обществе;
- цифровая правосубъектность несовершеннолетних: за и против;
- преступность несовершеннолетних: анализ причин и условий, способы противодействия.

С докладами по обозначенным вопросам выступили студенты Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), частного образовательного учреждения высшего образования «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП)».

В качестве почетных гостей в работе круглого стола приняли участие начальник управления воспитания, дополнительного образования детей и развития психологического сопровождения обучающихся Министерства образования и науки Республики Татарстан Кашапова А.Р., старший инспектор управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних Министерства внутренних дел по Республике Татарстан Алексеева Л.М., заместитель руководителя третьего отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан Сыраев И.Г., прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры Республики Татарстан Гайсин И.Р.

В рамках круглого стола участниками выработаны отдельные рекомендации по совершенствованию законодательства о несовершеннолетних:

1. До начала XVIII в. [3, с. 129] несовершеннолетние находились в полной зависимости от родителей [3, с. 126–129], то есть являлись объектами прав. Данное обстоятельство находит свое отражение в таких источниках, как Русская Правда, Стоглав, Домострой, Соборное уложение 1649 г.

2. Второй этап развития законодательства о несовершеннолетних связан с государственными преобразованиями Петра I. Указом 1714 г. «О порядке наследования» вводится прогрессивная мера, способствующая искоренению ранних браков и повышению защиты интересов детства: был повышен минимальный возраст для вступления в брак: для женщин – 17 лет, для мужчин – 20 лет [4, с. 25]. Примечательно, что огромное внимание Петр I стал уделять опеке как особому социальному институту, призванному осуществлять функции защиты, обеспечения и обучения несовершеннолетних, детей-сирот [3, с. 130]. Данную работу продолжила Екатерина II [5, с. 154].

3. Третий этап связан с заложением основ для формирования международных правовых норм о несовершеннолетних. В 1918 г. Вентцелем К.Н. предложен проект Декларации о правах ребенка, которая послужила прообразом Конвенции ООН 1989 г. Предлагается признать за детьми личные, политические и экономические права и свободы. Кроме того, в этот период советское законодательство ликвидировало понятие «родительская власть», установлены взаимные права и обязанности родителей и детей [2, с. 17].

С 1978 года российское законодательство испытывает влияние международных правовых актов, в том числе в сфере поддержки детства, защиты и заботы о детях, что нашло отражение в Конституции РСФСР 1978 года [1, с. 90], а в последующем и в Конституции РФ 1993 г.

4. Современный этап развития законодательства связан с необходимостью противодействия угрозам, связанным с активным формированием информационного общества и «продвинутым» использованием несовершеннолетними и молодёжью возможностей информационно-коммуникационных технологий. В этой связи в рамках круглого стола предложено проработать вопрос о законодательном закреплении возраста приобретения несовершеннолетними правосубъектности в целях унификации правил приобретения прав и обязанностей, а также наступления ответственности в информационном пространстве.

На российских информационных ресурсах практикуется самостоятельная регистрация несовершеннолетних пользователей с 14 лет. В этом возрасте российское гражданское законодательство допускает возможность участия несовершеннолетних от 14 лет в гражданском обороте (ст. 26 ГК РФ). Кроме того, по отдельным видам составов преступлений субъектом уголовной ответственности являются несовершеннолетние от 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о наделении несовершеннолетних цифровой правосубъектностью с 14 лет. Именно данный возраст, по мнению законодателя, является возрастом, с достижением которого несовершеннолетний начинает осознавать значение своих действий и руководить ими. Подтверждением тому являются и последние изменения в уголовном законе в части снижения до 14 лет возраста уголовной ответственности за совершение преступлений диверсионной и террористической направленности.

В то же время считаем необходимым учитывать особенности развития каждого ребенка, в каждом случае использовать дифференцированный подход в оценке возможности осознания несовершеннолетним значения своих действий и руководить ими на основании выводов психолого-психиатрической экспертизы.

Данные предложения отмечены и почетными гостями круглого стола. Выступление студентов Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации на тему «Цифровая правосубъектность несовершеннолетних: за и против» отмечено торжественным вручением памятного подарка.

Участники круглого стола получили сертификаты об участии в научно-просветительском мероприятии.

Библиографический список:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ // СЗ РФ. – 24.11.2025. – № 47. – ст. 7048.
2. Бондаренко, О.А. Права и свободы ребенка в Конституционном законодательстве советского государства – О.А. Бондаренко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2016. – № 2 (31). – С. 88–92.

3. Вентцель, К.Н. Книга 1. Освобождение ребенка. Книга II. Декларация прав ребенка. – Смоленск : 1918. – 23 с.

4. Микиртичан, Л.Г. Отношение к детям, их праву на жизнь и развитие в России (X – начало XVIII в.) / Л.Г. Микиртичан // История педиатрии. – 2014. – Том 5. – № 1. – С. 126–131.

5. Николаева, Ю.В. Развитие уголовного законодательства о защите прав несовершеннолетних в дореволюционной России / Ю.В. Николаева // Право и жизнь. – 2007. – № 114. – С. 25.

6. Селютина, Е.Н. Формирование государственной правовой политики Российской империи по признанию несовершеннолетних в XVIII–XIX вв. / Е.Н. Селютина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 152–156.

Кашкаров Александр Александрович,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В Российской Федерации как демократическом правовом государстве [1] единственным основанием для привлечения виновного лица к уголовной ответственности является совершение им общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством [2]. Вместе с тем анализ действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) показывает, что понятие «уголовная ответственность» в нем не раскрывается, в отличие от Уголовного кодекса Республики Беларусь, в котором указано, что «уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности» [3]. Кроме того, понятие «уголовная ответственность» связано с одним из основных принципов уголовного права, а именно – принципом неотвратимости уголовной ответственности, способствующим достижению задач, стоящих перед уголовным законодательством, по защите общественных отношений от преступных посягательств, предупреждению преступлений и восстановлению социальной справедливости. Однако и этот принцип не включен в действующий УК РФ, в отличие от Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ, согласно которому принцип неотвратимости ответственности заключается в том, что «лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам воздействия» [4].

При этом действующий УК РФ содержит целый ряд уголовно-правовых норм, противоречащих принципам неотвратимости ответственности и наказания и исключающим возможность их реализации.

Так, Особенная часть действующего УК РФ содержит Раздел IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания», включающий в себя Главу 11 «Освобождение от уголовной ответственности» (ст. 75–78.1) [5] и Главу 12 «Освобождение от наказания» (ст. 79–83), в которых прямо предусмотрены основания освобождения лиц, виновных в совершении преступлений, как от ответственности, так и от наказания.

В частности, законодателем установлено пять оснований для освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности, а именно: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, назначение судебного штрафа, истечение срока давности, призыв на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключение в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Также законодателем установлено шесть оснований для освобождения лиц, признанных виновными в совершении конкретного преступления, от отбывания наказания, а именно: условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания в связи с изменением обстановки, в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, в связи с болезнью и в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда, а также основания для отсрочки отбывания наказания в том числе больным наркоманией.

Кроме того, основания для освобождения отдельных лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности или наказания содержатся в примечаниях к конкретным уголовно-правовым нормам. Например, взятокодатель освобождается от уголовной ответственности, если он активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления либо со стороны взятокополучателя имело место вымогательство предмета взятки, либо после совершения преступления взятокодатель добровольно сообщил об этом в правоохранительные органы. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Принимая во внимание, что привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания влекут для виновного длительные негативные последствия, полагаем, что перечисленные институты освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности или наказания необходимо рассматривать с точки зрения соблюдения российским уголовным законодательством принципа гуманизма, обеспечивающего безопасность человека [6], и способа поощрения обществом и государством деятельного раскаяния лица, совершившего общественно опасное деяние, добровольно прекратившего свою преступную деятельность и вставшего на путь исправления.

Анализ действующего уголовного законодательства России, устанавливающего основания для освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности и наказания, показал, что последним из этих институтов является прохождение военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Основанием для введения указанного института освобождения лиц, виновных в совершении определенной категории преступлений, от ответственности и наказания, желающих искупить свою вину перед страной, послужила общественно-политическая обстановка, сложившаяся в России и мире после начала 24.02.2022 специальной военной операции в целях защиты жителей Донбасса от уничтожения Украинским режимом, а также демилитаризации и денацификации Украины (далее – СВО).

Так, началом формирования в стране правового механизма оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести (за исключением преступлений террористической и экстремистской направленности, а также против половой неприкосновенности несовершеннолетних), заключающих или заключивших контракт о прохождении военной службы в российской армии во время СВО, необходимо считать принятие Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ) [7]. Без всяких сомнений, принятие Закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ было важным и даже немного запоздавшим решением. Однако указанный закон не был взаимосвязан с уголовным законодательством, регулирующим порядок принятия процессуальных решений об освобождении лиц от уголовной ответственности, наказания и снятия судимости, что влекло существенные трудности в его практическом применении. Для устранения проблем, возникших в ходе применения указанного закона, законодатель был вынужден принять целый ряд федеральных законов, в том числе от:

- 23.03.2024 № 61-ФЗ, внесший изменения в Федеральные законы от: 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», а Закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ признан утратившим силу [8];

- 23.03.2024 № 64-ФЗ (далее – Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ), согласно которому подозреваемые, обвиняемые, осужденные, отбывающие наказание, лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость, призванные на военную службу в период мобилизации или в военное время в ВС России либо заключившие в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в российской армии до дня вступления в силу данного закона, освобождаются от уголовной ответственности и наказания, а судимость в отношении их погашается в порядке и основаниях, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) и УК РФ, а также раздел IV «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» Общей части УК РФ дополнен: ст. 78.1, устанавливающей основания освобождения от уголовной ответственности лица в связи с его призывом на военную службу в период

мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, и ст. 80.2, устанавливающей условное освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время; УПК РФ дополнен ст. 28.2, предусматривающей порядок прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время [9].

– 24.06.2023 № 269-ФЗ, дополнивший ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) частью 8, устанавливающей, что освобождение от отбывания наказания лица, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС России либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в российской армии, осуществляется досрочно по основаниям, предусмотренным УК РФ и Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ, при поступлении в учреждение или орган, исполняющие наказание, соответствующего обращения командования воинской части (учреждения) либо личного обращения указанного лица [10].

Таким образом, следует констатировать, что начало СВО привело к формированию в российском уголовном законодательстве нового института освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, виновных в совершении преступлений определенной категории и призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в ВС России либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в российской армии, который в настоящее время регулируется ст. 78.1, 80.2 УК РФ, ст. 28.2 УПК РФ, ч. 8 ст. 173 УИК РФ.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации : принята 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Ст. 8.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (в ред. от 21.10.2025). Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> Ч. 1 ст. 44.
4. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2566472/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/> Ч. 1 ст. 7.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Раздел IV.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Ч. 1 ст. 7.

7. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2023 № 269-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Комарова Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и участия прокурора
в уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ КАК БЕЗУСЛОВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА

Конституционное право каждого обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката (защитника) (ст. 48 Конституции РФ) находит свою конкретизацию в нормах уголовно-процессуального законодательства. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), рассмотрение уголовного дела без участия защитника, когда его участие является обязательным, «или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника» является безусловным основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке. Безусловность указанного основания подчеркивается и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, который указывает, что часть вторая статьи 389.17 УПК РФ «предусматривает перечень оснований, влекущих отмену или изменение судебного решения в любом случае» [1].

Как справедливо отмечает в своем исследовании Т.Ю. Маркова, данная норма содержит два самостоятельных основания к отмене приговора: 1) отсутствие защитника при обязательности его участия и 2) «иные нарушения» права на защиту [2]. Именно вторая категория, отличающаяся многообразием проявлений, вызывает наибольшее количество споров и требует детального анализа.

На основе обобщения судебной практики Верховного Суда РФ и теоретических разработок ученых-процессуалистов можно выделить наиболее распространенные нарушения права на защиту, влекущие отмену приговора.

Во-первых, адвокат не вправе занимать по уголовному делу позицию, противоречащую интересам своего подзащитного. Несогласованность позиции защитника и подзащитного, являясь одним из проявлений нарушения права на защиту, влечет безусловную отмену приговора.

Исключение из этого правила, предусмотренное подп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее – Закон об адвокатуре), допускается лишь в одном случае – когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя. При этом, как подчеркивают А.О. Машовец и Е.Ю. Никифорова, «отступление от принципиального запрета расхождения позиции адвоката с позицией его доверителя происходит в исключительном случае, когда это требуется в связи с угрожающей доверителю уголовной ответственностью и, следовательно, объясняется обеспечением его права на защиту. Иные изъятия действующим регулированием не предполагаются» [3]. Указанное положение находит полное подтверждение в практике Верховного Суда РФ.

Так, осужденный Ф., обвиняемый в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, настаивал на отсутствии умысла на сбыт, утверждая, что наркотик приобретал для личного потребления. Однако его адвокат М. в суде кассационной инстанции просил не об оправдании, а о переквалификации действий с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и смягчении наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 26 мая 2022 г. отменила состоявшиеся судебные решения, указав, что «позиция адвоката прямо противоречила позиции и интересам защищаемого им лица, чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом право Ф. на защиту». При этом суд подчеркнул, что рассмотрение уголовного дела с нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника является одним из существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену судебного решения в любом случае [4].

В другом случае подсудимый Ф., обвиняемый в причинении тяжкого вреда здоровью матери, повлекшего ее смерть, настаивал на своей невиновности, выдвигая версию о совершении преступления третьими лицами и утверждая, что показания на следствии давал под принуждением. Вопреки этому, его защитник К. в прениях просил квалифицировать содеянное по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Суд установил, что на протяжении всего судебного разбирательства позиции подсудимого и адвоката расходились по вопросам допроса свидетелей, оглашения показаний и квалификации.

Верховный Суд РФ, отменяя приговор, также указал на то, что адвокат «не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением

случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает». Данное требование закона адвокатом выполнено не было [5].

Во-вторых, участие защитника является обязательным, если лицо, привлекаемое к ответственности, не отказалось от защитника в установленном законом порядке. Это положение распространяется не только на досудебное, но и на судебное производство. Причем нарушение права на защиту не может быть «скомпенсировано» в вышестоящей инстанции, поскольку суд апелляционной (или кассационной) инстанции не может в полной мере заменить суд первой инстанции, особенно в части непосредственного исследования доказательств и личного участия подсудимого [2].

Суд кассационной инстанции должен обеспечить возможность личного участия лица в судебном заседании, даже если ходатайство об участии было заявлено лишь в дополнении к кассационной жалобе, и принять соответствующие меры к реализации права осужденного на защиту.

Так, осужденный С. изначально подал расписку об отказе от участия в суде кассационной инстанции, однако впоследствии – в дополнениях к кассационной жалобе – ходатайствовал о личном участии посредством видео-конференц-связи и об участии адвоката Д. Суд кассационной инстанции проигнорировал эти ходатайства, сославшись на первоначальную расписку.

Верховный Суд РФ 21 июля 2022 г. отменил кассационное определение, указав, что суд, «не рассмотрев ходатайство осужденного, лишил С. права на личное участие в судебном заседании, не обеспечил ему возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов рассматриваемого дела, чем нарушил право С. на защиту» [6].

В-третьих, в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ, в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Важно, что допуск к участию в деле в качестве защитника из числа близких родственников или иных лиц возможен наряду с адвокатом, а не вместо него.

Так, в суде кассационной инстанции интересы осужденного К. представлял защитник П. (иное лицо), назначенный же адвокат Ш. в заседание не явился. Суд не выяснил мнение осужденного о возможности рассмотрения дела без профессионального защитника и не назначил нового. Верховный Суд РФ отменил кассационное определение, указав, что «само по себе участие П. в судебном заседании кассационного военного суда в качестве защитника, допущенного к участию в деле, не свидетельствует о соблюдении права осужденного на надлежащую защиту» [7].

По этому вопросу неоднократно указывалось на то, что качественная характеристика юридической помощи предполагает именно помощь квалифицированного специалиста – адвоката, а не любого лица, допущенного судом.

В-четвертых, значительная часть нарушений связана с необоснованным взысканием процессуальных издержек за участие адвоката по назначению. В соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ, «если подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен, и защитник

участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета».

В судебной практике встречаются случаи, когда судьи игнорируют это положение и взыскивают расходы на оплату труда адвоката с осужденных, несмотря на заявленный ими отказ от защитника [8]. При этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, заявление об отказе от защитника по причине имущественной несостоятельности не может расцениваться как отказ от защитника – напротив, оно влечет обязанность следователя (суда) обеспечить участие защитника бесплатно [9].

Так, осужденный Я. 9 марта 2021 г. письменно отказался от услуг адвоката Ч., заявив о желании защищать себя самостоятельно. Следователь 26 марта 2021 г. необоснованно отказал в удовлетворении ходатайства (отказ не был обусловлен имущественной несостоятельностью). Адвокат продолжил работу, и его гонорар был взыскан с осужденного. Верховный Суд РФ 5 сентября 2023 г. отменил судебные решения в части взыскания процессуальных издержек, указав на нарушение ч. 4 ст. 132 УПК РФ [10].

Особого внимания заслуживает ситуация, когда суд взыскивает процессуальные издержки с лица, частично реабилитированного.

В частности, Г. был осужден по трем эпизодам, включая п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Суд апелляционной инстанции отменил приговор в этой части и прекратил дело за отсутствием состава преступления (реабилитирующее основание). Однако суд оставил в силе взыскание с Г. процессуальных издержек в полном объеме (119 360 руб.), не выделив суммы, приходящиеся на реабилитированный эпизод. Верховный Суд РФ отменил решения в этой части, руководствуясь п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42: «В случае оправдания подсудимого по уголовному делу по одной из статей предъявленного обвинения процессуальные издержки, связанные с этим обвинением, возмещаются за счет средств федерального бюджета» [11].

Проанализировав наиболее типичные нарушения права на защиту, допускаемые в рамках судебного производства и приводящие к отмене приговора, можно прийти к выводу, что каждое из указанных нарушений носит неустранимый характер и не может быть исправлено вышестоящей инстанцией без направления дела на новое рассмотрение. Именно поэтому законодатель отнес нарушения этого права к числу безусловных оснований отмены судебного решения (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Судебная практика Верховного Суда РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на недопустимость формального подхода к обеспечению права на защиту и на необходимость отмены приговоров при выявлении любого из описанных нарушений.

Библиографический список:

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ростова Алексея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 604-О. – URL: <http://www.ksrf.ru>
2. Маркова, Т.Ю. И еще несколько слов о нарушении права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью защитника /

Т.Ю. Маркова // Юридические исследования. – 2024. – № 1. – С. 1–12.

3. Машовец, А.О., Никифорова, Е.Ю. Позиция защитника и доверителя – допустимо ли расхождение? / А.О. Машовец, Е.Ю. Никифорова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-zaschitnika-i-doveritelya-dopustimo-li-rashozhdenie> (дата обращения: 14.05.2026).

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 мая 2022 г. № 18-УД22-6-К4 // Архив ВС РФ.

5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2024 г. № 129-УД24-4-А1 // Архив ВС РФ.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 18-УД22-20-К4 // Архив ВС РФ.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2025 г. № 226-УД25-11-К10 // Архив ВС РФ.

8. Хайдаров, А.А., Исхаков, А.Д. Актуальные вопросы освобождения подсудимого (осужденного) от возмещения процессуальных издержек либо снижения их размера в судебной практике / А.А. Хайдаров, А.Д. Исхаков // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-osvobozhdeniya-podsudimogo-osuzhdenного-ot-vozmesheniya-protsessualnyh-izderzhhek-libo-snizheniya-ih-razmera-v> (дата обращения: 14.05.2026).

9. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 (ред. от 15.12.2022). – п. 7.

10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. № 44-УД23-14-К7 // Архив ВС РФ.

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2024 г. № 69-УД24-8-К7 // Архив ВС РФ.

Косян Анжелика Агучевна,
прокурор отдела прокуратуры
Краснодарского края, соискатель
ученой степени в ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 238 УК РФ

Проведенным нами криминологическим анализом преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, установлено, что наиболее распространенной формой совершения этого преступления является розничная продажа

разведенного технического спирта, содержащего метанол (до 76% по изученным уголовным делам).

Потребители данной продукции часто совершают административные правонарушения и преступления в состоянии алкогольного опьянения. Поэтому с учетом специфики данных субъектов (как правило, это – безработные, малоимущие, ранее судимые граждане) необходимо выстраивать меры специальной профилактики.

В соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ, участковые уполномоченные полиции уполномочены рассматривать дела о целом ряде административных правонарушений, в т.ч. о предусмотренных ч. 1, 2 ст. 20.1 «Мелкое хулиганство», ч. 1, 2 ст. 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах», ст. 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения» КоАП РФ (далее – КоАП).

В случае совершения правонарушений, предусмотренных ст. 20.1 КоАП, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также правонарушений, предусмотренных ст. 20.20 и 20.21 КоАП, участковые уполномоченные полиции должны принимать исчерпывающие меры по установлению источника приобретения спиртных напитков. В ч. 7 ст. 26.1 КоАП «Обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении» указывается необходимость установления причин и условий совершения правонарушения. Для реализации данного положения предлагаем прокурорским работникам, осуществляющим надзор за рассмотрением дел об административных правонарушениях должностными лицами органов внутренних дел, особое внимание обращать на соблюдение данного положения ч. 7 ст. 26.1 КоАП и принимать меры прокурорского реагирования в случае игнорирования этих требований. В частности, в протоколе должны быть отражены сведения о том, где и у кого лицо, совершившее административное правонарушение, приобретало алкоголь. Особое внимание следует уделить случаям, когда административные правонарушения совершаются лицами, не имеющими определенного источника дохода, поскольку для них легальное приобретение спиртного по материальным соображениям недоступно.

Ведомственный приказ МВД РФ, регламентирующий деятельность участковых уполномоченных полиции, ориентирует их на выявление лишь отдельных видов преступлений [1]. В частности, в п. 9.2 данного приказа прямо указывается на необходимость, в первую очередь, принимать меры к предупреждению, предусмотренные ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и 314.1 УК. В подп. «б» п. 14.1.1 при обеспечении контроля за деятельностью участковых уполномоченных полиции также отмечается необходимость проверки выявляемости этих преступлений. В качестве оснований для проведения индивидуальной профилактической работы участковыми уполномоченными полиции в п. «а» ст. 33.3 приказа также акцентируется внимание на этих преступлениях, а также в качестве самостоятельного основания выделяется совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП «Побои». Среди показателей отчетности также явно указываются

перечисленные выше преступления. Выявление преступлений, предусмотренных иными статьями УК, в качестве самостоятельной позиции в отчёте не предусмотрено. Имеется лишь такой показатель, как «переданное в другие органы количество информации доверительного характера, способствовавшей раскрытию преступления».

Выявляемость иных видов преступлений остается за рамками ведомственного контроля. Естественно, что МВД ориентирует участковых уполномоченных, прежде всего, на выявление преступлений против личности, что прямо отражается на состоянии безопасности граждан. Однако игнорирование иных преступлений противоречит сущности деятельности полиции. Поэтому мы предлагаем включить в систему отчётности участковых уполномоченных полиции выявление иных преступлений, помимо указанных в приказе. Для этого необходимо дополнить таблицу «Сведения об обстановке на обслуживаемой территории и результатах служебной деятельности участковых уполномоченных полиции территориального органа МВД России на районном уровне» (приложение № 1 к наставлению по организации деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции) графой «Выявлено иных преступлений».

Помимо этого, на наш взгляд, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 238 УК, следователям необходимо в материалах дела отражать в необходимых случаях (например, в случаях продажи поддельного алкоголя из жилищ граждан или в гаражных кооперативах) роль участкового уполномоченного полиции в предотвращении или выявлении данного преступления.

Прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, должны обращать внимание на установление следователем причин и условий совершаемых по ст. 238 УК преступлений и обращать особое внимание на оценку деятельности участковых уполномоченных полиции в деле выявления таких преступлений. Необходимо принимать меры прокурорского реагирования при обнаружении случаев ненадлежащего выполнения ими своих обязанностей.

Также следует ориентировать следователей, осуществляющих расследование по ст. 238 УК, на выявление каналов поступления некачественного алкоголя или технического спирта, выступающего зачастую сырьем для его изготовления.

Важным моментом является урегулирование ситуации с отчётностью правоохранительных органов, когда увеличение количества зарегистрированных преступлений рассматривается как негативный показатель, интерпретируемый как свидетельство низкого качества работы. В литературе отмечается, что руководство правоохранительных органов стремится к тому, чтобы текущие показатели деятельности совпадали с показателями аналогичного периода прошлого года (АППГ), что негативно отражается на состоянии законности [2].

Считаем, что увеличение числа регистрируемых преступлений, выявляемых инициативно, в отличие от случаев регистрации деяний по факту причинения вреда не должно рассматриваться как негативный показатель. Так, увеличение раскрываемости сбыта поддельного алкоголя по ч. 1 ст. 238 УК следует рассматривать как положительную характеристику работы органов внутренних дел. В то же время увеличение числа преступлений, повлекших причинение вреда жизни и здоровью по ч. 2, 3 ст. 238 УК, — однозначно негативный показатель, свидетельствующий о недоработках в области

выявления соответствующих преступлений.

При выявлении фактов незаконного сбыта спиртных напитков назначается экспертиза, в которой перед экспертом ставятся вопросы о наличии в спиртосодержащей жидкости опасных для жизни и здоровья веществ, является ли жидкость опасной для жизни и здоровья и т.п. При этом сроки проведения экспертизы могут достигать двух недель [3].

В целях повышения оперативности реагирования правоохранительных органов на незаконный сбыт опасных для здоровья спиртосодержащих продуктов мы предлагаем оснащать подразделения портативными газоанализаторами, способными определять наличие нескольких токсичных веществ, в т.ч. и метанола.

Такие газоанализаторы выпускаются отечественной промышленностью, доступны по цене и могут определять наличие целого спектра химических веществ, помимо метанола. Экспресс-проверка доступна и для спиртосодержащих жидкостей, для чего достаточно получить через комплектный шланг пробу воздуха из емкости.

Использование таких устройств не заменит экспертизу, но повысит возможности правоохранительных органов по выявлению опасной для жизни продукции. Например, при выявлении подозрительных емкостей с жидкостью участковому достаточно будет на месте оценить наличие в них метанола и уже с учетом полученного результата принимать дальнейшие решения.

Подобные газоанализаторы могут быть полезны и в случаях быстрой оценки состояния газобаллонного и газового оборудования, неудовлетворительное состояние которого также является распространенной причиной преступлений по ст. 238 УК.

Библиографический список:

1. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 (ред. от 06.02.2024) [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102574788 (дата обращения: 17.02.2026).
2. Бытко, С.Ю., Грачёва, О.А., Матушкин, П.А. Феномен обвинительного уклона как следствие непроцессуального воздействия на правоохранительные органы / С.Ю. Бытко, О.Л. Грачёва, П.А. Матушкин // Правовая культура. – 2022. – № 2. – С. 34–44.
3. Экспертиза алкоголя и спиртосодержащих жидкостей [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudexpa.ru/expertises/ekspertiza-spiRTOSoderzhashchikh-zhidkostei/> (дата обращения: 19.02.2026).

Кулажников Вадим Владимирович,
доцент кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАРУШЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Налогово-бюджетная сфера традиционно относится к числу наиболее уязвимых для злоупотреблений и профессиональных ошибок, что обуславливает необходимость постоянного и эффективного надзора со стороны государства. В системе данных отношений прокуратура занимает особое место, поскольку она не подменяет иные контрольно-надзорные органы, но обеспечивает единство законности в их деятельности, а также непосредственно выявляет и пресекает нарушения норм Налогового кодекса Российской Федерации и иных актов налогового законодательства.

Правовую основу участия прокуратуры в предупреждении и пресечении налоговых правонарушений составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации», а также приказы и указания Генерального прокурора Российской Федерации, регламентирующие организацию надзора за исполнением законов в экономической сфере. Нормы этих актов закрепляют за прокуратурой полномочия по проведению проверок, истребованию документов, вынесению представлений и протестов, объявлению предостережений о недопустимости нарушения закона, а также по участию в рассмотрении дел судами [1].

Предупредительная деятельность прокуратуры в сфере налогов и сборов включает в себя как перманентный мониторинг состояния законности, так и целенаправленные мероприятия, направленные на устранение причин и условий, способствующих возникновению нарушений. К числу наиболее распространенных форм предупреждения относится предостережение о недопустимости нарушения закона. Данная мера применяется при наличии сведений о готовящемся противоправном деянии и не требует установления факта реального ущерба бюджетной системе. В таких ситуациях предостережение выносится в адрес лиц, чьи действия создают риск наступления налоговых последствий, а копия такого акта направляется в территориальный налоговый орган для принятия оперативных мер.

Особое значение имеет профилактическая работа прокуратуры в отношении должностных лиц органов местного самоуправления и государственной власти, которые принимают решения, затрагивающие налоговые льготы, инвестиционный налоговый кредит или порядок исчисления региональных и местных налогов. Прокурорские проверки нормативных правовых актов в данной сфере часто выявляют противоречия федеральному законодательству, выражающиеся в незаконном расширении перечня льготных категорий налогоплательщиков или в

установлении порядка уплаты налогов, не предусмотренного Налоговым кодексом Российской Федерации. При обнаружении таких противоречий прокурор приносит протест на нормативный акт [2].

Важнейшим направлением предупредительной работы является взаимодействие прокуратуры с налоговыми органами. При выявлении фактов незаконного привлечения к ответственности либо необоснованного доначисления налогов прокурор выносит представление об устранении нарушений закона, которое подлежит безотлагательному рассмотрению руководителем налогового органа. Данная форма реагирования позволяет не только восстановить нарушенные права конкретного налогоплательщика, но и сформировать единообразную правоприменительную практику в регионе.

Что касается привлечения к ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах, то здесь компетенция прокуратуры проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, прокурор в пределах своих полномочий возбуждает дела об административных правонарушениях, проводит административное расследование либо направляет материалы в налоговые органы для принятия решения. При этом прокурорский надзор за деятельностью налоговых органов, уполномоченных составлять протоколы по статьям 15.3, 15.4 и другим статьям КоАП РФ, обеспечивает полноту и объективность привлечения виновных лиц к ответственности [3].

Во-вторых, и это наиболее значимо, прокуратура осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования по уголовным делам о налоговых преступлениях. В соответствии со статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прокурор наделен полномочиями по проверке законности возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела по фактам уклонения от уплаты налогов (статьи 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации). Прокурор вправе отменить незаконное постановление следователя или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, если в ходе проверки материалов налогового органа были установлены признаки состава преступления, но орган расследования по формальным основаниям отказал в возбуждении дела.

Прокурор участвует в судебном рассмотрении дел о налоговых правонарушениях и преступлениях. При рассмотрении исков налоговых органов о взыскании недоимки прокурор дает заключение о законности доказательств и оспаривает судебные акты при нарушении норм права. В уголовном процессе прокурор поддерживает государственное обвинение, доказывая умысел на уклонение от уплаты налогов, крупный размер недоимки и отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Проблемным аспектом остается разграничение компетенции прокуратуры со Следственным комитетом, органами внутренних дел и Федеральной налоговой службой. Часть 2 статьи 36 Налогового кодекса обязывает налоговые органы направлять материалы в следствие при выявлении признаков налогового преступления, однако на практике эти материалы не всегда получают надлежащую оценку. Прокурор выступает координатором правоохранительной деятельности: созывает совещания, дает письменные указания о порядке

расследования и ставит вопрос о дисциплинарной ответственности руководителей следственных органов за укрытие преступлений от учета [4].

Прокуратура также привлекает к ответственности должностных лиц налоговых органов. Прокуратура защищает публичные интересы и освобождает контрольные органы от недобросовестных служащих, что необходимо для эффективной профилактики. Эффективность мер прокурорского реагирования зависит от своевременности выявления нарушений, поэтому развиваются аналитические методы работы. Прокуратура истребует из налоговых органов сведения о налогоплательщиках, представляющих декларации с минимальными налогами при значительных оборотах, а также применяющих схемы дробления бизнеса. На основе этих данных организуются совместные проверки с участием ревизоров и сотрудников экономической безопасности, по результатам которых принимаются меры реагирования, включая направление материалов в следственные органы [5].

Таким образом, деятельность прокуратуры по предупреждению и привлечению к ответственности за нарушения налогового законодательства носит системный характер. Она включает профилактические меры (предостережения, протесты, представления), административно-юрисдикционные полномочия, уголовно-процессуальные функции и координацию работы всех правоохранительных и контролирующих органов. Без прокурорского надзора возрастает риск как необоснованного привлечения налогоплательщиков к ответственности, так и попустительства налоговым преступлениям, подрывающим экономическую безопасность государства. Дальнейшее совершенствование правового регулирования прокурорской деятельности в налоговой сфере и повышение профессионализма прокурорских работников – приоритетная задача правовой политики Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства : сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и студентов / [под. науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова]. – Краснодар: [б. и.]. – Вып. 3. – 2013. – 302 с.
2. Коряченцова, С.И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов налоговыми органами при осуществлении налогового контроля / С.И. Коряченцова // КриминалистЪ. – 2017. – № 1 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-nalogovymi-organami-pri-osuschestvlenii-nalogovogo-kontrolya> (дата обращения: 14.05.2026).
3. Карабут, К.Е. Прокуратура РФ как орган надзора в области налогов и сборов / К.Е. Карабут // Молодой ученый. – 2021. – № 41 (383). – С. 232–236.
4. Раскина, Т.В. Профилактика прокурорами правонарушений / Т.В. Раскина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 9 (75).
5. Раскина, Т.В. Теоретические аспекты аналитической деятельности прокуроров по профилактике преступности и правонарушаемости / Т.В. Раскина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 170–178.

Кунц Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела
разработки методологий исполнения
наказаний, связанных с лишением свободы,
и изучения пенитенциарной преступности
центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно-
исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН,
доктор юридических наук, профессор

ДЕФЕКТЫ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ГЕНЕЗИСЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Существенная роль при изучении причин преступного поведения несовершеннолетнего отводится ценностно-нормативной сфере личности правонарушителя. Дефекты вышеуказанной сферы определяют возможность противоправного поведения, а сам правонарушитель характеризуется как с искаженным нравственным сознанием. Вместе с тем имеются и дефекты правосознания, которые также оказывают второстепенное влияние на причины противоправного поведения.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, представляют собой значимую угрозу общественному порядку и безопасности, оказывая деструктивное воздействие на социальную стабильность. Совокупность этих преступлений может выступать в качестве фактора, способствующего формированию устойчивого криминального контингента в долгосрочной перспективе. Данный риск приобретает особую актуальность в контексте активной социализации подростков, в ходе которой происходит формирование девиантных моделей поведения, закрепляющих антисоциальные установки и способствующих устойчивому вовлечению в преступную деятельность.

Вовлечение подростков в криминальные сообщества сегодня зависит и от общеполитической ситуации в стране и в мире, что, несомненно, оказывает влияние на состояние преступности несовершеннолетних и на статистические показатели. Проблема исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных требует учета происходящих изменений в обществе. Продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей среди несовершеннолетних правонарушителей в современной России включает систему мероприятий, к которым следует отнести законодательные меры, образовательные программы, воспитательную работу и общественные инициативы.

Распоряжением Правительства РФ от 28.05.2026 № 1272-р утверждена Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года [1]. Особое внимание в концепции уделяется борьбе с разными «антиобщественными действиями», в том числе запугиванием, травлей детей со стороны одноклассников, распространением «лживой, порочащей ребенка» информации в социальных сетях.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними лицами, классифицируют по трём возрастным категориям. К первой категории относятся

лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, формально относящиеся к категории малолетних или «детской» преступности.

Ко второй категории относятся несовершеннолетние преступники, достигшие четырнадцати лет, но не достигшие шестнадцатилетнего возраста. Эта категория часто обозначается как «подростковая преступность». Юридическая ответственность данной группы наступает с момента достижения ими возраста уголовной ответственности, что предполагает определенные особенности в правоприменительной практике.

Третья возрастная категория охватывает несовершеннолетних преступников, возраст которых составляет от семнадцати до восемнадцати лет. Эта группа также подлежит уголовной ответственности, однако, учитывая их возраст, могут применяться определенные смягчающие обстоятельства, предусмотренные законодательством [2, с. 82].

В научной литературе можно встретить различные классификации несовершеннолетних правонарушителей, которые базируются на различных критериях. Один из таких подходов основывается на анализе мотивационной структуры преступного поведения.

Воспитание несовершеннолетнего в неполной семье без должного внимания со стороны отца, а также в условиях конфликта с отчимом создает благоприятный фон для эмоциональной нестабильности несовершеннолетнего.

Формирование дефектов нравственного сознания в генезисе преступного поведения несовершеннолетних обусловлено комплексом факторов, которые можно классифицировать на общие и специальные. Общие факторы представляют собой социально-экономические и культурные детерминанты, характерные для развития преступности как социального феномена в целом. Специальные факторы, в свою очередь, специфичны для формирования преступного поведения именно среди несовершеннолетних и включают в себя психологические, семейные и образовательные аспекты.

Несовершеннолетним осужденным слабо прививаются навыки и привычки нравственного и культурного поведения, нравственное воспитание носит большей частью словесный и формальный характер, беседы, нравоучения, ориентированные главным образом на сферу сознания, а не чувств [3, с. 59].

В результате проведенного исследования выявлен комплекс характеристик, присущих несовершеннолетним правонарушителям, что имеет ключевое значение для разработки эффективных стратегий ранней профилактики дефектов нравственного сознания в генезисе преступного поведения несовершеннолетних.

Необходима нейтрализация психолого-педагогической запущенности, проявляющаяся в отсутствии систематического образовательного процесса и недостаточной сформированности когнитивных и эмоциональных навыков. Отсутствие устойчивых положительных интересов указывает на узость мотивационной сферы и ограниченность социально значимых ориентиров. Изворотливость как проявление девиантного поведения, неспособности к конструктивному взаимодействию в социальных контекстах порождает сложности в привитии социально полезных навыков.

Библиографический список:

1. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 28.05.2026 № 1272-р // СПС «КонсультантПлюс».
2. Вагенлейтнер, О.Ю. Преступность среди несовершеннолетних / О.Ю. Вагенлейтнер // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 82–87.
3. Голубовский, В.Ю. Несовершеннолетний возраст: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты / В.Ю. Голубовский // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 5–6 декабря 2024 года. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2025. – С. 57–60.

Курышов Игорь Святославович,
заведующий кафедрой прокурорского
надзора за исполнением федерального
законодательства и участия
в административном судопроизводстве
и арбитражном процессе
Дальневосточного юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате внезапного, крупномасштабного события природного или техногенного характера, повлекшего тяжелые, трагические последствия, в том числе человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

По сведениям Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий (далее – МЧС России), в 2024 году на территории страны имели место 272 случая, квалифицированных как чрезвычайные ситуации, в которых погибли 494 человека, пострадали 696 464 человека, при этом причинен материальный ущерб на сумму 70 641 275,249 тысяч рублей [4].

Причинами катастроф не всегда являются «возмущения» природы. По сведениям МЧС России, в 2024 году природных чрезвычайных ситуаций было лишь 37% от общего числа. В то же время 67% чрезвычайных ситуаций

в 2024 году произошло по техногенным причинам, то есть в связи с результатами человеческой деятельности, например, при авариях, катастрофах или опасных технических происшествиях.

Не проводя глубокого анализа, можно утверждать, что защита населения и территорий страны от чрезвычайных ситуаций – это важная государственная задача.

Закрепление такой позиции находит место в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия). В этом же документе защита населения и территорий страны от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера определена как одна из целей при обеспечении государственной и общественной безопасности [6].

Положения Стратегии реализуются в том числе в рамках Федерального закона от 21.12.1994 № 68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Федеральный закон № 68).

Ссылаясь на нормы вышеуказанного закона, можно констатировать, что в Российской Федерации сформирована единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, функционирующая на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях. Деятельность в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций обеспечена правовым регулированием и основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права [8].

Обращает внимание тот факт, что определение понятия «защита населения» в Стратегии и Федеральном законе № 68 не содержится. В то же время теоретически защита населения в чрезвычайных ситуациях – это комплекс мер, связанных временем, материальными и людскими ресурсами, местом проведения мероприятия и направленных на предотвращение и (или) снижение человеческих потерь, угроз жизни и здоровью от разрушительного воздействия в чрезвычайных ситуациях [3].

Основываясь на позициях, установленных Федеральным законом № 68, представляется, что защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в стране обеспечивается Правительством Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Полномочия и статус органов прокуратуры в указанном законе не определены.

На наш взгляд, такое положение является оптимальным и целесообразным, поскольку прокуратура Российской Федерации представляет собой государственный орган, имеющий одну из основных целей – осуществление надзора за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами государственной власти федеральных территорий и органами местного самоуправления [7]. Статус прокуратуры как надзорного органа позволяет ей в полной мере осуществлять надзор за соблюдением законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 апреля 2024 года № 321 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных

ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Приказ № 321) определил, что одним из приоритетных направлений надзорной деятельности следует считать обеспечение законности в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, ликвидации их последствий [5].

Указанный приказ Генерального прокурора Российской Федерации фактически служит связующим звеном между обеспечением непосредственной защиты населения и качественной реализацией норм законодательства в исследуемой сфере, так как устанавливает равенство целей и задач надзорной деятельности и законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

В таком контексте одним из аспектов надзора является предупреждение чрезвычайных ситуаций. Работа прокуроров в этом направлении начинается с систематического анализа состояния всех потенциально опасных объектов, которые могут создать угрозу возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на поднадзорной территории. Так, в ожидании пожароопасного сезона и весеннего половодья требуется проводить проверки исполнения природоохранного законодательства в части выполнения мероприятий по охране и защите лесов, других природных объектов, а также безопасности гидротехнических сооружений. На постоянной основе осуществлять проверку функционирования небезопасных промышленных объектов. До наступления периода весеннего половодья и снеготаяния следует сосредоточить внимание на оценке эффективности принимаемых уполномоченными органами мер по предотвращению наводнений, обеспечению инженерной защиты территорий и объектов, решительно реагируя на бездействие должностных лиц, ответственных за готовность региона к прохождению паводка, игнорирование особенностей правового режима использования земельных участков в зонах затопления и подтопления.

Другое направление связано с действиями прокуроров в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Им предписано уделить внимание оказанию помощи пострадавшим лицам уполномоченными органами и организациями, а также обеспечению бесперебойной работы коммунальных служб и объектов социального обеспечения. Для взаимодействия с пострадавшими лицами предлагается использовать мобильные и временные приемные, что существенно снижает общественное напряжение. Одновременно прокурорам определена руководящая роль по координации деятельности контролирующих и правоохранительных органов по фиксации следов правонарушения и пресечению противоправной деятельности, а также при оперативной организации отбора контролируемыми органами проб в целях проверки соблюдения требований безопасности. В качестве примера можно рассмотреть действия работников прокуратуры в связи с чрезвычайной ситуацией в Республике Дагестан в апреле 2026 года. Так, по поручению Генерального прокурора Российской Федерации А.В. Гуцана его заместитель С.А. Бажутов, прибывший в названный регион, на встрече с работниками прокуратуры республики обсудил вопросы, связанные с принимаемыми мерами по ликвидации последствий наводнения, оснащением пунктов временного размещения граждан, проверкой наличия необходимых

медикаментов и продуктов питания, оказанием помощи эвакуированным жителям и восстановлением утраченных ими документов, и другие вопросы. Изучив ситуацию, он поручил:

- принять меры, направленные на приведение в соответствие с федеральным законодательством региональных нормативных актов, касающихся выплат пострадавшим от чрезвычайной ситуации, обеспечив единообразный подход к их применению;
- создать временные мобильные пункты приема граждан в прокуратуре республики;
- провести разъяснительную работу с общественностью по вопросам льгот и компенсаций;
- обеспечить эффективное надзорное сопровождение за целевым использованием бюджетных средств, выделяемых на ликвидацию последствий стихийных бедствий, а также поступающей материальной и гуманитарной помощи [1].

Как мы видим, действия прокуроров в чрезвычайной ситуации безусловно соответствуют положениям Приказа № 321.

На этапе ликвидации последствий стихийного бедствия важное значение имеет работа прокуроров по осуществлению надзора за соблюдением прав и законных интересов граждан, пострадавших в результате чрезвычайной ситуации. Им надлежит добиваться полного восстановления прав пострадавших, утраченной коммунальной и социальной инфраструктуры. В каждом случае использовать все возможные меры прокурорского реагирования. При наличии оснований необходимо в судебном порядке требовать возмещения причиненного вреда окружающей среде, восстановления прав пострадавших и устранения иных нарушений закона. Например, прокуратурой Оренбургской области сформирована положительная практика исковой работы в сфере защиты жилищных прав лиц, пострадавших от наводнения. Областной суд поддержал позицию прокуратуры в деле о компенсационных выплатах пострадавшим от стихийного бедствия. Суд первой инстанции установил, что в результате паводка имуществу оренбуржцев был причинен значительный ущерб. Однако в выплатах им было отказано. Признав такие действия социального учреждения незаконными, суд обязал выплатить пострадавшим компенсации, удовлетворив тем самым требования прокурора [2].

Рассмотрев теоретические и практические аспекты обеспечения верховенства закона в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, мы считаем, что деятельность прокуратуры Российской Федерации в таких условиях в полной мере демонстрирует ее позицию как государственного органа, обеспечивающего соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в сложных условиях чрезвычайной ситуации и демонстрирует личный вклад прокуроров, которые берут на себя ответственность за обеспечение верховенства закона и оказание помощи в районах бедствия.

Библиографический список:

1. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации С.А. Бажутов прибыл в Республику Дагестан для контроля за соблюдением прав жителей,

попавших в зону подтопления. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_05/mass-media/news/main/e8458896/ (дата обращения: 22.04.2026).

2. Заместитель прокурора Оренбуржья защитил в суде права пострадавших от паводка жителей. – URL: <https://prooren.ru/news/obschestvo/zamprokurora-orenburzhya-zaschitil-v-sude-prava-postradavshikh-ot-pavodka-zhiteley> (дата обращения: 22.04.2026).

3. Защита населения в чрезвычайных ситуациях. – URL: [https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/412#:~:text=\(дата обращения: 22.04.2026\).](https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/412#:~:text=(дата%20обращения%3A%2022.04.2026).)

4. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году / Государственный доклад. – URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-0324/d024103b1a3e96c702fb4874599272fd.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.04.2024 № 321 // СПС «КонсультантПлюс».

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

7. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I // СПС «КонсультантПлюс».

8. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Кустов Михаил Николаевич,
старший преподаватель кафедры
прокурорского надзора и участия
прокурора в рассмотрении уголовных,
гражданских и арбитражных дел
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ДОПУСКАЕМЫЕ АДМИНИСТРАЦИЯМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ

Труд осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, выступает одним из ключевых средств исправления (ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) и одновременно важнейшим механизмом возмещения ущерба, причиненного преступлениями. Правовую основу трудовой деятельности осужденных образуют УИК РФ и Трудовой кодекс РФ, а также подзаконные акты Минюста России. Прокурорский надзор в данной сфере регламентируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации

от 24.10.2024 № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний».

Несмотря на достаточно развернутую нормативную базу, правоприменительная практика фиксирует широкий спектр системных нарушений, допускаемых администрациями исправительных учреждений. По данным прокурорского реагирования, в 2025 г. прокурорами зафиксировано 12 120 таких нарушений. Принятые надзорные меры способствовали увеличению доли привлеченных к труду осужденных к лишению свободы с 86,6% в 2023 г. до 91,4% в 2025 г. [1, с. 93]

Анализ этих нарушений позволяет выделить несколько наиболее проблемных блоков.

1. Администрация пенитенциарных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности, а также исходя из наличия рабочих мест (ч. 1 ст. 103 УИК РФ). Между тем в практике сохраняется критически низкая доля трудоустроенных лиц. При этом дефицит рабочих мест далеко не всегда обусловлен объективным отсутствием производственной базы – чаще он является следствием неудовлетворительной организации производства. При этом обязанность администрации исправительного учреждения по привлечению осужденных к труду неразрывно связана с надлежащей организацией производственной деятельности, и отсутствие реальных усилий в этом направлении должно рассматриваться как бездействие, ущемляющее права осужденных [2, с. 85]. В научной литературе также подчеркивается, что необеспечение трудоспособных осужденных рабочими местами препятствует достижению целей исправления и создает предпосылки для роста социальной напряженности в учреждениях.

Отдельного внимания прокуроров заслуживает Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2025 г. № 58-КАД25-6-К9, анализ которого позволяет выявить значимые для науки и практики прокурорского надзора правовые подходы высшей судебной инстанции. В частности, данным Определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменены судебные акты нижестоящих инстанций, удовлетворившие требования прокурора о признании незаконным бездействия администрации исправительного учреждения и органов ФСИН России, выразившегося в необеспечении рабочими местами всех трудоспособных осужденных.

Суть спора заключалась в том, что Комсомольский-на-Амуре прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, установив в ходе проверки наличие лишь 199 рабочих мест при 620 осужденных, подлежащих привлечению к труду, обратился в суд с административным иском о признании бездействия незаконным и возложении обязанности создать необходимое количество рабочих мест. Суды трех инстанций требования прокурора удовлетворили, исходя из того, что общественно полезный труд является средством исправления осужденных, а отсутствие рабочих мест препятствует возмещению ущерба потерпевшим и государству. Верховный Суд

РФ признал данные выводы основанными на неправильном применении норм материального права. Судебная коллегия сформулировала принципиальную позицию: действующее законодательство не предусматривает безусловной обязанности исправительных учреждений создавать рабочие места по количеству всех трудоспособных осужденных. Суд отметил, что в настоящее время отсутствует норма, обязывающая предоставить рабочее место каждому трудоспособному осужденному, а часть 3 статьи 99 УИК РФ, напротив, устанавливает гарантии предоставления питания и предметов первой необходимости за счет государства тем осужденным, которые не работают по не зависящим от них причинам. Также суд указал, что количество осужденных не является величиной постоянной, что исключает возможность статичного выполнения подобного требования.

Таким образом, рассматриваемое Определение Верховного Суда РФ указывает на недопустимость формального подхода, при котором наличие разницы между количеством трудоспособных осужденных и числом рабочих мест автоматически квалифицируется как незаконное бездействие.

2. Часть 2 ст. 105 УИК РФ гарантирует, что размер оплаты труда осужденных, отработавших полную норму рабочего времени и выполнивших норму труда, не может быть ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ). Однако проверки выявляют случаи, когда локальные нормативные акты ИУ своевременно не приводятся в соответствие с изменяющимся федеральным МРОТ. Кроме того, в ряде случаев, вопреки требованию ст. 136 ТК РФ о выплате заработной платы не реже чем каждые полмесяца, заработная плата осужденным выплачивалась один раз в месяц без авансирования [3, с. 660].

3. Условия труда осужденных устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде (ч. 1 ст. 104 УИК РФ), что предполагает обязанность администрации ИУ соблюдать весь комплекс норм по охране труда, предусмотренных ТК РФ. Прокурорские проверки повсеместно выявляют отсутствие специальной оценки условий труда (ст. 212 ТК РФ) [4, с. 226].

4. Приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 утвержден исчерпывающий перечень работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных. Тем не менее администрации ИУ периодически игнорируют данный запрет.

5. Системный характер перечисленных нарушений обусловлен комплексом взаимосвязанных причин. Слабый ведомственный контроль со стороны территориальных органов ФСИН России за деятельностью администраций подведомственных учреждений приводит к тому, что внутренние проверки нередко носят формальный характер и не сопровождаются действенными мерами реагирования. Прокурорский надзор, организуемый на основании приказа Генерального прокурора РФ от 24 октября 2024 г. № 800, остается основным внешним гарантом законности в рассматриваемой сфере. Повышение эффективности надзора возможно лишь при условии более тесного взаимодействия прокуроров с территориальными инспекциями труда, подразделениями Роспотребнадзора и ФССП, а также при расширении практики использования судебных механизмов понуждения администраций ИУ к устранению нарушений [5, с. 402].

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет констатировать наличие системных нарушений требований законодательства, допускаемых администрациями исправительных учреждений при организации привлечения осужденных к труду. Устранение указанных проблем предполагает не только повышение эффективности прокурорского надзора и внутриведомственного контроля, но и дальнейшее развитие правового регулирования, включая более чёткое закрепление обязанностей исправительных учреждений по обеспечению осужденных рабочими местами. Наряду с этим представляется необходимым усиление мер ответственности должностных лиц за нарушение трудовых прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Библиографический список:

1. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2025 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. И.М. Мацкевича. – М. : Ун-т. прокуратуры Рос. Федерации, 2026. – 160 с.
2. Кустов, М.Н. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при привлечении к труду осужденных в пенитенциарных учреждениях / М.Н. Кустов // Криминалисть. – 2016. – № 2 (19). – С. 81–85.
3. Кустов, М.Н. Актуальные проблемы нарушения требований законов, регулирующих труд осужденных / М.Н. Кустов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25, № 4. – С. 657–661.
4. Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Деятельность прокурора по обеспечению безопасности в Российской Федерации: проблемы теории и практики / О.Н. Коршунова, Н.А. Васильчикова, И.Б. Ломакина [и др.]. – Москва : ООО «Директ-Медиа», 2025. – 320 с.
5. Кустов, М.Н. К вопросу о взаимодействии органов прокуратуры и иных субъектов публично-правового механизма обеспечения соблюдения прав и обязанностей осужденных при привлечении к труду / М.Н. Кустов // Современный ученый. – 2024. – № 8. – С. 398–403.

Лаврентьев Георгий Георгиевич,
помощник прокурора Гулькевичского района
Краснодарского края

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЧАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В условиях все более развивающейся концепции рыночной экономики в нашей стране, появления новых секторов хозяйствующей деятельности в сфере использования природных ресурсов и богатств государства имеется актуальная потребность в законотворческих и правоприменительных практиках в сфере антимонопольного законодательства при природопользовании.

Разделяю мнение А.Ю. Кинева, полагающего, что с точки зрения государственной деятельности механизм защиты конкуренции, суть которого состоит в определенном взаимосвязанном действии его отдельных элементов, которыми являются правовые средства, формировался за счет принимаемых государством организационно-правовых мер [2].

Основным федеральным законом, регулирующим правоотношения в сфере антимонопольного законодательства, является Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ).

Закон № 135-ФЗ определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения: монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными, осуществляющими функции указанных органов, органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации.

В соответствии со ст. 4 Закона № 135-ФЗ конкуренция – соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке [6].

Ограничение конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными, осуществляющими функции указанных органов, органами или организациями, организациями, участвующими в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации проявляется двумя методами: принятием актов и (или) осуществлением действий (бездействия).

Практический вопрос о содержании дискриминационных условий представляет актуальный интерес в части применения мер прокурорского реагирования на выявленные факты нарушения антимонопольного законодательства в экологической сфере.

В научной среде имеется мнение, что понятие дискриминационных условий соотносится с запретом на злоупотребление доминирующим положением и деятельностью хозяйствующего субъекта, обладающего значительной рыночной властью, одновременно применяется к участникам экономической деятельности, которые такой властью могут не обладать. Один и тот же термин используется для двух разных категорий хозяйствующих субъектов [1].

Исходя из положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности», в целях активизации и повышения эффективности прокурорского надзора на данном направлении при организации прокурорского надзора

акцентировать усилия на вопросах исполнения законодательства о защите конкуренции со стороны государственных и муниципальных органов.

При поступлении в органы прокуратур обращений социально уязвимых категорий граждан, субъектов предпринимательской деятельности, участников СВО и членов их семей имеются основания для принятия мер прокурорского реагирования в случае выявления нарушений антимонопольного законодательства, в том числе выносить постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.30.5, 14.9, 14.24, 14.31, 14.32, 14.33 КоАП РФ, с учетом положений ст. 28.4 КоАП РФ [3].

В настоящее время в действующем законодательстве имеется большое количество требований к хозяйствующим субъектам в целях природоохраны.

Так, например, Правилами согласования Федеральным агентством по рыболовству строительства и реконструкции объектов капитального строительства, внедрения новых технологических процессов и осуществления иной деятельности, оказывающей воздействие на водные биологические ресурсы и среду их обитания, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 30.05.2025 № 799, установлено, что территориальные органы Федерального агентства по рыболовству осуществляют согласование внедрения новых технологических процессов и осуществления иной деятельности – в случае внедрения указанных процессов и осуществления иной деятельности на территории одного субъекта Российской Федерации.

В соответствии с п. 4 Положения о мерах по сохранению водных биологических ресурсов и среды их обитания, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29.04.2013 № 380, при архитектурно-строительном проектировании, а также планировании внедрения новых технологических процессов и осуществления иной деятельности, которая может оказать прямое или косвенное воздействие на биоресурсы и среду их обитания, юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, обеспечивают предусмотренную оценку воздействия планируемой деятельности на биоресурсы и среду их обитания.

Зачастую предприниматели самостоятельно составить заявку и приложения к ней не могут в связи с отсутствием специальных знаний в данной области правоотношений, хозяйствующие субъекты заключают договора о выполнении данных работ с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Исполнителями данных договоров выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, у которых работают лица, в прошлом являющиеся служащими территориальных органов Федерального агентства по рыболовству. В данных случаях имеется риск создания картельного сговора на территории субъекта Российской Федерации.

Аналогичные случаи участия в предпринимательской деятельности бывших государственных служащих могут проявляться и в иных сферах услуг по составлению разрешительной документации в органы власти.

Механизм вынесения постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 19.29 КоАП РФ за незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию

услуг государственного или муниципального служащего, либо бывшего государственного или муниципального служащего относится в некоторой части к мерам реагирования на нарушения антимонопольного законодательства в экологической сфере. В данном направлении вызывает практический интерес постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции [4].

В целях увеличения конкурентности данного кластера экономики и оказания услуг возможны новеллы законодательства в части квотирования хозяйствующих субъектов в данном направлении.

В сфере надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания возможно применение следующих актов прокурорского реагирования: постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, требования об устранении нарушений действующего законодательства, представления об устранении нарушений закона.

В случае выявления нарушений в части заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления без проведения конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров с предпринимателями, осуществляющими свою деятельность в экологической сфере, органы прокуратуры направляют иски о заявлении в суд, вносят представления об устранении нарушений закона, выносят постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренного ст. 7.30.5 КоАП РФ.

При нарушении законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг необходимо добиваться привлечения виновных лиц к административной ответственности по ст. 5.63 КоАП РФ.

Нарушения антимонопольного законодательства могут выражаться посредством несоблюдения требований Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В данном направлении имеется практика суда Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда [5].

В заключение исследуемой темы следует отметить, что проблематика соблюдения антимонопольного законодательства в экологической сфере является актуальной, при выявлении прокурором фактов нарушений антимонопольного законодательства в экологической сфере прокурор полномочен реализовывать весь спектр мер прокурорского реагирования.

Библиографический список:

1. Башлаков-Николаев, И.В., Максимов, С.В., Стуканов, Д.В. Антимонопольный запрет на создание дискриминационных условий: проблемы толкования и правоприменительной практики / И.В. Башлаков-Николаев, С.В. Максимов, Д.В. Стуканов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 12. – С. 95–103.
2. Кинев, А.Ю. Административно-правовой аспект конкурентной политики / А.Ю. Кинев // Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью. – 2012. – С. 153.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

4. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2025 № 16-457/2025.

5. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2021 по делу № А61-3703/2020.

6. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ.

Лапко Георгий Константинович,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат медицинских наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРАКТА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБОРОННОМУ ЗАКАЗУ ЛИБО УСЛОВИЙ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО В ЦЕЛЯХ ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

В настоящее время проблема привлечения к ответственности за преступления в сфере государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) приобрела особую значимость. В литературе представлены отдельные исследования, посвященные изучению уголовно-правовых и криминологических характеристик преступлений в сфере ГОЗ. Вместе с тем, по нашему мнению, не до конца изученным остаются вопросы, связанные с особенностями объективной стороны деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 201.2 и ст. 285.5 УК РФ, чему и посвящена настоящая работа.

Доктринальное определение ГОЗ содержится в ст. 3 ФЗ от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», в соответствии с которым ГОЗ является «...установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» [1]. Исходя из представленного определения, государственный оборонный заказ представляет собой сложное межотраслевое экономико-правовое явление. По мнению Р.Э. Мурадова, с правовых позиций ГОЗ представляет собой «систему правоотношений между субъектами по подготовке и осуществлению особого государственного плана по организации материально-технического обеспечения обороны страны, имеющую форму государственного задания и возникающую посредством издания Правительством Российской Федерации соответствующего нормативно-правового акта» [2, с. 14].

Преступления в сфере ГОЗ – комплексное понятие, включающее как преступления, которые могут совершаться при формировании, размещении и выполнении ГОЗ, например при строительстве фортификационных сооружений в Курской области [3], так и специальные составы. В частности: злоупотребление полномочиями при выполнении гособоронзаказа (ст. 201.1 УК РФ), нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа (ст. 201.2 УК РФ), отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа (ст. 201.3 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ), нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа (ст. 285.5 УК РФ), отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа (ст. 285.6 УК РФ).

В рамках исследуемой темы интерес представляют особенности объективной стороны преступлений со специальным составом: ст. 201.2 и ст. 285.5 УК РФ, которая заключается в «нарушении условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа». Исходя из законодательной формулировки, ответственность предусматривается за совершение следующих деяний: нарушение условий государственного контракта по гособоронзаказу; нарушение условий иного договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа.

Содержание терминов «государственный контракт по ГОЗ» и «договор, заключенный в целях выполнения ГОЗ» раскрывается в ст. 3 ФЗ от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», в соответствии с которой это – «договор, заключенный государственным заказчиком от имени Российской Федерации с головным исполнителем на поставки продукции по государственному оборонному заказу и предусматривающий обязательства сторон, их ответственность». Договор, заключенный в целях выполнения ГОЗ (в ФЗ о ГОЗ – «контракт»), – это «договор, заключенный в письменной форме головным исполнителем с исполнителем или между исполнителями на поставки продукции, необходимой головному исполнителю, исполнителю для выполнения государственного оборонного заказа, и предусматривающий в том числе обязательства сторон и их ответственность».

При формулировании диспозиции ч. 1 ст. 201.2 УК РФ законодатель ссылается на ч. 6 и ч. 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ, а при формулировании диспозиции ч. 1 ст. 285.5 УК РФ – на ч. 5, ч. 6 и ч. 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ. Нарушения условий государственного контракта по гособоронзаказу или иного договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа:

– в ч. 5 ст. 7.30.3 КоАП РФ описываются как «нарушение ... условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, либо нарушение ... предусмотренных государственным контрактом по государственному оборонному заказу или контрактом порядка и (или) сроков осуществления контроля качества или приемки военной продукции»;

– в ч. 6 ст. 7.30.3 КоАП РФ – как «нарушение должностным лицом головного исполнителя поставок продукции по государственному оборонному заказу условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, либо нарушение должностным лицом исполнителя, участвующего в поставках продукции по государственному оборонному заказу, условий контракта, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг»;

– в ч. 7 ст. 7.30.3 КоАП РФ – как «нарушение должностным лицом головного исполнителя срока и (или) порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по государственному оборонному заказу, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования».

Исходя из приведенных законодательных формулировок, можно сделать вывод, что нарушение условий государственного контракта, как и нарушение условий иного договора, представляют собой использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (либо должностным лицом), своих управленческих полномочий вопреки законным интересам этой организации (или вопреки интересам службы) при выполнении ГОЗ.

Представляется, что перечисленные способы нарушений госконтракта по ГОЗ или условий иного договора имеют ориентирующий характер. Нарушение условий госконтракта по ГОЗ или иного договора может быть и другим (например, отказ от дальнейших поставок продукции, выполнения работ, оказания услуг), в том числе выразившимся в превышении служебных полномочий.

Вместе с тем противоположной точки зрения придерживается В.А. Коновалов, считающий, что «...несмотря на то, что законодателем не конкретизированы условия контракта или договора в рамках оборонного заказа, нарушение которых влечет уголовную ответственность... таковая может наступить лишь за нарушение условий, которые аналогичны тем, что ранее были предметом рассмотрения по делу об административном правонарушении (за совершение которого лицо понесло административное наказание) [4].

При квалификации деяний, содержащих признаки преступлений, предусмотренных ст. 201.2 и 285.5 УК РФ, также следует учитывать такой признак объективной стороны, как время. Они могут быть совершены только после заключения государственного контракта по ГОЗ и в период его исполнения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что используемые

в формулировках диспозиции ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ отсылочные нормы при отсутствии конкретного описания уголовно наказуемого деяния создают неопределенность в вопросе того, какие именно нарушения условий госконтракта или условий иного договора по ГОЗ являются основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Библиографический список:

1. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа – URL: <http://www.consultant.ru>
2. Мурадов, Р.Э. Основы правового регулирования государственного оборонного заказа / Р.Э. Мурадов // Отечественная юриспруденция. – 2023. – № 1 (50). – С. 13–15.
3. Дело о хищении при строительстве укреплений в Курской области передали в суд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.vesti.ru/article/4684505>
4. Коновалов, В.А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа / В.А. Коновалов // Законность. – 2023. № - [Электронный ресурс]. – СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа – URL: <http://www.consultant.ru>

Латынин Артем Олегович,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ДЕЛЕГИРОВАНИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ АЛГОРИТМАМ

Традиционное гражданское право строится на концепции воли (внутреннего намерения) и волеизъявления (внешнего выражения этого намерения) [1]. Классическая сделка предполагает совпадение этих элементов. Появление алгоритмов, способных автономно совершать юридически значимые действия (заключать сделки на бирже, акцептовать оферты, списывать средства), создает разрыв: воля принадлежит человеку, а волеизъявление формирует машина. Вследствие этого возникает резонный вопрос: «Является ли действие алгоритма на современном этапе развития информационных технологий в Российской Федерации самостоятельным юридическим фактом или это лишь технический способ трансляции воли человека?» [2].

В мировой и российской цивилистике сложилось три основных подхода к определению природы действий алгоритма:

Инструментальная теория. Её суть в том, что алгоритм – это лишь усовершенствованное орудие («электронная ручка» или «калькулятор»). Он не

обладает субъектностью. Следовательно, правовой эффект в том, что любое действие алгоритма считается действием лица, его запустившего. Это господствующий подход в Российской Федерации. Алгоритм рассматривается как объект права (программа для ЭВМ, ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), [3] а его действия – как автоматизированная реализация воли пользователя.

Теория «Электронного агента». Её суть в том, что алгоритм рассматривается как особый представитель (квази-агент). В отличие от простого инструмента, агент имеет определенную дискрецию (свободу усмотрения) в рамках заданных параметров (например, торговый робот сам выбирает момент покупки акций). Сложность теоретической модели заключается в том, что ГК РФ требует от представителя дееспособности, которой у программы нет. Поэтому в РФ эта теория применяется ограниченно – скорее, как метафора «технического представительства», а не правового.

Теория «Фикция воли». Правовая фикция, согласно которой воля, запрограммированная в алгоритм на этапе его создания/настройки, юридически приравнивается к актуальной воле лица в момент совершения сделки. Используется для обоснования действительности смарт-контрактов. Если вы нажали «Запустить», вы заранее одобрили все будущие действия кода (концепция «отложенного акцепта»).

Говоря о состоянии российского законодательства в изучаемой проблематике, стоит отметить, что основная адаптация цифрового делегирования происходит через два ключевые положения ГК РФ:

Статья 309 ГК РФ – Легализация смарт-исполнения: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение... при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение... отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий...». Таким образом, закон прямо признает, что момент волеизъявления (нажатие кнопки при заключении договора) и момент исполнения (списание денег алгоритмом) могут быть разорваны во времени, и второе действие не требует участия человека. Это и есть легальное делегирование исполнения алгоритму.

Статья 327.1 ГК РФ – «Потестативные условия». Исполнение может зависеть от действий одной из сторон или обстоятельств, зависящих от ее воли. Это позволяет программировать условия: «Если курс доллара больше 100 рублей, алгоритм продает актив».

Самый острый цивилистический вопрос: что делать, если алгоритм совершил действие, которое владелец не хотел? Например, продал товар за 1 рубль из-за сбоя. Чтобы попытаться внести ясность в этот вопрос, обратимся к уже имеющимся ситуациям в судебной практике:

Технический сбой против публичной оферты. Так, по одному делу из-за ошибки программного обеспечения цены на товары на маркетплейсе падают до аномально низких значений (в 846 раз ниже реальных). Покупатели оформляют заказы. Продавец отменяет их, ссылаясь на сбой. Позиция Верховного Суда Российской Федерации в своем Определении от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 заключалась в следующем: «Сам по себе факт отображения низкой цены – это

публичная оферта. Однако если причиной стал технический сбой, продавец может защищаться. Сбой подтверждает отсутствие воли продавца на продажу товара по такой цене. Продавец должен доказать факт сбоя (взлома, ошибки кода)» [4]. Если сбой доказан, договор может быть признан недействительным как совершенный под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ) или в отсутствие воли. Суд указывает на необходимость баланса: нельзя злоупотреблять защитой прав потребителей, если очевидно, что цена является ошибкой («интеллектуальный подлог» со стороны потребителя, понимающего ошибку). Что, в свою очередь, также является и элементом недобросовестности.

Ошибки торговых роботов (например, «биржевые споры»). Если торговый робот (алгоритм) совершает убыточные сделки из-за ошибки в коде или настроек, ответственность несет лицо, запустившее робота. Законодатель обосновывает это тем, что риск использования инструмента лежит на пользователе (чья выгода, того и риск). Ссылка на то, что «робот вышел из-под контроля», не освобождает от обязательств перед контрагентами, если не доказано внешнее вмешательство, к примеру хакерская атака и иные форс-мажорные обстоятельства.

Анализируя правовые возможности делегирования волеизъявления алгоритмам, нельзя не отметить проблематику ответственности и распределения рисков. В контексте делегирования воли программам ответственность может распределяться по модели «вина в выборе» и «вина в надзоре».

Пользователь несет ответственность за действия алгоритма перед третьими лицами. Для внешнего мира действия алгоритма приравниваются к действиям пользователя. То есть если ваша какая-либо программа, которую вы приобрели у разработчика по гражданско-правовому договору, купила что-то по ошибке, вы обязаны оплатить, а потом разбираться с разработчиком этой программы.

Разработчик всегда несет регрессную ответственность перед пользователем, если доказан дефект программного обеспечения (по нормам о качестве услуг/работ или товара). И, соответственно, платформа (маркетплейс/биржа) отвечает только в случае сбоя на своей стороне, который исказил корректную волю пользователя.

Завершая наш анализ нормативных, доктринальных и эмпирических источников, можно сделать обоснованные выводы о том, что:

1. В гражданском праве РФ делегирование воли алгоритму – это юридическая фикция. Алгоритм не формирует волю, а лишь транслирует заранее сформированную волю пользователя, так называемая в доктрине концепция «отложенного акцепта».

2. Алгоритм – это способ, а не субъект. Сделки, совершенные ИИ, квалифицируются как сделки, совершенные самим лицом с использованием электронных или иных технических средств (ст. 160, 434 ГК РФ).

3. Действует презумпция авторства. Презумируется, что действие алгоритма соответствует воле владельца. Опровергнуть её можно, только доказав технический сбой (дефект волеизъявления), причем бремя доказывания лежит на владельце алгоритма. Судебная практика, в частности дела с ошибочными ценами, подтверждает возможность оспаривания таких сделок, если доказано отсутствие воли (сбой) и недобросовестность контрагента.

Библиографический список:

1. Дадаева, М.С. Общая характеристика воли в гражданском праве Российской Федерации / М.С. Дадаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-voli-v-grazhdanskom-prave-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Петров, А.Ю. Гражданско-правовое значение воли и волеизъявления в сделке / А.Ю. Петров // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 45. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-znachenie-voli-i-voleizyavleniya-v-sdelke> (дата обращения: 24.04.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, вступ. в силу с 01.08.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.04.2026).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 (УИД 34RS0002-01-2021-007205-15) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.04.2026).

Лобач Дмитрий Владимирович,
 доцент кафедры теории и истории
 государства и права
 Дальневосточного юридического
 института (филиала) Университета
 прокуратуры Российской Федерации,
 кандидат юридических наук, доцент

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАНИЯ ФАКТА ГЕНОЦИДА СОВЕТСКОГО
 НАРОДА ИЛИ ЕГО ОДОБРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ
 ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРИЧИНЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
 ЗАПРЕТА И ОБЩИЙ КОММЕНТАРИЙ**

В результате принятия 9 апреля 2026 г. Федерального закона № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» диспозиция нормы ч. 1 ст. 354.1 УК РФ была дополнена указанием на такое альтернативное деяние в структуре объективной стороны реабилитации нацизма, как отрицание факта геноцида советского народа или одобрение геноцида советского народа. Новеллизация ст. 354.1 УК РФ связана с развитием положений Федерального закона от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (далее – ФЗ № 74). Расширение состава реабилитации нацизма обусловлено духовно-нравственными, политико-правовыми, международными и криминологическими причинами.

В преамбуле ФЗ № 74 закреплено морально-декларативное положение, указывающее на уважительное отношение к памяти жертв преступлений,

совершенных нацистами и их пособниками, как священный долг всех граждан. Исторически известно, что Советский Союз в годы Великой Отечественной войны потерял не менее 26 млн человек – представителей различных национальных групп, проживавших в СССР.

Политико-правовая причина для криминализации действий, связанных с публичным отрицанием или одобрением геноцида советского народа, связана с современными реалиями обострения международных отношений и информационным противостоянием, основанным, помимо прочего, на активном отрицании исторических фактов, включая непризнание факта геноцида советского народа, в целях оправдания нацистских преступников, обоснования правомерности и необходимости их действий, что становится социально-идеологической основой для пересмотра итогов Второй мировой войны и развития экстремистских движений в настоящем и будущем. Кроме того, сохранение и защита исторической памяти также выступает публично-правовой обязанностью Российской Федерации, что прямо закреплено в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ. Отрицание или оправдание геноцида советского народа, являясь частью реваншизма нацистской идеологии, также становятся предметом рассмотрения в системе современного международного права. Так, ещё в 2005 и 2007 гг. были приняты резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, закрепляющие безоговорочное осуждение любого отрицания Холокоста. С 2014 г. по инициативе Российской Федерации Генеральная Ассамблея ООН неоднократно принимала специальные резолюции, направленные на борьбу с героизацией нацизма, неонацизма и другими формами расизма и расовой дискриминации.

Учитывая тот факт, что ни в Уставе Нюрнбергского трибунала, ни в его приговоре геноцид не был закреплён в качестве самостоятельного международного преступления, с криминологической точки зрения в целях повышения превентивного характера и эффективности регулятивного действия уголовно-правовой нормы ст. 354.1 УК РФ назрела необходимость в криминализации отрицания либо одобрения факта геноцида советского народа.

Вместе с тем, несмотря на безусловную необходимость расширения данной нормы за счёт включения в нее вышеуказанных действий, с позиции требования законности в части обеспечения достаточного уровня правовой определенности нормативного содержания правовой нормы, выступающей необходимым условием для правильной квалификации и унификации правоприменительной практики, возникает ряд вопросов, связанных с пределами толкования данной нормы.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это сложности релевантного понимания правового смысла конструкции «отрицание факта геноцида советского народа или одобрение геноцида советского народа». Легальное определение геноцида советского народа было закреплено в ч. 2 ст. 1 ФЗ № 74. Легальная дефиниция этого понятия полностью совпадает с признаками объективной стороны преступления геноцида, закреплённого в ст. 357 УК РФ. Однако для целей ФЗ № 74 законодатель сократил количество охраняемых демографических групп, исключив религиозную группу, что в целом следует признать правильным, так как, исходя из исторического контекста, политика нацистской Германии была направлена на уничтожение

целых человеческих групп, идентифицируемых через установление принадлежности людей к определенной национальной или этнической общности, а в основе идеологии национал-социализма был заложен постулат о расовом превосходстве германского народа. Исторический контекст также проявляется в привязке потерпевших человеческих групп к СССР, на территории которого они проживали, времени совершения этого преступления – периода Великой Отечественной войны – и в закреплении в качестве субъектов геноцида народов Советского Союза только нацистов и их пособников. Отметим, что российский законодатель не связывает человеческие группы с наличием или отсутствием у представителей национальной, этнической или расовой группы гражданства СССР, а также не указывает место осуществления политики и практики геноцида. В этой связи логичным будет допустить возможность квалификации в качестве геноцида советского народа как его массового уничтожения на оккупированной территории СССР, так и на территории оккупированной Европы.

При рассмотрении данной законодательной новации также необходимо сделать особый акцент на анализ такого элемента, составляющего семантическую часть этой конструкции, как «факт геноцида советского народа».

Факт геноцида советского народа заключается в историческом и юридическом признании данного преступления, то есть речь идет о юридическом факте. Не без интереса будет отметить, что юридический факт геноцида советского народа был установлен непосредственно российскими судами в период с 2019 по 2025 г., а также косвенно – на Нюрнбергском процессе. В 2019–2025 гг. Следственный комитет Российской Федерации, используя результаты реализации федерального проекта «Без срока давности», возбудил десятки уголовных дел по ст. 357 УК РФ (геноцид), связанных с массовыми убийствами советских мирных граждан и военнопленных в годы Великой Отечественной войны на территории современной России. В результате расследования 33 уголовных дел были проведены судебные разбирательства, которые завершились решениями, признавшими факт геноцида советского народа на территории 33 субъектов Российской Федерации. Общее количество жертв геноцида советского народа, определенное по результатам судебных процессов в субъектах Российской Федерации, составило от 6,8 млн до 8,2 млн человек [1].

Вместе с тем факт геноцида народов Советского Союза также был установлен на Нюрнбергском процессе через доказывание преступлений против человечности, которые были инкриминированы высшему руководству нацистской Германии. Дело в том, что в соответствии с п. «с» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала преступления против человечности охватывают также и истребление населения, что по характеру общественной опасности сопоставимо с геноцидом. Кроме того, концепция ответственности за геноцид, возникшая ещё в 30-х годах XX в. и получившая отражение в трудах Рафаэля Лемкина, оказала влияние на оформление юрисдикции международного судебного органа [2]. В историческом отношении ответственность за геноцид на Нюрнбергском процессе охватывалась нормой о преступлениях против человечности. Установление Нюрнбергским трибуналом юридического факта

совершенных преступлений против человечности подразумевает наличие геноцида.

Обязательным условием для вменения этого преступления является привязка к историческому контексту, что вытекает из легального определения, закрепленного в ФЗ № 74. Поэтому интеллектуальный элемент прямого умысла в субъективной стороне отрицания или одобрения геноцида советского народа должен охватывать осознание того, что уничтожение народов СССР происходило нацистами и нацистскими пособниками. То есть лицо, совершающее публичное одобрение или отрицание геноцида советского народа, должно понимать, что происходило, во-первых, уничтожение именно народов СССР, и, во-вторых, эти действия были осуществлены определенными субъектами – нацистами и нацистскими пособниками. Несмотря на историческую очевидность субъектов, осуществлявших геноцид советского народа, для целей правильного толкования нормы ст. 354.1 УК РФ имеет важное значение верное (в части правового содержания) понимание понятий «нацисты» и «нацистские пособники». К сожалению, легального определения этим понятиям пока не дано, однако ещё в 2014 г. на рассмотрение в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [3] (далее – Проект закона). В Проекте закона были даны легальные определения этим понятиям. Основное отличие было проведено на основании характера юрисдикции, распространяемой, с одной стороны, на лиц, участвующих в совершении международных преступлений (нацистские преступники), а с другой – на тех, кто исполнял преступные приказы нацистского режима или способствовал исполнению таких приказов. Учитывая исторические события Второй мировой войны и политико-правовые факты, установленные решениями Нюрнбергского трибунала и национальными, военными или оккупационными трибуналами, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала, представляется верным предложенное в рамках законопроекта различие указанных понятий, а сами определения целесообразно использовать для раскрытия правового смысла этих понятий не только для целей ФЗ № 74, но и ч. 1 ст. 354.1 УК РФ.

В заключение необходимо отметить, что решение о криминализации отрицания факта геноцида советского народа или его одобрения в составе реабилитации нацизма является во всех отношениях верным и отвечающим принципам российской правовой политики на современном этапе. Уголовно-правовой смысл этого преступления определяется, исходя из системного толкования ч. 1 ст. 354.1 УК РФ в совокупности с положениями Федерального закона от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Библиографический список:

1. Геноцид народов СССР. Судебные решения о признании геноцида народов СССР. – URL: <https://www.noo-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/?ysclid=mpgs6hlkcb160562984> (дата обращения: 21.05.2026).

2. Barrett J.Q. Raphael Lemkin and «genocide» at Nuremberg, 1945–1946. — URL: <https://www.stjohns.edu/sites/default/files/uploads/Raphael%20Lemkin%20-%20John%20Q.%20Barrett.pdf> (дата обращения: 21.05.2026).

3. О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников : проект Федерального закона от 2024 г. № 504872-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/504872-6> (дата обращения: 22.05.2026).

Максимов Виталий Алексеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ АРЕСТОВАННЫМИ АКТИВАМИ (ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

В международной практике вопрос управления арестованным имуществом приобрел особую актуальность в связи с ростом транснациональной преступности, включая отмывание средств, коррупционные правонарушения и незаконную торговлю.

Правительства различных стран активно ищут эффективные механизмы управления арестованными активами в целях их сохранности, предотвращения обесценивания, а также возможного возвращения в государственный бюджет или использования в общественно значимых целях.

Международно-правовые акты (Конвенция ООН против коррупции¹), законодательство Европейского Союза (Конвенция об отмывании, выявлении, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путём², Решение Совета ЕС 2007/845/JHA³, Директива ЕС 2014/42/EU⁴), а также рекомендательные документы специализированных наднациональных инициатив и организаций, занимающихся вопросами управления арестованным

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 окт. 2003 г.): ратифицирована Федер. законом Рос. Федерации от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

² Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 нояб. 1990 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203.

³ Решение Совета ЕС 2007/845/JHA от 6 декабря 2007 г. о сотрудничестве между органами по розыску активов государств-членов в сфере выявления и идентификации доходов от преступлений или иного имущества, связанного с преступлением // Official Journal of the European Union. 2007. L 332. 18 Dec. P. 103–105.

⁴ Директива 2014/42/EU Европейского парламента и Совета от 3 апреля 2014 г. о замораживании и конфискации средств совершения преступлений и доходов от преступлений в Европейском Союзе // Official Journal of the European Union. 2014. L 127. 29 Apr. P. 39–50.

имуществом (Международная группа по противодействию отмыванию денег, FATF¹), не содержат унифицированных требований к построению системы управления арестованными активами. Вопрос её организации остается на усмотрение государств с учётом их потребностей, возможностей, особенностей правовых систем и институциональных моделей государственных органов.

В настоящем аналитическом исследовании коротко проанализирован опыт управления арестованными активами в Соединенных Штатах Америки, Великобритании и странах Европейского Союза (Италия, Франция, Нидерланды).

Несмотря на недружественный статус указанных государств, их правовой опыт заслуживает внимания².

Таким образом, исследование не только обобщает международный опыт, но и предлагает рекомендации для России по возможным путям адаптации передовых мировых практик.

Основная цель – создание в Российской Федерации эффективной и прозрачной системы управления арестованными и заблокированными активами, способствующей борьбе с коррупцией и транснациональной преступностью, а также укреплению доверия общества к государственным институтам.

Анализ международной практики позволяет выделить три основных подхода к управлению арестованными активами:

1. Создание органа по управлению активами в составе действующего правоохранительного органа или уполномоченного министерства (США, Нидерланды).
2. Создание отдельного органа по управлению активами (Италия, Франция).
3. Отсутствие отдельного органа по управлению арестованными активами (Великобритания) с передачей полномочий другим государственным органам.

Каждая из этих стран имеет уникальный подход и особенности управления арестованным имуществом, которые определяются спецификой страны, её законодательством, особенностями институциональных условий и потребностей, а иногда и менталитетом.

В большинстве случаев для непосредственного управления арестованным имуществом назначается специальный управляющий (иногда его называют администратором или хранителем). Именно этот субъект несет основную ответственность за сохранность активов и обеспечение их доходности.

Органы по управлению арестованными активами в основном выполняют контрольные функции или оказывают поддержку в управлении активами в сотрудничестве с другими государственными учреждениями, такими как министерство финансов, юстиции или прокуратура.

¹ Financial Action Task Force (FATF). URL: <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 21.05.2026).

² Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р: текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

Более того, в некоторых случаях управляющим арестованного имущества во время судебного разбирательства может оставаться сам владелец имущества. Только после окончательного судебного решения о конфискации управление передается специализированным органам.

Результаты анализа показывают, что комплексные и системные подходы к управлению арестованными активами способствуют быстрой передаче имущества в управление и получению экономически выгодных поступлений в государство, в том числе как компенсации пострадавшим или для социального повторного использования конфискованного имущества.

Что касается управления заблокированными вследствие применения санкций активами, в проанализированных странах преобладает лицензированный подход. Однако страны Европейского Союза находятся на пути передачи полномочий по управлению таким имуществом органам, занимающимся арестованными активами. Пока этот механизм не вступил в силу, Европейская Комиссия инициировала практику назначения firewall¹. Такой подход является логичным и может быть внедрен в Российской Федерации.

Тем не менее ни один из проанализированных органов не видится полным аналогом какого-либо органа в Российской Федерации. Исходя из этого, сформированы следующие рекомендации для повышения эффективности деятельности в указанном направлении:

1. Усовершенствование механизма планирования ареста правоохранительными органами и привлечение специализированного государственного органа (как нам видится, отдела/управления/департамента в структуре прокуратуры Российской Федерации).

Привлечение указанного органа на этапе планирования ареста имущества позволит сформировать стратегический план дальнейшего управления, ускорит организационные мероприятия и поможет избежать дополнительных расходов и простаивающих активов. При этом необходимо установить защитные механизмы для предотвращения утечки информации об арестованных активах.

2. Применение управленческих мер пропорционально стоимости и перспективности активов.

При решении о передаче арестованных активов во внешнее управление или их реализации должен определяться уровень управленческих мер пропорционально ценности актива, которую может получить государство. Процесс передачи в управление обычного автомобиля не должен приравниваться к передаче в управление недвижимости в центре столицы. Также следует внедрить практику управления имуществом самим владельцем с запретом использования арестованных активов или без такого запрета (при внесении гарантийного платежа не менее стоимости имущества). Это снизит нагрузку на государственные уполномоченные органы.

3. Передавать во внешнее управление только активы, требующие активного управления.

¹ Firewall («предохранитель») – система, устраняющая контроль подпадающих под санкции лиц над их экономическими ресурсами. Обычно это назначение третьей стороны – временного администратора или управляющего, действующего на основании закона, судебного или административного решения, либо по назначению компетентного органа.

Управление действующим бизнесом и яхтой существенно отличается. Передаваться в управление должны только те активы, которые способны приносить стабильный доход (например, действующий бизнес). Остальные активы должны реализовываться или вообще не передаваться в управление. Обеспечение достойного вознаграждения управляющим также способствует более взвешенному выбору активов для передачи.

4. Создание сети управляющих по категориям их специализации.

Реализация этой рекомендации устраним проблему длительного отбора управляющего/реализатора арестованного имущества. Чтобы избежать проблем с привлечением прямого конкурента на рынке (в случае предприятия), следует развивать институт компаний по управлению активами.

5. Обеспечить возможность оценки имущества, передаваемого в управление, выбранным управляющим.

Главная цель – ускорение процесса передачи активов в управление. В отличие от государственного органа, выбранный управляющий занимается только одним активом, что направляет его действия и заинтересованность в получении доходов, обеспечивая более быструю оценку имущества и завершение процедуры окончательной передачи активов.

6. Отдельный счет/фонд.

Поступления от управления имуществом или его доконфискационной реализации рекомендуется размещать на специальном счете или на балансе фонда, а не перечислять в Государственный бюджет. Такая новация позволит частично или полностью финансировать соответствующую структуру самостоятельно, повысит прозрачность и создаст четкие критерии для оценки эффективности работы.

Проведенный анализ показывает, что в зарубежной практике отсутствует единая универсальная модель управления арестованными активами. Различия касаются институциональной формы соответствующего органа, степени его автономии, объема полномочий, соотношения функций государства и частных управляющих, а также порядка распоряжения доходами от управления и реализации имущества. Вместе с тем сопоставление опыта Италии, Франции, Нидерландов, США и Великобритании позволяет сделать более общий вывод: эффективной оказывается не столько та или иная формальная конструкция органа, сколько наличие у системы полного управленческого цикла – от предварительного планирования до окончательного распоряжения активом – при четком распределении компетенции, финансовом обеспечении и контролируемости процедур.

Во всех жизнеспособных моделях прослеживаются сходные функциональные элементы. К их числу относятся: раннее вовлечение субъекта, отвечающего за дальнейшую судьбу актива; предварительная оценка его стоимости, ликвидности и расходов на содержание; выбор между передачей в управление, промежуточной реализацией, хранением либо иными альтернативами; учет особенностей конкретного вида имущества; использование внешних специалистов для сложных или доходогенерирующих активов; наличие прозрачных правил последующего распоряжения конфискованным имуществом. Международные рекомендации прямо подчеркивают, что отсутствие предварительного планирования и финансового расчета нередко делает сам арест

экономически неэффективным, а промежуточная продажа быстро обесценивающегося имущества во многих случаях выступает наиболее рациональной мерой сохранения его стоимости.

Заслуживает поддержки и вывод о том, что современная модель управления арестованными активами должна быть ориентирована не только на формальную сохранность имущества, но и на обеспечение публичной легитимности соответствующих процедур. Международные материалы по возврату и использованию конфискованных активов подтверждают возрастающее значение принципов прозрачности, подотчётности, контролируемости, а в ряде случаев – и социально полезного использования имущества либо доходов от его реализации. Следовательно, результативность системы должна оцениваться не только по суммам взысканных средств, но и по тому, насколько такая система предотвращает утрату стоимости активов, снижает коррупционные риски и укрепляет доверие к государственным институтам.

Для российского правового порядка наибольшее значение имеют не механическое заимствование зарубежных моделей, а адаптация выявленных функциональных решений. В этом плане представляются обоснованными: участие специализированного государственного подразделения уже на стадии планирования ареста; дифференциация управленческих мер в зависимости от стоимости и перспективности актива; передача во внешнее управление прежде всего тех объектов, которые требуют активного профессионального администрирования и способны приносить доход; формирование пула специализированных управляющих по категориям активов; допущение оперативной оценки имущества избранным управляющим; создание специального счета или фонда для аккумулирования поступлений от управления либо доконфискационной реализации имущества. Такие меры соответствуют международной логике рентабельного анализа, сохранения стоимости активов и институциональной прозрачности.

Таким образом, управление арестованными активами должно рассматриваться как самостоятельное направление государственной деятельности, находящееся на стыке уголовного процесса, гражданского, бюджетного и административного права. Его дальнейшее совершенствование в Российской Федерации возможно лишь при условии перехода от модели эпизодического реагирования к модели системного управления активами, основанной на предварительном планировании, профессионализации управляющих функций, прозрачности финансовых потоков и нормативном закреплении гибких способов сохранения экономической ценности имущества.

Библиографический список:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 окт. 2003 г.) : ратифицирована Федер. законом Рос. Федерации от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.
2. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 нояб. 1990 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203.

3. Решение Совета ЕС 2007/845/JHA от 6 декабря 2007 г. о сотрудничестве между органами по розыску активов государств-членов в сфере выявления и идентификации доходов от преступлений или иного имущества, связанного с преступлением // *Official Journal of the European Union*. 2007. L 332. 18 Dec. P. 103–105.

4. Директива 2014/42/EU Европейского парламента и Совета от 3 апреля 2014 г. о замораживании и конфискации средств совершения преступлений и доходов от преступлений в Европейском Союзе // *Official Journal of the European Union*. 2014. L 127. 29 Apr. P. 39–50.

5. Financial Action Task Force (FATF). – URL: <https://www.fatf-gafi.org> (дата обращения: 21.05.2026).

6. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 октября 2022 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2024).

Мамченко Нелли Владимировна,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

РЕЖИМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Для корректного теоретико-правового анализа необходимо разграничивать понятия «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение». Чрезвычайная ситуация представляет собой объективно складывающуюся обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые повлекли или могут повлечь человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Чрезвычайное положение, в свою очередь, является правовой формой реагирования государства на чрезвычайные ситуации, особым правовым режимом деятельности органов власти и управления.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона о чрезвычайном положении, «чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их

должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей». А ст. 3 этого же закона в качестве одного из обстоятельств введения чрезвычайного положения определяет «чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ» [1]. Поэтому в законодательстве России и доктрине эти понятия различаются. Точно так же различаются понятия «режим чрезвычайного положения» и «режим чрезвычайной ситуации». Законодатель употребляет также термин «режим повышенной готовности» в чрезвычайной ситуации. Режим повышенной готовности и режим чрезвычайной ситуации связаны с природными и техногенными угрозами (паводки, пожары, радиация) и отличаются меньшей степенью ограничения прав, но допускают эвакуацию, мобилизацию ресурсов, особые санитарные нормы.

Отметим, что некоторые ученые считают некорректным употребление понятия «режим чрезвычайной ситуации», который официально не установлен. Отсутствие четкости в понимании того, чем является чрезвычайная ситуация: частью правового режима чрезвычайного положения или отдельным правовым режимом, привело к тому, что законодатель включил в ряд федеральных законов словосочетание «режим чрезвычайной ситуации» вместо слов «чрезвычайная ситуация». Чрезвычайная ситуация является частью особого правового режима чрезвычайного положения, что зафиксировано в ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» и подтверждено в полномочиях Президента Российской Федерации, установленных в ст. 8 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера» [2]. Данный закон определяет чрезвычайную ситуацию, полномочия органов власти и порядок ликвидации последствий, но, однако, не вводит понятия «режим чрезвычайной ситуации» как особой правовой категории (аналогично режиму военного положения или чрезвычайного положения).

Вместо этого закон (ст. 4.1) оперирует термином «режим функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС (РСЧС)». Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера» определяет три таких режима:

1. Повседневной деятельности (в обычных условиях).
2. Повышенной готовности (при угрозе ЧС).
3. Чрезвычайной ситуации (при возникновении и ликвидации ЧС).

Таким образом, строго юридически правильнее было бы говорить о «режиме функционирования РСЧС в условиях чрезвычайной ситуации», а не «режим чрезвычайной ситуации».

Ключевая проблема использования термина «режим чрезвычайной ситуации» без принятого отдельного закона – риск подмены понятий с режимом чрезвычайного положения (ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ). Для оперативной обстановки, локальных актов МЧС и информирования граждан использование этого термина допустимо и повсеместно принято, поскольку не противоречит смыслу закона и устоялось в правоприменительной практике.

Необходимо отметить, что использование термина «режим чрезвычайной ситуации» в документах не дает органам власти прав на ограничение конституционных прав и свобод человека, которые допускает чрезвычайное положение. Это лишь регламент работы спасательных служб.

Как отмечает Е.С. Калина, вынужденные фактические ограничения свободной реализации личных прав, неизбежные при ликвидации чрезвычайной ситуации, как правило, не связаны с наличием какого-либо антагонизма в системе «государство – общество – личность» [3]. Иными словами, при чрезвычайной ситуации ограничения носят объективный, вынужденный характер, тогда как чрезвычайное положение предполагает сознательное введение государством особого правового режима с ограничением прав и свобод.

Федеральный закон о режиме чрезвычайной ситуации, действительно, отсутствует как отдельный документ. Однако это не делает сам термин абсолютно неправомерным. Он является практическим инструментом, устоявшейся доктринальной и «рабочей» конструкцией, обозначающей комплекс мер и особый порядок работы служб, предусмотренных законом «О защите населения и территорий от чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ.

Таким образом, для устранения юридической неопределенности и учитывая существующую нормативно-правовую базу, мнения ученых [4] и практическое использование понятия «режим чрезвычайной ситуации», в том числе различными государственными органами, полагаем необходимым на законодательном уровне установить особый правовой режим чрезвычайной ситуации, предусмотрев в специальном федеральном законе не только определение этого режима, но и все вопросы, связанные с его введением, включая ограничение прав.

Библиографический список:

1. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
3. Калина, Е.С. Реализация конституционных прав граждан в условиях чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера / Е.С. Калина // Проблемы права. – 2013. – № 4. – С. 96–100.
4. Винокуров, В.А., Немченко, С.Б., Шафигуллин, К.В. Об особом правовом режиме чрезвычайной ситуации / В.А. Винокуров, С.Б. Немченко, К.В. Шафигуллин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 4. – С. 105–112.

Марцинкевич Виталий Валерьевич,
заместитель Волжского межрегионального
природоохранного прокурора,
советник юстиции;

Переpletчикова Анастасия Игоревна,
доцент кафедры теории государства
и права ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ ВОЛЖСКОЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ПРИРОДООХРАННОЙ ПРОКУРАТУРЫ)

Несмотря на большое количество научных исследований, посвященных функциям государства, их изучение не теряет своей актуальности. В связи с динамизмом и трансформацией общественных отношений, развитием научной мысли возникают новые вопросы, требующие внимания. Один из них связан с взаимовлиянием государственных функций. В литературе обоснованно отмечается полифункциональность государства [1, с. 51] и множественность критериев классификации государственных функций [2, с. 139]. Одним из таковых является разделение их по объекту воздействия на внутренние и внешние. Приведем конкретные примеры, отражающие тесную взаимосвязь некоторых внутренних функций.

Так, во исполнение приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26 апреля 2024 г. № 321 Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой в пределах компетенции организован надзор за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В 2025 году особое внимание уделялось координации деятельности контролирующих и правоохранительных органов по фиксации следов правонарушения и пресечению противоправной деятельности, оперативно организовывался отбор контролируемыми органами проб компонентов окружающей среды в местах расположения опасных производственных объектов в целях проверки соблюдения требований безопасности и исключения оказания негативного воздействия на население и окружающую среду. Обеспечено надлежащее взаимодействие с уполномоченными органами в целях получения информации об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций, числе пострадавших граждан, масштабах причиненного ущерба, комплексе принимаемых мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий. Проверялась достаточность нормативного правового регулирования, наличие и деятельность постоянно действующих органов управления, создание резервов финансовых и материальных ресурсов, состояние систем оповещения.

Например, Ульяновской межрайонной природоохранной прокуратурой на основании публикации в СМИ о разливе мазута на территории одного из учреждений здравоохранения организована проверка, в ходе которой установлено,

что разлив произошел из подземных емкостей, ранее использовавшихся для хранения топлива. По факту выявленных нарушений главному врачу лечебного учреждения внесено представление, по результатам рассмотрения которого на основании заключенного контракта аварийный разлив ликвидирован.

Астраханской межрайонной природоохранной прокуратурой перед пожароопасным периодом в органы власти направлена информация о необходимости профилактических мер. При этом проведенными проверками установлено, что органы местного самоуправления населенных пунктов, прилегающих к землям лесного фонда, не в полном объеме выполнили противопожарные мероприятия, а именно: отсутствовали минерализованные полосы, не оборудованы источники наружного противопожарного водоснабжения, не организована система оповещения. По фактам выявленных нарушений главам сельских и городских поселений внесено двадцать семь представлений, двенадцать должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности.

В Республике Дагестан Махачкалинской межрайонной природоохранной прокуратурой установлен факт значительного недостатка пожарной техники, оборудования, снаряжения и инвентаря, предусмотренных нормативом, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 19 июля 2019 г. № 1605-р. Данные нарушения отражены в представлении, внесенном в адрес Комитета по лесному хозяйству Республики Дагестан, по результатам рассмотрения которого регион доукомплектован силами и средствами борьбы с пожарами.

В целях предупреждения негативных последствий воздействия паводковых вод на окружающую среду и безопасного прохождения пожароопасного периода в лесах Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой проведены межведомственные совещания с уполномоченными правоохранительными и контролирующими органами и учреждениями, по результатам которых в весенний период уделено особое внимание готовности гидротехнических сооружений (далее – ГТС) к пропуску весеннего половодья, органов и учреждений к наступлению пожароопасного периода в лесах, продолжен оперативный обмен информацией и результатами проведенной работы.

В Республике Дагестан выявлены нарушения при разработке и утверждении планов тушения лесных пожаров, которые не соответствовали установленной форме, не были согласованы с уполномоченными органами. По данным фактам внесены представления в Комитет по лесному хозяйству Республики Дагестан и подведомственные учреждения. Планы приведены в соответствие.

Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой обеспечена профилактическая направленность прокурорского надзора. Ежедневно специалистами МЧС России на всей поднадзорной прокуратуре территории в природоохранные прокуратуры направляется информация о происшествиях, содержащая сведения об аварийных, чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, угрозе их возникновения в регионах, которая используется в надзорной деятельности.

Во всех регионах Волжско-Каспийского бассейна прокурорами принимались превентивные меры в отношении глав муниципальных образований, граничащих с землями лесного фонда в преддверии наступления пожароопасного периода. В Костромской области перед началом

пожароопасного сезона выявлены нарушения в деятельности органов местного самоуправления, выразившиеся в непроведении работ по опашке населенных пунктов, подверженных лесным пожарам. Нарушения выявлены в администрациях Солигаличского, Мантуровского, Нерехтского и других муниципальных округов. Костромской межрайонной природоохранной прокуратурой главам органов местного самоуправления внесены представления, нарушения устранены. Ярославской межрайонной природоохранной прокуратурой перед пожароопасным периодом главам двадцати четырех органов местного самоуправления и директорам шести профильных учреждений объявлены предостережения. Проанализированы планы тушения лесных пожаров, выявлены нарушения, внесено представление в адрес ГКУ ЯО «Управление лесничествами Ярославской области». Планы актуализированы, пятнадцать должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности.

Особое внимание Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой уделялось вопросам предупреждения и пресечения фактов негативного воздействия на окружающую среду в результате нарушения требований законодательства о безопасности ГТС. На поднадзорной территории расположено свыше 2,8 тысяч ГТС. Практически на всей поднадзорной Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре территории прокурорами выявлялись факты нарушения законодательства о безопасности ГТС при их эксплуатации органами местного самоуправления, учреждениями и организациями, эксплуатирующими ГТС. Наиболее типичными нарушениями в указанной сфере являлись факты отсутствия утвержденных в установленном порядке деклараций безопасности ГТС, планов проведения регулярных технических осмотров, разработанных и согласованных правил эксплуатации ГТС, работников, прошедших аттестацию по вопросам безопасности ГТС, договоров обязательного страхования гражданской ответственности, расчетов размера вероятного вреда.

В Республике Татарстан Казанской межрайонной природоохранной прокуратурой в рамках надзорных мероприятий у двадцати собственников ГТС установлено отсутствие деклараций безопасности, договоров страхования, финансовых резервов, аттестации работников, в связи с чем собственникам ГТС внесены представления, по результатам рассмотрения которых принимаются меры по устранению выявленных нарушений. Кроме того, в указанном регионе выявлены факты непринятия органами местного самоуправления мер по постановке бесхозных ГТС на учет, по данным фактам предъявлено три исковых заявления, которые удовлетворены. Исполнение решения суда находится на контроле природоохранной прокуратуры. Ярославской межрайонной природоохранной прокуратурой выявлены бесхозные ГТС, создающие реальную угрозу. Так, в селе Заозерье Угличского района плотина на реке Устье, стоящая на учете как бесхозная с 2014 года, не была принята в муниципальную собственность. В июле 2025 года из-за перелива воды через гребень этой плотины было подтоплено пятнадцать приусадебных участков. По фактам непринятия мер по оформлению права собственности на бесхозные ГТС в Угличском и Гаврилов-Ямском районах внесены представления, которые рассмотрены и признаны обоснованными, при этом действенных мер по принятию в муниципальную собственность указанных ГТС по результатам

рассмотрения представлений не принято, в связи с чем прокуратурой подготовлены исковые заявления о возложении соответствующих обязанностей.

Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой в паводкоопасный период на постоянном контроле находилась ситуация, связанная с затоплением и подтоплением территорий. Принимая во внимание ранее наработанный прокуратурой опыт, была усилена превентивная роль при организации надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, связанных с негативным воздействием вод. До наступления периода весеннего половодья и снеготаяния внимание уделено вопросам оценки эффективности принимаемых уполномоченными органами мер по предотвращению наводнений, обеспечению инженерной защиты территорий и объектов, дана оценка действиям должностных лиц, ответственных за готовность регионов к прохождению паводка, особенностям правового режима использования земельных участков в зонах затопления и подтопления.

Так, в Республике Калмыкия реализуется утвержденный план-график. В 2025 году завершены работы и установлены границы пяти зон затопления/подтопления (на реках Кара-Сал, Сухой Сал, озерах Состинское, Кирпичное, Кёк-Уси, Улан-Эргинском и Яшкульском водохранилищах). При этом в Троицком сельском муниципальном образовании выявлено, что установленные зоны не отражены в Генеральном плане. В связи с допущенными нарушениями Северо-Каспийской межрайонной природоохранной прокуратурой главе администрации внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, приняты меры по устранению выявленных нарушений.

По мерам прокурорского реагирования Череповецкой межрайонной природоохранной прокуратуры Минэнерго Вологодской области в ЕГРН внесены сведения о двадцати семи зонах затопления (подтопления) на территории Вологодского муниципального округа. Важно отметить, что для минимизации ежегодно наносимого значительного вреда окружающей среде и экономике стихийными бедствиями необходимо продолжить ориентировать уполномоченные органы на принятие своевременных и достаточных мер к предотвращению и устранению природных катаклизмов, надлежащему содержанию ГТС, обеспечению функционирования систем оповещения о чрезвычайных ситуациях, своевременному проведению их ремонтно-восстановительных работ и обслуживанию.

Таким образом, деятельность уполномоченных органов, направленная на минимизацию вреда окружающей среде и экономике стихийными бедствиями, является одновременно проявлением функций охраны правопорядка, экологической, экономической и социальной. Приведенные в статье примеры показывают многоаспектный и комплексный характер функций государства, их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность.

Библиографический список:

1. Кулапов, В.Л. Государственно-правовые функции в современном российском обществе – М. : ООО «Русайнс». – 2025. – 164 с.
2. Морозова, Л.А. Избранные статьи : сборник научных трудов / Л.А. Морозова. – Москва : РГУП. 2018. – 396 с.

Мещерякова Валентина Ивановна,
старший научный сотрудник отдела
научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере
защиты прав несовершеннолетних
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры
Российской Федерации

О СОСТОЯНИИ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

В Конституции Российской Федерации, провозгласившей Россию социальным государством, человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью, установлено, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства (ст. 2, 7). При этом дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ст. 67¹).

Дети-инвалиды нуждаются в особой заботе и поддержке со стороны государства. Для них следует создавать условия, которые позволят им полноценно развиваться, получать образование, участвовать в общественной жизни.

Государственная политика в области защиты инвалидов, в том числе детей-инвалидов, определена Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Её целью является предоставление инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Вопросы в сфере защиты прав детей-инвалидов нашли свое отражение в государственной программе Российской Федерации «Доступная среда», Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года и других документах.

Одной из основных задач Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года является обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи детям, в том числе реализация мероприятий, направленных на раннее выявление заболеваний, снижение инвалидности детей, повышение роли государства в лечении и лекарственном обеспечении детей, страдающих тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями.

Государством планомерно принимаются меры по совершенствованию законодательства в этой области, за последние годы внесены важные изменения в нормативные правовые акты, в том числе направленные на развитие системы ранней помощи детям и их семьям, реабилитацию и абилитацию инвалидов,

создание специальных условий для получения ими образования. Скорректированы полномочия федеральных органов государственной власти и региональных органов исполнительной власти в области социальной защиты инвалидов (детей-инвалидов).

В сфере образования Российской Федерации широко развивается система психолого-педагогической и ранней коррекционной помощи детям и их семьям. Образовательными организациями создаются специальные условия для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), инвалидами (детьми-инвалидами) в соответствии с рекомендациями психолого-медико-педагогической комиссии, а для инвалидов (детей-инвалидов) также в соответствии с индивидуальной программой реабилитации и абилитации инвалида (ребенка-инвалида).

В Российской Федерации в настоящее время функционирует более 1 500 коррекционных школ для различных категорий обучающихся с ОВЗ (с нарушениями слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, задержкой психического развития, расстройствами аутистического спектра, с тяжелыми множественными нарушениями развития) [1, с. 9].

Надзор за соблюдением прав детей-инвалидов относится к числу приоритетных в работе прокуроров. Он включает в себя широкий спектр полномочий органов прокуратуры, направленных на обеспечение исполнения законодательства в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты. В силу п. 2.1.1, 2.1.4, 2.17 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» прокуроры систематически проверяют исполнение законодательства об охране здоровья и жизни несовершеннолетних, соблюдение их прав на бесплатное, своевременное и качественное оказание медицинской помощи, обеспечение лекарственными средствами и медицинскими изделиями; исполнение законодательства об образовании, о социальной защите несовершеннолетних. Принимают меры по защите прав детей-инвалидов, в том числе на предоставляемые услуги и на технические средства реабилитации.

Результаты правоприменительной деятельности и практики прокурорского надзора свидетельствуют о ненадлежащем состоянии законности в сфере соблюдения прав детей-инвалидов. Повсеместно прокурорами пресекаются нарушения требований законодательства в части обеспечения лечебным питанием, медицинскими изделиями и лекарственного обеспечения детей-инвалидов, в том числе препаратами для лечения хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний. Так, в Республике Дагестан благодаря вмешательству прокуратуры ребенок-инвалид обеспечен жизненно важным лекарством [2].

Помощь прокуроров потребовалась при организации лечения онкобольного ребенка в Тамбовской области, где вследствие волокиты чиновников, несвоевременного проведения врачебной комиссии и невыдачи рецептов подросток длительное время оставался без жизненно необходимой терапии. По итогам принятых мер организована закупка и выдача дорогостоящих лекарств [3].

Выявлены многочисленные нарушения социальных прав детей-инвалидов, выразившиеся в несвоевременном обеспечении их техническими средствами реабилитации (креслами-колясками, ортопедической обувью, слуховыми аппаратами и др.); незаконном отказе в выдаче направления на бесплатный проезд к месту лечения и обратно; несоблюдении порядка направления детей-инвалидов на санаторно-курортное лечение; отказе в назначении социальных выплат и пособий.

Так, в Саратовской области прокуратура Татищевского района по результатам проверки обратилась в суд с иском в защиту прав ребенка-инвалида, который региональным отделением Социального фонда России своевременно не был обеспечен опорами для сидения и ползания, ходунками с дополнительной фиксацией тела. Требования прокурора судом удовлетворены, ребенку-инвалиду предоставлены необходимые средства реабилитации и выплачена компенсация морального вреда [4].

Прокурорское вмешательство потребовалось в связи с непринятием мер по обеспечению беспрепятственного доступа детей-инвалидов к объектам социальной инфраструктуры, а именно: к объектам здравоохранения, культуры, транспорта, связи, образования, социальной защиты, спорта, к жилому фонду (например, отсутствие перил, съездов, пандусов при входах в здания, специально оборудованных подземных и наземных переходов и т.п.). К примеру, в ходе проверки прокуратура Намского района Республики Саха (Якутия) установила, что девочка (ребенок-инвалид), 2013 г.р., страдающая детским церебральным параличом и передвигающаяся с помощью кресла-коляски, проживает с семьей на четвертом этаже многоквартирного дома в с. Намцы, который не оборудован пандусом. В связи с нарушением прав ребенка на обеспечение доступности окружающей среды прокуратура внесла застройщику многоквартирного дома представление, по результатам рассмотрения которого нарушения устранены, в доме установлен пандус, обеспечивающий доступ для маломобильных групп населения [5].

Пресекались факты несоблюдения установленного порядка направления детей на медико-социальную экспертизу, порядка проведения экспертизы, переосвидетельствования и выдачи медицинских заключений, сроков переосвидетельствования; факты необоснованного отказа в установлении инвалидности детям; ненадлежащая организация работы по разработке и реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации ребенка-инвалида.

Прокурорами принимались меры реагирования в связи с необеспечением специальных условий для получения образования детьми-инвалидами, отсутствием адаптированных образовательных программ, необеспечением специальными учебниками (учебными пособиями) и техническими средствами обучения, неукomплектованием образовательных организаций учителями-дефектологами, педагогами-психологами, тьюторами, логопедами и иными специалистами для работы с детьми с ОВЗ, ненадлежащей организацией обучения ребенка на дому или в медицинской организации. К примеру, в Свердловской области после вмешательства прокуратуры Ачитского района ребенок-инвалид обеспечен специальными учебниками и дидактическими материалами [6].

По результатам прокурорского вмешательства восстанавливались жилищные права семей с детьми-инвалидами, им предоставлялись квартиры, отвечающие установленным требованиям.

Отмеченные нарушения указывают о необходимости принятия комплексных мер, направленных на усиление надзора за исполнением законодательства об образовании, социальной защите и охране здоровья детей-инвалидов, обеспечив незамедлительное реагирование на все факты нарушения их прав.

Библиографический список:

1. О направлении разъяснений (вместе с «Разъяснениями по вопросу организации качественного доступного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, с инвалидностью, оказания им психолого-педагогической помощи в необходимом объеме, обеспечения доступности посещения групп продленного дня; организации групп психологической взаимоподдержки семей силами родительских объединений») : письмо Минпросвещения России от 03.03.2026 № АБ-807/07.

2. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации – https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_05/mass-media/news/main/e8500467/ (данные на 21.05.2026).

3. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации – <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8477406/> (на 21.05.2026).

4. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации – <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8477688/> (на 21.05.2026).

5. Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации – <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8494449/> (на 21.05.2026).

6. Сайт прокуратуры Ачитского района Свердловской области – <https://ksk66.ru/2022/02/03/%> (на 21.05.2026).

Морозова Ольга Витальевна,
ведущий научный сотрудник отдела
научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере
защиты прав несовершеннолетних
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЕ

В Российской Федерации транспорт является системообразующей отраслью экономики. Ежегодно на объектах транспорта несовершеннолетними совершаются правонарушения и преступления.

Анализ состояния преступности на транспорте за последние два года выявил тенденцию роста преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии в этой сфере.

Так, например, в 2025 году по сравнению с 2021 годом количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии на транспорте, выросло на 60,5% (в 2021 г. – 200, в 2022 г. – 188 (–6%), в 2023 г. – 148 (–21,3%), в 2024 г. – 206 (+39,2%), 2025 г. – 321 (+55,8%).

На фоне общей статистической картины состояния преступности в Российской Федерации данные цифры выглядят незначительными, не привлекающими особого внимания.

Вместе с тем примечательно то, что если в 2021, 2022 и 2023 годах в структуре предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, преобладали преступления средней и небольшой тяжести (147 или 73,5%, 150 или 80,0% и 105 или 71,0% соответственно), то, начиная с 2024 года, структура преступности резко изменилась. Возросло количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии (2024 г. – 107 или 52,0%, 2025 г. – 236 или 73,5%). При этом, например, только в 2025 году несовершеннолетними или при их соучастии в транспортной сфере совершено 202 особо тяжких преступления из упомянутых 236.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в видовой структуре преступности несовершеннолетних на транспорте наметились изменения. Так, к преобладающим ранее преступлениям, совершаемым несовершеннолетними или при их соучастии кражам, грабежам, разбоям, вандализму, присоединились и стали лидировать деяния, связанные с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ), в том числе совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Не удастся переломить стремление несовершеннолетних к такому экстремальному досугу, как зацепинг (трейнсерфинг) [1, с. 189–194].

Следует сказать, что сводной общероссийской цифры по всем случаям зацепинга в РФ не имеется, но даже те фрагментарные данные, которые размещаются ведомствами, оказываются шокирующими. По разным экспертным оценкам, от 50 до 70% зацеперов являются несовершеннолетними в возрасте до 16 лет. Выявляются случаи участия в зацепинге 10-летних детей.

По данным МВД России и Минтранса России, в первом полугодии 2025 года число зацеперов с 364 (2024 г.) выросло до 727 человек, из которых 618 – несовершеннолетние [2]. За первые два месяца 2026 года предотвращено уже 90 фактов опасного поведения подростков на транспорте [3].

По информации специалистов, в 2025 году количество случаев травмирования зацеперов возросло почти в три раза, почти трехкратно выросло и количество случаев со смертельным исходом несовершеннолетних [4].

Выборочное изучение процессуальных документов материалов уголовных дел, судебных актов показывает, что популяризация и вовлечение

несовершеннолетних в занятие зацепингом активно происходит в большинстве случаев через Интернет. Подростки находят каналы и страницы, где размещаются материалы обучающего характера. Пропагандируемое девиантное поведение преподносится как оригинальный вид спорта, возможность выделиться, показать свое превосходство перед сверстниками, демонстрируя экстремальное поведение.

Например, в 2025 году только в г. Москве и Подмосковье выявлено 7 лиц, склонявших подростков к опасным действиям и вовлекавших в зацепинг. По всем выявленным фактам возбуждены уголовные дела по ст. 151.2 УК РФ [5].

В одном из своих выступлений начальник Главного управления на транспорте МВД России Калинин О.В. указал на необходимость пересмотра подходов к профилактике зацепинга и внедрения цифровых инструментов и проинформировал о том, что только в 2025 году сотрудниками ОВД на транспорте было установлено более 27 тысяч интернет-ресурсов, призывающих к противоправной деятельности на транспорте. По итогам работы для блокировки в Роскомнадзор направлено свыше 6,4 тысяч материалов, пропагандирующих девиантное поведение на объектах транспорта [6].

Представляется, что мониторинг сети Интернет является важнейшим инструментом в борьбе с этим маргинальным явлением в среде несовершеннолетних. Кроме того, ключевое значение приобретают проведение рейдов и патрулирование на объектах транспортной инфраструктуры в целях выявления зацеперов, а также проведение в образовательных учреждениях и организациях тематических бесед с демонстрацией видеороликов о последствиях зацепинга. Немаловажное значение имеет также и работа с родительским сообществом в целях минимизации рисков десоциализации несовершеннолетних, исключение развития и закрепления у них девиантного, противоправного поведения на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, затрагивая вопросы противодействия преступности несовершеннолетних в транспортной сфере.

В условиях проведения специальной военной операции расширение масштабов вовлечения подростков в совершение преступлений или антиобщественных действий, диверсий, преступлений террористического характера и экстремистской направленности вызывает особую обеспокоенность. Несовершеннолетние в указанную деятельность вовлекаются под различными предложениями. Как правило, основным мотивом совершения таких противоправных деяний является обещание материального вознаграждения. Подростки по поручению третьих лиц организуют и участвуют в осуществлении диверсионных действий как на гражданских транспортных объектах, так и на военных путем осуществления поджогов, взрывов военной техники, а также на объектах и в отношении имущества, принадлежащих правоохранительным органам Российской Федерации [7]. В подобную деятельность вовлекаются не только дети из семей, находящихся в социально опасном положении, но и из благополучных семей.

Так, например, по данным Росфинмониторинга, на начало июля 2025 года более 150 подростков от 14 до 17 лет включены в перечень террористов и экстремистов в России: один 14-летний подросток, 23 человека в возрасте 15 лет, 46 подростков – 16-летние и 85 – 17-летние [8].

Представляется, что увеличение данного показателя является сигналом, и эти случаи указывают на необходимость усиления профилактики противоправного поведения несовершеннолетних со стороны органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, особенно со стороны образовательных организаций, в части проведения воспитательных, культурно-просветительских и патриотических мероприятий, направленных на развитие у несовершеннолетних неприятия идеологии экстремизма и терроризма, привитие им традиционных российских духовно-нравственных ценностей патриотизма и готовности отстаивать интересы Родины. Материальной составляющей, насильно насаждаемой в сознание несовершеннолетних со стороны недружественных в отношении Российской Федерации государств, культивируемому ими чувству безнаказанности должны противопоставляться реальные факты истории и подвига нашего народа на разных этапах истории России.

В то же время анализ информации о попытках проникновения и совершения несовершеннолетними террористических действий на объектах транспорта, а также на объектах военного назначения, на которых базируется российское вооружение и военная техника, как это неоднократно происходило, например, в ДНР [9] или на военном аэродроме «Омск-Северный» [10], позволяет говорить о необходимости выработки дополнительных мер, направленных на усиление эффективности антитеррористической защищенности как объектов транспорта, транспортной инфраструктуры, так и объектов и территорий, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации.

В целом, подводя итог сказанному, следует отметить, что обозначенные тенденции преступности несовершеннолетних в транспортной сфере предопределяют необходимость совершенствования организационных мер, повышая роль надзорной деятельности органов прокуратуры в указанном направлении.

Библиографический список:

1. Караваев, А.А., Анисимова, Н.А. Трайнсерфинг (зацепинг) как социально опасное увлечение подростков: понятие, содержание, типология / А.А. Караваев, Н.А. Анисимова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 189–194.
2. В РФ в 2025 году задержали более 1 300 зацеперов на объектах транспорта. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/26868515> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Предупреждение несчастных случаев на железной дороге – важнейшее направление деятельности Минтранса России. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mintrans.gov.ru>press-center/news/12478> (дата обращения: 07.05.2026).
4. Петренко: количество смертельных исходов от зацепинга возросло почти в три раза. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4763184> (дата обращения: 07.05.2026).
5. СК: За 2025 год в Москве и Подмосковье задержаны 7 вовлекателей в зацепинг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2026/01/16/sk-za-2025-god->

v-moskve-i-podmoskove-zaderzhany-7-vovlekatelej-v-zaceping (дата обращения: 13.05.2026).

6. Олег Калинин принял участие в заседании коллегии Минтранса по вопросам профилактики травматизма на железной дороге. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/news/item/80823216/> (дата обращения: 13.04.2026).

7. В Петербурге мошенники уговорили пятиклассника сжечь полицейские машины. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8377177> (дата обращения: 11.04.2026).

8. Стало известно, сколько подростков находятся в списке террористов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20250706/podrostki-2027447547.html> (дата обращения: 10.01.2026).

9. В ДНР задержали группу подростков по подозрению в поджогах на железной дороге. За это подозреваемые получили порядка 300 тыс. рублей. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/26460779> (дата обращения: 16.04.2026).

10. Двух подростков осудили за поджог вертолета в Омской области. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69954a> (дата обращения: 15.04.2026).

Назаренко Наталия Алексеевна,
доцент кафедры финансового
и административного права Ростовского
государственного университета (РИНХ),
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ежегодно обостряющаяся проблема вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность приобрела в последний год качественно новые черты, не сводимые к прежним представлениям о «молодёжном экстремизме». По данным, озвученным Генеральным прокурором Российской Федерации в апреле 2026 г., за 2025 г. общее число несовершеннолетних, причастных к преступлениям соответствующей направленности, возросло вдвое; в подавляющем большинстве случаев вербовка

осуществлялась дистанционно – посредством сети «Интернет». Это побуждает к переоценке сложившейся модели прокурорского надзора, которая выстраивалась применительно к «оффлайновым» формам экстремизма и не вполне отвечает логике цифровой среды, где вербовщик, потерпевший и объективная сторона деяния разнесены в пространственно-временном отношении.

В отечественной науке сложилось несколько подходов к пониманию прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. Сторонники широкого подхода (в работах П.В. Агапова, В.Н. Смысловой, Р.С. Тамаева) рассматривают надзор за исполнением антиэкстремистского законодательства как комплексную надзорно-координационную деятельность, охватывающую как реагирование на нарушения, так и профилактику, координацию правоохранительных органов и участие в правовом просвещении. Представители более узкого взгляда – В.А. Чукреев, А.Ю. Мариничева – настаивают на разграничении предмета надзора за исполнением законов и функции координации, мотивируя это различной правовой природой этих направлений деятельности прокурора. Отдельное направление представлено работами Д.И. Ережипалиева о защите детей от вредоносной информации мерами прокурорского надзора и трудами О.Н. Коршуновой, И.И. Головки в сфере противодействия экстремизму, терроризму и их финансированию. Общим знаменателем названных подходов выступает признание того, что предмет надзора произведен от содержания Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Вместе с тем ни одна из указанных концепций, на наш взгляд, не вполне отвечает на вызовы, порождаемые дистанционной вербовкой несовершеннолетних. Сложность здесь состоит не в недостатке надзорных полномочий прокурора, а в том, что сами нормативные основы прокурорской проверки ориентированы на «видимого» поднадзорного субъекта – оператора связи, владельца сайта, образовательную организацию. Применительно же к иностранным платформам, трансграничным мессенджерам и игровым сервисам, через которые, судя по данным исследователей (И.С. Хованов, Е.В. Демидова-Петрова), сегодня чаще всего ведётся вербовка подростков, классические формы надзорного реагирования – представление, предостережение, заявление в суд о признании информации запрещённой к распространению – обнаруживают ограниченную действенность. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 закрепляет стройный алгоритм работы, однако он принимался в иных технологических условиях и не отражает таких явлений, как таргетированная реклама деструктивного содержания, использование нейросетевых технологий в генерации экстремистского контента, игровые чаты как площадка первичного контакта.

Обращает на себя внимание и доктринальная неясность самого понятия «вовлечение» несовершеннолетнего в экстремистскую или террористическую деятельность в сетевом контексте. В уголовно-правовой литературе (А.Г. Хлебушкин, С.М. Кочои, Е.П. Сергун) вовлечение, как правило, связывается с активными действиями взрослого лица, направленными на

возбуждение у подростка желания совершить конкретное деяние. Однако в условиях алгоритмически опосредованной коммуникации контент, склоняющий несовершеннолетнего к экстремистским установкам, нередко распространяется без персонифицированного адресата: рекомендательная система поисковика, чат-бот или сообщество «по интересам» формируют у подростка радикальную картину мира опосредованно, что заставляет говорить о латентном цифровом экстремизме (термин, разработанный в трудах Е.В. Демидовой-Петровой, М.А. Одинцовой). Прокурорский надзор, построенный на реагировании *post factum*, с такой формой вовлечения справляется лишь частично, и здесь в полной мере проявляется методологическая трудность: прокурор выявляет уже наступившее нарушение, тогда как ключевой эффект вовлечения достигается ещё до того, как контент формально приобрел признаки запрещенного.

Представляется, что совершенствование надзорной деятельности должно идти по трём направлениям. Первое – доктринальное уточнение предмета надзора: в него следует включать не только соблюдение антиэкстремистского и антитеррористического законодательства, но и надлежащее исполнение владельцами информационных ресурсов и образовательными организациями специальных обязанностей, предусмотренных Федеральным законом № 149-ФЗ и Федеральным законом № 436-ФЗ; формальное разграничение этих предметов затрудняет на практике комплексную оценку состояния защищенности несовершеннолетнего. Второе – организационно-методическое: назрела потребность в обновлении приказа Генерального прокурора № 156 в части методики надзорных проверок, учитывающей специфику трансграничных платформ, алгоритмических рекомендаций и использования искусственного интеллекта при генерации деструктивного контента; соответствующие разработки уже ведутся в рамках Плана по внедрению технологий искусственного интеллекта в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 гг. Третье – субъектно-правовое: требуется нормативное закрепление расширенной обязанности владельцев социальных сетей и игровых платформ осуществлять проактивный мониторинг контента, адресованного несовершеннолетним, с передачей сведений о подозрительной активности в компетентные органы – по модели, использованной в Федеральном законе от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ.

Не менее значимым направлением совершенствования видится межведомственное взаимодействие прокуратуры с органами внутренних дел, Следственного комитета, ФСБ России, Роскомнадзора и подразделениями по делам несовершеннолетних. Анализ имеющейся практики (в работах В.М. Шинкарука, П.П. Фантрова, Н.А. Соловьёвой) убеждает, что именно разрозненность информационных потоков между этими субъектами создает «временное окно», в течение которого вовлечение подростка успевает перейти к реальным противоправным действиям. Координационная роль прокурора, закрепленная статьей 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в новых условиях требует не столько нового содержания, сколько нового инструментария – цифровых реестров поднадзорных событий, автоматизированного обмена данными, унифицированных критериев оценки рисков радикализации.

Изложенное позволяет прийти к нескольким взаимосвязанным выводам. Современное состояние прокурорского надзора за противодействием вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность в сети «Интернет» характеризуется отставанием концептуального аппарата и организационной модели от сложившейся архитектуры угроз; классическое понимание вовлечения как активного персонифицированного склонения нуждается в дополнении категорией алгоритмически опосредованного воздействия, что влечет и пересмотр предмета надзора. Приказ Генерального прокурора № 156 заслуживает обновления с учётом технологических реалий 2025–2026 гг. и завершения срока действия Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года: новая редакция стратегического документа должна прямо закрепить профилактику дистанционной вербовки несовершеннолетних в качестве самостоятельного приоритета. Надлежащая защита несовершеннолетнего в цифровом пространстве достижима лишь при одновременной донстройке материально-правового регулирования, процедурной стороны надзора и координационного механизма.

Библиографический список:

1. Агапов, П.В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики / П.В. Агапов, В.Н. Смылова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – № 6. – С. 855–871.
2. Демидова-Петрова, Е.В. Криминализация несовершеннолетних и меры её предупреждения в условиях глобализации / Е.В. Демидова-Петрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 134–137.
3. Ережипалиев, Д.И. Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, мерами прокурорского надзора / Д.И. Ережипалиев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1 (27). – С. 103–107.
4. Коршунова, О.Н. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию: учебное пособие / О.Н. Коршунова, И.И. Головкин, Д.М. Плугарь и др. – Санкт-Петербург: СПб юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2023. – 216 с.
5. Кочои, С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. – Москва: Проспект, 2005. – 176 с.
6. Мариничева, А.Ю. О прокурорском противодействии экстремизму / А.Ю. Мариничева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 118–121.
7. Фантров, П.П. Противодействие экстремизму в молодёжной среде: роль прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере / П.П. Фантров, В.М. Шинкарук, Н.А. Соловьёва // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 178–188.
8. Хованов, И.С. О некоторых проблемах противодействия прокуратурой Российской Федерации экстремизму в Интернете / И.С. Хованов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 460–471.

Огурцова Марина Леонидовна,
ведущий научный сотрудник отдела
научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере
защиты прав несовершеннолетних
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской
Федерации, кандидат юридических наук

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Тема обеспечения безопасности обучающихся в образовательных организациях включает широкий круг проблем. Речь идет о рисках проникновения посторонних лиц на территорию образовательных организаций, недостаточной готовности персонала к действиям в чрезвычайных ситуациях, формальном характере работы систем охраны, видеонаблюдения.

Одновременно сохраняются серьезные внутренние угрозы образовательной среды, связанные с травлей, проявлениями агрессии, распространением девиантного поведения несовершеннолетних.

Особую обеспокоенность вызывает недостаточная эффективность системы раннего выявления психологического неблагополучия несовершеннолетних. Повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность, чувство одиночества, отсутствие доверительного контакта со взрослыми и иные кризисные состояния детей нередко своевременно не выявляются, а необходимая психолого-педагогическая помощь не оказывается.

Существенное влияние на безопасность несовершеннолетних обучающихся оказывает и цифровое пространство. Если раньше негативный опыт общения ограничивался школьной средой, то сегодня травля может продолжаться постоянно через цифровые каналы коммуникации (программы мгновенного обмена сообщениями, социальные сети).

В сети Интернет несовершеннолетние сталкиваются также с рисками вовлечения в деструктивные сообщества, с романтизацией насилия и противоправного поведения [1, с. 125]. Публикации о нападавших на школы позволяют героизировать их и дают повод для подражания. Для части несовершеннолетних насилие начинает восприниматься как способ привлечь внимание. Учитывая актуальность данной проблематики, распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.04.2026 № 1030-р утвержден комплекс мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2026–2030 годы, в рамках которого будет проработан механизм межведомственного взаимодействия, обеспечивающий оперативное ограничение распространения в региональных СМИ и популярных сообществах социальных сетей материалов, описывающих вооруженные нападения на образовательные организации, сцены насилия и жестокости с участием детей.

В условиях роста современных угроз в образовательной среде особую значимость приобретает ранняя профилактика социально негативных явлений

среди несовершеннолетних. Для ее эффективной реализации необходимо создать комплексную систему выявления подростков, относящихся к группе риска, и организовать их психолого-педагогическое сопровождение.

К сожалению, именно здесь сохраняется ряд проблем: недостаточная обеспеченность школ педагогами-психологами, формальный характер деятельности школьных служб медиации, слабое межведомственное взаимодействие органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [3, с. 143].

Инциденты, связанные с насилием в образовательных организациях, свидетельствуют также о серьезных проблемах физической безопасности учебных заведений. Несмотря на принимаемые меры, продолжают выявляться нарушения антитеррористической защищенности: технические неисправности периметральных ограждений, стационарных металлодетекторов, кнопок тревожной сигнализации, систем видеонаблюдения, оповещения и управления эвакуацией. Имеют место факты непроведения учений и тренировок по реализации планов обеспечения антитеррористической защищенности образовательных объектов, отсутствия разработанного порядка эвакуации работников и обучающихся в случае получения информации об угрозе совершения или о совершении террористического акта.

Анализ состояния законности в рассматриваемой сфере свидетельствует о необходимости совершенствования деятельности образовательных организаций и органов управления образованием, направленной на снижение психоэмоциональной нагрузки на обучающихся, повышение эффективности профилактической работы, развитие кадрового потенциала, а также обеспечение комплексной безопасности в образовательной среде.

Одним из ключевых направлений является внедрение в образовательных организациях механизмов мониторинга уровня стресса, тревожности, асоциальных форм поведения обучающихся, в рамках которого можно выявить признаки социальной самоизоляции, длительной апатии либо неконтролируемой агрессии среди несовершеннолетних. Наряду с этим требуется принятие своевременных мер по организации эффективного психолого-педагогического сопровождения обучающихся, развитию системы оказания экстренной и кризисной психологической помощи в системе общего образования.

Важное значение имеет системная профилактика конфликтов, насилия и травли в образовательной среде. Для этого необходимо проводить анализ причин возникновения конфликтных ситуаций, а также осуществлять выявление обучающихся с признаками девиантного поведения [2, с. 41], своевременно направлять информацию о таких детях в органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Важным направлением профилактической работы является реализация программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних. Эффективность данной работы во многом зависит от функционирования служб школьной медиации и психолого-педагогических консилиумов, деятельность которых способствует предупреждению конфликтов и своевременному разрешению сложных ситуаций, улучшению психологического климата детского коллектива.

Существенное значение для обеспечения безопасности обучающихся имеет кадровое обеспечение образовательных организаций. В этой связи необходимо поддерживать достаточную численность педагогов-психологов, создавать условия для повышения уровня их квалификации и совершенствования навыков, необходимых для своевременного выявления и профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Необходимо также обеспечить соответствие установленным требованиям нормативов количества центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи и психолого-медико-педагогических комиссий.

Следует расширять доступ несовершеннолетних к социально значимой, спортивной, культурной и трудовой деятельности как фактору позитивной социализации и снижения криминогенных рисков, а также активизировать работу по правовому просвещению и правовому информированию несовершеннолетних и их законных представителей, в том числе в целях формирования навыков устойчивости к манипуляциям и пропаганде девиантного поведения.

Важным элементом системы сопровождения подростков группы риска является также использование возможностей специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа, в которые могут приниматься для содержания, воспитания и обучения дети в возрасте от восьми до восемнадцати лет, требующие специального педагогического подхода. В таких организациях проводятся мероприятия, направленные на профилактику девиантного поведения несовершеннолетних, формирование у них осознанной потребности в получении образования. Важно, чтобы такие организации рассматривались не как способ изоляции трудных подростков, а как элемент системы ранней профилактики и ресоциализации, направленный на предотвращение закрепления деструктивных моделей поведения и восстановление образовательной траектории обучающихся.

Отдельного внимания требует исполнение требований законодательства об антитеррористической защищенности объектов образования. В образовательных организациях должны обеспечиваться бесперебойное функционирование систем оповещения, готовность работников к действиям при угрозе совершения террористических актов.

Не менее важным направлением остается организация эффективного контрольно-пропускного режима. В частности, требуется обеспечивать корректную настройку чувствительности стационарных металлодетекторов с учетом минимизации реагирования на небольшие металлические предметы (например, ремни, металлические элементы одежды и иные бытовые предметы), что позволит избежать необоснованного увеличения времени пропуска обучающихся и избыточной нагрузки на охрану. Одновременно с этим необходимо разрабатывать и внедрять регламентированные алгоритмы действий персонала при срабатывании технических средств контроля, обеспечивая их практическую применимость и эффективность.

Поскольку ценностные ориентиры несовершеннолетних активно формируются под воздействием информационной среды, важно также развивать механизмы безопасности и ответственности цифровых платформ, в том числе проработать вопрос о возрастной верификации для доступа несовершеннолетних к различным информационным ресурсам, в том числе социальным сетям.

Библиографический список:

1. Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению / А.Л. Аристархов, Н.Д. Бут, А.С. Васнецова [и др.]. – М. : ИД «Городец», 2026. 472 с.
2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» / Д.И. Ережипалиев, Е.В. Ильгова, Э.Р. Исламова [и др.]. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2025. – 328 с.
3. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.В. Меркурьев, Т.В. Ашиткова, Н.Д. Бут [и др.]. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2025. – 248 с.

Омельянович Вадим Васильевич,
доцент кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении
уголовных, гражданских и арбитражных
дел Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОКУРОРСКИХ КАДРОВ К ДЕЙСТВИЯМ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Начиная рассмотрение заявленной темы, подчеркнем, что сложность, нестандартность и зачастую опасность ежедневной практической деятельности прокурорских работников, особенно при возникновении чрезвычайных ситуаций, обуславливает необходимость непрерывного повышения качественного уровня их профессиональной подготовленности. В связи с этим просматривается необходимость своевременного совершенствования форм, методов и технологий в формировании их компетенций [1, с. 340–346], а также очевидна потребность внедрения инновационных подходов на всех этапах работы в данном направлении (от этапа отбора кандидатов на поступление до этапа непосредственной реализации программ высшего образования, программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации).

А с учетом специфики складывающейся правоприменительной практики необходим непрерывный анализ и оценка эффективности применяемых подходов в формировании компетенций, а также своевременная актуализация необходимых компонентов существующего цикла подготовки высококвалифицированных специалистов для органов прокуратуры.

В связи с этим представляется своевременным рассмотреть актуальные векторы оптимизации в вопросах подготовки к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Отталкиваясь от содержания официального понятия чрезвычайной ситуации (далее – ЧС), можем констатировать необходимость формирования соответствующих компетенций прокурорских кадров [2, с. 85–94] в самом широком спектре вопросов, который не ограничивается только юридическими аспектами, а затрагивает также физическую, психологическую, медицинскую сферы подготовки. Это обуславливает необходимость внесения соответствующих корректировок в процесс целевой подготовки кадров для органов прокуратуры.

С учетом того, что деятельность прокурорских работников при возникновении ЧС может предполагать необходимость эвакуации как их самих, так и других граждан, то эти обстоятельства предполагают соответствующие физические способности (сила, выносливость, скорость). В связи с этим представляется возможным рассмотреть следующие предложения:

1. О внедрении системы отбора кандидатов в абитуриенты (на этапе выдачи целевого направления в комплектующем органе прокуратуры) к поступлению в Университет прокуратуры Российской Федерации (включая филиалы) (далее – УП РФ) с учетом определения среди них наиболее подготовленных по физкультуре.

2. О внедрении дополнительного вступительного испытания по физической подготовке в рамках приемной кампании в УП РФ [3, с. 115–121]. Это позволит проводить конкурсный отбор кандидатов на поступление с учетом вышеназванных требований.

3. Внести соответствующие изменения в реализуемые УП РФ образовательные программы в части распределения академических часов учебной дисциплины по физической подготовке (далее – ФП) на все пять лет обучения в специалитете. Подчеркнем, что отсутствие на пятом курсе данной учебной нагрузки может оказать негативное воздействие на физические кондиции выпускников. Отметим, что соответствующей физической активностью обеспечивают себя не все 100% обучающихся в период отсутствия рассматриваемого учебного предмета. В полной мере, как правило, продолжают заниматься ФП именно спортивно ориентированные студенты, а другая часть пятикурсников может вести малоподвижный образ жизни, что за календарный год отсутствия учебной дисциплины по ФП создает риск формирования у них состояния растренированности, что в условия ЧС недопустимо.

Следующее предложение касается рассмотрения возможности включения в реализуемые в УП РФ учебные планы основных образовательных программ практической подготовки студентов в форме командно-тактических учений с отработкой соответствующих фабул. Это позволит обучающимся приобрести практические навыки решения стоящих перед органами прокуратуры задач в условиях ЧС. Наряду с необходимостью реализации непосредственно прокурорской деятельности перед студентами будут ставиться задачи, решение которых было бы связано с авариями, катастрофами, опасными природными явлениями и т.д. Это позволило бы им подготовиться к практической работе в том числе с точки зрения морально-психологических аспектов.

Также видится фундаментальным решение вопроса о привлечении к преподаванию дисциплины по теме безопасности жизнедеятельности участников специальной военной операции, которые на учебных занятиях

смогут передать свой опыт студентам; максимально эффективно формировать у них компетенции по обеспечению собственной безопасности и действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций [4, с. 80–83]. Такое взаимодействие обучающихся с преподавателем также окажет благоприятное влияние на подрастающее поколение будущих прокурорских работников с точки зрения патриотического воспитания [5, с. 130–135; 6, с. 122–128; и др.], что является принципиально важным элементом их образования.

Отметим, что вышеназванные предложения по оптимизации целевой подготовки прокурорских кадров при работе в условиях ЧС можно экстраполировать также и на реализацию дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации (далее – ПК) в отношении действующих оперативных работников. Это, на наш взгляд, послужит импульсом для повышения качества учебного процесса для слушателей УП РФ. Представляется, что включение в программы ПК соответствующих тем с практическими занятиями по физической подготовке и тактической медицине позволит повысить эффективность их квалификации в вопросах работы при возникновении ЧС.

В завершение статьи подчеркнем, что рассмотренные нами подходы помогут повысить качество формирования компетенций кадров для системы органов прокуратуры при одновременном обеспечении преемственности поколений с максимальным сохранением профессиональных традиций и обычаев.

Библиографический список:

1. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ.
2. Коршунова, О.Н. Актуальные вопросы формирования компетентного прокурорского работника / О.Н. Коршунова // Современный ученый. – 2026. – № 2. – С. 340–346.
3. Басова, Ю.Ю. Специфика задач, функций и направлений деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях: проблемы теории и законодательства / Ю.Ю. Басова // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 5. – С. 85–94.
4. Омелянович, В.В. Актуальные вопросы подготовки кадров для органов прокуратуры / В.В. Омелянович // Современные проблемы и тенденции развития органов прокуратуры : мат-лы круглого стола, Екатеринбург, 4 апреля 2025 года. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, – 2025. – С. 115–121.
5. Омелянович, В.В. Актуальные аспекты подготовки кадров по вопросам обеспечения безопасности органов и организаций прокуратуры при возникновении чрезвычайных ситуаций / В.В. Омелянович // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 2 (106). – С. 80–83.
6. Шобухин, В.Ю. Государственно-патриотическое и этическое воспитание молодых специалистов органов прокуратуры как неотъемлемый элемент повышения эффективности прокурорской деятельности / В.Ю. Шобухин // Организация прокурорской деятельности: традиции и инновации. Сухаревские чтения : сб. мат-лов IX Всероссийской научно-

практической конференции (к 100-летию великого практика и ученого А.Я. Сухарева), Москва, 6 октября 2023 года. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – С. 130–135.

7. Омелянович, В.В. Воспитательно-патриотические аспекты кадрового обеспечения образовательной деятельности как условие совершенствования публично-правового механизма защиты права граждан на образование / В.В. Омелянович // Криминалисть. – 2024. – № 1 (46). – С. 122–128.

Осадчук Екатерина Александровна,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Крымского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской
Федерации, кандидат юридических наук

ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Важнейшим принципом правовой системы является законность. Принципы законности и конституционной законности соотносятся как общее и частное. Принцип законности рассматривается как требование правомерного поведения от всех субъектов правовой системы. К наиболее существенным признакам законности относят: обязательность соблюдения и исполнения законов; реализация властных полномочий исключительно на основе закона при соблюдении прав и свобод человека и гражданина, защита от необоснованного привлечения к ответственности; пресечение и предупреждение правонарушений, обеспечение неотвратимости наказания за нарушение законов.

Конституционная законность как принцип деятельности всех субъектов права и как одно из условий существования правового государства подразумевает строгое и неукоснительное соблюдение в общественной практике конституционных положений. Евдокимов В.Б. выделяет следующие важные принципы Конституции как основы законности: принцип верховенства Конституции, принципы суверенного, демократического, социального и светского государства как элементы конституционной законности, принцип федерализма, существование демократического государства [1, с. 12]. Содержание конституционной законности зависит от общего уровня развития законности в конкретном обществе и государстве.

Конституционная законность – это не просто часть общего режима законности, а его основа, ядро. Это обусловлено тем, что главные параметры общественного и государственного строя, статуса человека и гражданина определены Основным законом – Конституцией. К числу важных для состояния конституционной законности относят нормы о высшей ценности человека и его прав и свобод, о суверенном федеративном демократическом правовом социальном светском государстве с республиканской формой правления, о плюралистическом обществе, принципы открытого, информационного

и инновационного современного общества, партнерских взаимоотношений личности, государства, коллектива и общества, труда и капитала при учете общественных интересов, взаимного учета прав и законных интересов всех народов и территориальных публичных коллективов, социальной справедливости, социальной ответственности [2, с. 10].

Отметим, что принципы Конституции также являются и объектом обеспечения законности в целом. Конституционная законность находит свое конкретное воплощение, по сути, во всех конституционных нормах, поскольку любое положение Основного закона закладывает правовое начало для создания норм федеральных конституционных законов, федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации, а также иных нормативных правовых актов.

Конституционная законность является важнейшим принципом правовой системы России, закрепляемым в Конституции Российской Федерации. Она представляет собой категорическое по своему содержанию требование правомерного поведения всех субъектов правовой и политической систем, основанное на соблюдении правовых норм, прежде всего Конституции. Данный принцип является производным от сущности правового демократического государства, выражает закономерность их развития и функционирования.

Принцип конституционной законности как необходимость (требование) правомерного поведения внешне выражается в своевременном издании, изменении, отмене и систематизации конституционных, правовых по своему содержанию и форме законов (норм права), а также в их неуклонном соблюдении, точном исполнении, правильном применении всеми органами государства, должностными лицами, объединениями и гражданами.

Принцип конституционной законности также является гарантией обеспечения прав и свобод граждан, осуществления принципа верховенства права, верховенства Конституции, функционирования государственного аппарата на основе разделения властей и принципа ограничения власти законом. Конституционная законность выступает как важнейший идеологический принцип правовой и политической систем. Посредством конституционной законности реализуется одна из важнейших задач Конституции – распределение и ограничения власти законом в целях обеспечения прав и свобод граждан [3, с. 11].

К конституционным принципам относят не только прямо сформулированные в Основном законе, но и принципы, подразумеваемые, выявляемые Конституционным Судом РФ в процессе толкования норм Конституции и законов РФ. Зачастую Конституционный Суд опирается не на прямые нормы Конституции, а выявляет «скрытый» смысл нормы, дает свою интерпретацию их содержания, оценивает совокупность конституционных установлений, то есть речь идет о режиме конституционной законности, который обеспечивается в том числе Конституционным Судом [4, с. 234].

Характеризуя законность как принцип деятельности государства, метод поведения и деятельности субъектов, специального правового режима общественно-политической жизни, понятие конституционной законности предполагает соблюдение требований и норм, прямо содержащихся в Конституции государства или вытекающих из нее, а также законов и иных нормативных правовых актов государства. Слово «конституционная» в данном

случае подчеркивает, что требование законности всегда является конституционным по своей сути, так как общие предпосылки законности заложены в Конституции государства и развиты в его законах [5, с. 22].

Законность необходимо трактовать не как систему актуального законодательства, а как систему действующего в обществе права. Кроме того, немаловажное значение в определении конституционной законности приобретает единообразное применение конституционно-правовых норм, так как требование подчиняться закону выступает в роли основного принципа законности как таковой и конституционной законности, в частности. Конституционную законность необходимо толковать не только с позиции соответствия законодательства Конституции РФ, но и с позиции его единообразного применения [6, с. 8].

В современных условиях конституционную законность следует определить как необходимое условие создания и функционирования демократического правового государства, выражающееся в строгом и неуклонном соблюдении предписаний и требований Конституции РФ и иных конституционно-правовых норм государством в лице его органов и должностных лиц, общественными и иными объединениями и физическими лицами, обладающими особым конституционно-правовым статусом. В данном случае речь идет о конституционном принципе организации и деятельности органов государственной власти в Российской Федерации.

Таким образом, необходимо отметить, что конституционные принципы, являющиеся фундаментом правовой системы России, прямо содержащиеся в Конституции или вытекающие из нее, определяют все аспекты содержания законности, в том числе такого системообразующего элемента правового государства, как конституционная законность. Укрепление конституционной законности является необходимым условием сохранения целостности Российской Федерации и функционирования демократического правового государства и гражданского общества.

С каких бы позиций ученые не подходили к определению законности, неизменным ее требованием остается соблюдение конституционных норм и вытекающих из них нормативных правовых актов, независимо от правового регулирования общественных отношений в обычных, ординарных или экстраординарных, чрезвычайных ситуациях. Принцип конституционной законности проходит через всю правовую и политическую системы, является основой их формирования.

Единство правового пространства обеспечивается реализацией принципа конституционной законности и зависит от ее обеспечения. Демократизация, совершенствование политической и избирательной систем, формирование органов исполнительной власти, совершенствование федеративных отношений оказывают влияние на реализацию принципа конституционной законности.

Осуществление политической власти, уровень обеспечения свободы и интересов народа в государстве зависит от степени реализации принципа конституционной законности. Она выступает как важнейший идеологический принцип правовой и политической систем.

Библиографический список:

1. Евдокимов, В.Б. Конституция как нормативно-правовая основа конституционной законности в Российской Федерации / В.Б. Евдокимов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 1 (45). – С. 10–14.
2. Хабриева, Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 3 (147). – С. 3–11.
3. Нечипас, Ю.В., Побережная, И.А. Принцип конституционной законности и его реализация / Ю.В. Нечипас, И.А. Побережная // Труды Академии МВД России. – 2016. – № 3 (39). – С. 9–11.
4. Малый, Д.А. Законность как конституционный принцип / Д.А. Малый // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 6. – С. 234–235.
5. Громова, О.Н. Конституционная законность и ее обеспечение в Российской Федерации / О.Н. Громова // Труды Академии МВД России. – 2011. – № 4 (20). – С. 20–23.
6. Портнова, Е.В. Конституционная законность как политико-правовой режим / Е.В. Портнова // Современное право. – 2019. – № 12. – С. 5–9.

Островерхий Юрий Александрович,
прокурор отдела по надзору
за соблюдением прав и свобод граждан
управления по надзору за исполнением
федерального законодательства
прокуратуры Республики Крым

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНФОРМАЦИИ

Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [1].

В соответствии с законодательством, организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также принятыми во исполнение их документами прокуратур субъектов, приоритетными направлениями работы органов прокуратуры с учетом современных вызовов являются надзор за соблюдением прав военнослужащих, за исполнением законодательства о труде и иные.

Вместе с тем с 2022 года широкое распространение получило такое направление прокурорского надзора, как надзор за исполнением законодательства об информации, защите информации, а также при обработке персональных данных.

Только за 1 квартал текущего года прокуратурой республики на анализируемом направлении выявлено более 150 нарушений законодательства.

Указанное в том числе свидетельствует о распространенности нарушений в анализируемой сфере.

Например, нередко в ходе проведения проверочных мероприятий в обозначенной сфере можно выявить у оператора обработки персональных данных отсутствие политики обработки персональных данных, установить факт ненадлежащей защиты персональных данных и иные нарушения законодательства.

При этом указанное положение вещей, по мнению большинства граждан Российской Федерации, является чем-то нетривиальным, поскольку всё чаще граждане сталкиваются с деятельностью органов прокуратуры в иных качествах, например, при участии государственных обвинителей в судах, при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и т.д.

Однако работа органов прокуратуры по выявлению и пресечению нарушений в сфере информации в сложившихся в настоящий момент условиях является необходимой, а иногда и критически важной.

Одним из важнейших направлений работы органов прокуратуры можно считать деятельность по выявлению в ходе мониторинга на интернет-ресурсах запрещенной к распространению информации и их последующую блокировку в судебном либо внесудебном порядке.

Перечень оснований и порядок блокировки информации регламентирован Федеральным законом от 27.07.2006 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], во исполнение которого Генеральной прокуратурой Российской Федерации утверждена Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26.08.2019 № 596 [3].

Анализом указанных актов можно сделать вывод, что органы прокуратуры наделены полномочиями по внесудебной блокировке официальных документов, а также информации в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

При этом ряд типов информации, распространяемой с нарушением закона, в указанных актах не закреплены и подлежат блокировке в судебном порядке, что делает процесс исключения противоправной информации из открытого доступа более длительным.

В настоящей работе рассмотрим лишь некоторые примеры такой информации.

Так, актуальным для Республики Крым особенно в летний период является создание сайтов-двойников известных учреждений гостиничного комплекса, на которых размещается информация об акциях и скидках при бронировании номеров, и при вводе данных банковской карты денежные средства с неё списываются в полном объеме.

Блокировка указанного сайта в случае его выявления будет осуществлена в судебном порядке, что увеличивает срок его беспрепятственного действия в сети Интернет.

Другим примером являются сайты, предлагающие продажу баз данных граждан Российской Федерации. Указанные сайты также подлежат блокировке исключительно в судебном порядке.

Отсутствие у прокурора полномочий по внесудебной блокировке подобного рода сайтов влечет длительность существования (работы) подобных сайтов, размещающих информацию, запрещенную к распространению.

Учитывая место и роль органов прокуратуры в современном механизме обеспечения прав и свобод граждан, представляется необходимым расширение категорий интернет-ресурсов, подлежащих блокировке органами прокуратуры и (или) иными органами власти во внесудебном порядке.

Библиографический список:

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.08.2019 № 596 // СПС «КонсультантПлюс».

Парашевина Елена Анатольевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Гундериц Галина Альбертовна,
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат технических наук

НЕТИПИЧНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время коррупция стала общемировой проблемой, борьба с которой продолжается уже большое количество лет. Различные страны применяют свои методы противодействия коррупции, а также по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Рассматривая подходы некоторых государств к борьбе с коррупцией, можно выделить те,

которые значительно отличаются от традиционных стратегий и используются в первую очередь в целях укрепления правопорядка.

В.Д. Андрианов в своих работах отмечает, что особый успех в противодействии коррупции достигнут такими государствами, как Дания, Финляндия, Швеция, Канада, Нидерланды, Австралия, Сингапур, Люксембург, Швейцария, Германия, Великобритания, Израиль, Франция, США. По итогам 2025 года, страной с самым низким уровнем коррупции является Дания (89 баллов), она возглавляет список уже на протяжении многих лет. Как отмечает А.Ю. Лионов, особенностью является то, что «в датской антикоррупционной политике, в отличие от отечественной, огромное внимание уделено именно частному сектору». В Дании используются нетипичные для других государств методы борьбы с коррупцией в законодательной сфере и работе с общественностью.

В стране применяется такая превентивная мера по борьбе с коррупцией, как обязательное подписание антикоррупционного договора при трудоустройстве, в котором стороны обязуются не принимать и не давать взятки. Если же лицо не согласно подписывать договор, то это может стать поводом для отказа в приёме на работу, а в случае нарушения обязательства – влечёт за собой увольнение с отметкой в личном деле о совершении коррупционного правонарушения. Рассматривая датское законодательство, можно выделить норму, благодаря которой каждый человек имеет право от своего имени либо анонимно обратиться в правоохранительные органы с прошением о проведении проверки в любой частной или государственной организации. Стоит отметить, что в Дании высок уровень доверия к правоохранительным органам, деятельность которых строится на принципах гласности и открытости.

Анализируя вышеприведенные нетипичные меры по борьбе с коррупцией в зарубежных странах, можно сделать вывод, что для решения данной проблемы необходим комплексный подход, сочетающий в себе различные механизмы обеспечения политики противодействия коррупции. Так, Ф.В. Готыжева к числу таких мер по предупреждению и пресечению коррупции относит «формирование высокоэффективной правовой стратегии и прочного антикоррупционного законодательства; создание хорошо отлаженной системы государственных органов, способной обеспечить качественное исполнение принятых антикоррупционных решений; повышение уровня прозрачности управленческих процессов; улучшение контроля и отчетности; оптимизацию материального стимулирования и социальной защиты государственных и муниципальных служащих; внедрение кодексов этики».

Особый интерес для рассмотрения проблемы противодействия коррупции и борьбы с ней представляет Китай, где антикоррупционное законодательство считается одним из самых жестких в мире. Так, например, согласно Уголовному кодексу КНР, за коррупционное преступление предусмотрена смертная казнь, которая была введена в 1985 г. в связи с распространением взяточничества в стране. Китай является «закрытой» для изучения проблематики коррупционных правонарушений страной и подвержен большому влиянию древнекитайских традиций. Как отмечают С.А. Просеков и Р.В. Головлёв, «в стране нет в открытом доступе информации о финансовом состоянии чиновников, а документы,

отражающие процессы принятия нормативно-правовых актов и результаты решений судов, не публикуются». Несмотря на жестокие методы борьбы с коррупцией, Китай остается в середине мирового рейтинга стран по уровню коррупции.

В некоторых странах введена система поощрения за сообщение в правоохранительные органы о случаях совершения коррупционных правонарушений. Например, в Казахстане подобная система действует с 2015 года и была введена постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1131 «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции» (утратило силу). В настоящее время регулируется правилами, утвержденными приказом Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 29 августа 2023 года № 270 «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих (оказавших) содействие в противодействии коррупции». Подобный нормативный правовой акт есть и в Российской Федерации, который дает возможность гражданам, способствующим поимке преступников и раскрытию преступлений, получить денежные средства в размере от 50 тысяч до 10 миллионов рублей. Данное положение закреплено приказом МВД России от 6 июня 2018 г. № 356 «Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших».

Помимо этого, в некоторых регионах России также разрабатываются антикоррупционные инициативы, направленные на материальное поощрение граждан за помощь в выявлении и раскрытии коррупционных преступлений. Например, в Нижегородской области с 1 января 2026 года введена «премия за честность», по которой государственным служащим региона выплачивают единовременное поощрение в размере 50% от месячной зарплаты за уведомление о фактах обращения в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений.

Таким образом, можно сделать вывод, что коррупция как глобальная проблема существует во всех странах мира, которые, в свою очередь, применяют различные методы по борьбе с ней. Безусловно, разработка и внедрение антикоррупционных мер требует учета специфики национальной правовой системы, а также культурных особенностей. Анализ зарубежного опыта показывает разнообразие подходов к решению проблемы противодействия коррупции, их эффективность и недостатки. Поэтому только комплексный подход позволит эффективно противостоять коррупции и создать условия для устойчивого экономического роста и социальной справедливости в России.

Библиографический список:

1. Андрианов, В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность : монография. – М, 2011. – С. 34.
2. Лионов, А.Ю. Антикоррупционная политика Дании / А.Ю. Лионов // Скиф. – 2020. – № 5-1 (45). – С. 354.

3. Готыжева, Ф.В. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России / Ф.В. Готыжева // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2018. – № 4. – С. 5.

4. Просеков, С.А., Головлёв, Р.В. Борьба с коррупцией в современном Китае / С.А. Просеков, Р.В. Головлёв // Манускрипт. – 2021. – № 5. – С. 926.

5. Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших: приказ МВД России от 6 июня 2018 г. № 356. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71916396/> (дата обращения: 01.03.2026).

Полохова Владислава Андреевна,
помощник прокурора Нахимовского района
города Севастополя

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

На современном этапе развития общества цифровые технологии оказывают существенное влияние на все сферы общественных отношений. Использование информационно-телекоммуникационных сетей значительно расширило возможности распространения информации, что наряду с положительными аспектами создало дополнительные условия для осуществления противоправной деятельности. Одним из наиболее опасных проявлений подобных процессов является распространение экстремистской идеологии посредством сети Интернет [15, с. 34].

В настоящее время экстремистская деятельность активно адаптируется к условиям цифровой среды. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные электронные платформы используются для распространения запрещенных материалов, координации противоправной деятельности и вовлечения новых участников в экстремистские сообщества [3].

В связи с этим возрастает значение деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, осуществляющих надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности [2]. Цифровизация общественных отношений требует совершенствования существующих механизмов прокурорского реагирования и внедрения современных форм надзорной деятельности.

Развитие цифровых технологий существенно изменило способы распространения экстремистской идеологии. Если ранее противоправная деятельность преимущественно носила локальный характер, то в современных условиях распространение информации осуществляется практически мгновенно и не ограничивается территориальными пределами государства [5].

Характерной особенностью цифрового экстремизма является высокий уровень анонимности пользователей. Использование технологий шифрования,

VPN-сервисов и иностранных интернет-площадок существенно осложняет выявление лиц, причастных к распространению запрещенной информации [4].

Дополнительную опасность представляет распространение экстремистских материалов под видом развлекательного, общественно-политического либо информационного контента. Подобные способы подачи информации способствуют вовлечению в противоправную деятельность молодежи и иных социально уязвимых категорий граждан [14, с. 112].

Следует отметить, что современные цифровые технологии позволяют осуществлять не только распространение экстремистской идеологии, но и финансирование противоправной деятельности, создание закрытых интернет-сообществ [8].

Органы прокуратуры Российской Федерации занимают важное место в системе обеспечения законности и противодействия экстремистской деятельности [11, с. 98]. В условиях цифровизации данная деятельность приобретает новые формы и требует применения современных методов надзора.

Одним из основных направлений деятельности прокуратуры является мониторинг информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целях выявления материалов экстремистского характера. При установлении фактов распространения запрещенной информации прокуроры вправе принимать меры реагирования, включая обращение в суд с требованиями о признании материалов экстремистскими и ограничении доступа к ним [3].

Существенное значение имеет координационная функция прокуратуры, выражающаяся во взаимодействии с правоохранительными органами, органами государственной власти и иными субъектами профилактики экстремизма [2].

В современных условиях особую актуальность приобретает использование цифровых технологий в деятельности прокуратуры. Применение автоматизированных систем анализа информации, технологий обработки больших данных и отдельных элементов искусственного интеллекта способствует повышению эффективности выявления противоправного контента и оперативности прокурорского реагирования [5].

Кроме того, важным направлением деятельности прокуратуры остается профилактика экстремизма, включающая проведение информационно-разъяснительной работы, направленной на формирование правовой культуры населения и предупреждение вовлечения граждан в противоправную деятельность [11, с. 143].

Несмотря на совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму, деятельность органов прокуратуры сопровождается рядом проблем практического характера.

Одной из основных сложностей является трансграничный характер цифрового пространства. Значительная часть интернет-ресурсов, содержащих запрещенные материалы, располагается за пределами юрисдикции Российской Федерации, что затрудняет оперативное ограничение доступа к противоправной информации [5].

Дополнительные сложности связаны с использованием технологий анонимизации и зашифрованных каналов связи, препятствующих установлению личности правонарушителей и сбору доказательственной базы [4].

Высокая скорость распространения информации также существенно осложняет деятельность правоохранительных органов. Даже после блокировки отдельных интернет-ресурсов противоправный контент может повторно размещаться на иных цифровых площадках [3].

Отдельного внимания заслуживает необходимость соблюдения баланса между обеспечением государственной и общественной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан, включая право на свободу слова и распространение информации [1].

Современные условия требуют дальнейшего совершенствования деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму.

Одним из перспективных направлений является развитие цифровых механизмов надзора, включая использование технологий автоматизированного поиска противоправного контента и интеллектуального анализа информации [5].

Не менее важным представляется повышение уровня профессиональной подготовки работников прокуратуры в области информационных технологий, цифровой безопасности и особенностей функционирования интернет-пространства [11, с. 156].

Кроме того, требуется дальнейшее совершенствование законодательства Российской Федерации с учетом появления новых способов распространения экстремистской идеологии и использования современных цифровых платформ [3].

Важным условием повышения эффективности противодействия экстремизму является развитие международного сотрудничества, направленного на обмен информацией и координацию деятельности по пресечению противоправной активности в сети Интернет [8].

Таким образом, цифровизация общественных отношений оказала существенное влияние на характер экстремистской деятельности, сделав её более технологичной, масштабной и скрытой. В данных условиях органы прокуратуры Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении законности и противодействии распространению экстремистской идеологии [2].

Эффективность прокурорского надзора в рассматриваемой сфере во многом зависит от своевременного совершенствования законодательства, внедрения современных цифровых технологий и повышения уровня профессиональной подготовки работников прокуратуры [11].

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, одобренных в 2020 г.).
2. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. действующая).
3. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. действующая).
4. О противодействии терроризму : Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. действующая).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. действующая).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. действующая).

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. действующая).

8. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124.

Попик Михаил Юрьевич,
Перовская межрайонная прокуратура
г. Москвы Российской Федерации

МЕСТО И РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРОВ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства обуславливают необходимость осуществления прокурорского надзора. Прокуратура, являясь одним из ключевых институтов публичной власти в современных государствах (несмотря на разнообразие организационных форматов деятельности соответствующих государственных органов за рубежом [4]), традиционно наделяется полномочиями по использованию мер юридической ответственности, объем которых существенно различается в том числе в зависимости от места и роли прокуратуры в системе разделения властей.

Российская прокуратура, с момента своего создания ассоциируемая с метафорой «государева ока» (лат. *oculus principis* или *oculus domini*), занимает особое место в правовой системе (в отличие от большинства зарубежных стран, где прокуратура либо входит в систему исполнительной власти – как, например, в США, – либо является частью судебного корпуса – как в Германии (нем. *die Staatsanwaltschaft*). Научная дискуссия о ее роли и месте в контексте разделения властей (включая положения, касающиеся существования ветви прокурорской власти [3, с. 14–20]) до настоящего времени не утратила своей актуальности. При этом анализ совокупности научных работ последних лет на данную тему позволяет сделать вывод о преобладании позиции, касающейся определения места прокуратуры в структуре президентской власти [2, с. 36].

Независимый статус российской прокуратуры и характер ее административно-юрисдикционных полномочий неоднократно подвергались оценке Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в постановлении от 18.02.2000 № 3-П указывалось, что прокуратура не входит ни в одну из ветвей власти и является своего рода инструментом системы сдержек и противовесов. Характер возложенных на прокуратуру публичных функций, связанных с поддержанием правопорядка и обеспечением своевременного восстановления

нарушенных прав и законных интересов граждан и их объединений, предполагает адекватное реагирование с помощью всех доступных законных средств на ставшие известными факты нарушения законов (постановление от 17.02.2015 № 2-П). При осуществлении надзора прокурор наделен компетенцией по возбуждению любых дел об административных правонарушениях (ст. 25.11 КоАП РФ). Вместе с тем полная подмена прокурором органов (должностных лиц), уполномоченных возбуждать дело об административном правонарушении, не согласуется с целями и задачами прокурорского надзора (постановление от 06.04.2023 № 15-П).

Обозначенная ситуация, отраженная в правовых позициях органа конституционного контроля, порождает фундаментальный вопрос: если прокуратура не является ни судом, ни органом исполнительной власти, каков предел ее полномочий по применению мер принуждения? Применительно к производству об административных правонарушениях в научной литературе данный вопрос получил противоречивое разрешение: начиная от предложений по расширению компетенции прокурора (вплоть до предоставления ему полномочий по рассмотрению отдельных категорий дел об административных правонарушениях) до утверждений о необходимости ограничения круга составов, дела по которым он уполномочен возбуждать.

Представляется, что в теории разделения властей метафора «государева ока» помогает сформулировать тезис, касающийся обособленности статуса прокуратуры. Прокуратура как орган надзора не может принадлежать ни одной из ветвей власти, поскольку должна быть «оком государства как единого целого», стоящим над всеми ветвями власти и обеспечивающим публичный интерес. При этом суть прокурорского надзора – быть гарантом законности, а не инструментом наказания. Законность выступает универсальным показателем уровня общественной дисциплины и обладает значимой социальной ценностью. Она пронизывает все сферы общественной жизни, обеспечивая справедливое и сбалансированное разграничение интересов людей [5, с. 8].

Таким образом, с учетом места прокуратуры в системе разделения властей, ее статуса как самостоятельного органа государственной власти, который использует особые формы и методы реализации своих полномочий [1, с. 9–23], плодотворным представляется дальнейшее осмысление ее сущности как элемента механизма социального контроля, обладающего имманентными ему свойствами реализации мер юридической (включая административную) ответственности. Объем такого рода полномочий должностных лиц прокуратуры, определяемый процессуальным законодательством, на наш взгляд, не предполагает назначения административного наказания, отвечающего характеру компетенции иных субъектов административной юрисдикции, относящихся к судебной либо исполнительной ветвям власти (гл. 23 КоАП РФ), что не исключает возможности инициирования прокурорами административного преследования, а также применения ими в рамках закона отдельных императивно-распорядительных средств.

Библиографический список:

1. Бондарь, Н.С., Джагарян, А.А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5.
2. Винокуров, А.Ю. Прокуратура и публичная власть / А.Ю. Винокуров // Прокуратура в системе публичной власти (Сухаревские чтения) : сб. материалов XI Всероссийской науч.-практ. конф. (Москва, 10 октября 2025 г.) / под общ. ред. И.М. Мацкевича (под науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. К.И. Амирбеков и др.); Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2026.
3. Мельников, Н.В. Прокурорская власть / Н.В. Мельников // Государство и право. – 2002. – № 2.
4. Прокуратуры стран мира. Справочник / В.Н. Додонов; под общ. ред. П.А. Смирнова. М. : ИД «Городец», 2026.
5. Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики / Б.В. Андреев, Л.И. Александрова, М.С. Андрианов [и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2023.

Попов Сергей Викторович,
 профессор кафедры гражданского права
 Крымского филиала ФГБОУ ВО
 «Российский государственный
 университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
 доктор юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Цифровое развитие и трансформация, которая стала охватывать все сферы общественной жизни без исключения, существенно затронула и институты публичного управления. В последнее десятилетие особую значимость приобретает вопрос интеграции систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в механизмы функционирования государственных структур. Важно отметить, что такая ситуация обусловлена рядом причин, а именно: ежедневно государственные органы сталкиваются с возрастающими объемами информации, объемом документооборота, необходимостью оперативного принятия решений и поиска эффективных и современных форм взаимодействия с физическими и юридическими лицами (например, при предоставлении государственных или муниципальных услуг). В этих условиях технологии анализа больших данных и машинного обучения рассматриваются как один из наиболее перспективных ресурсов для оптимизации аппарата и усовершенствования государственного управления.

Отметим, что нормативной основой для поступательного развития данного направления в нашей стране стало принятие Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Глава государства В.В. Путин обозначил стратегическую задачу

по ускоренному внедрению технологий ИИ, что повлекло за собой активизацию научных дискуссий, корректировку правовых подходов и появление новых организационных механизмов в деятельности публичных органов власти. Именно с этого периода можно наблюдать изменение подходов к восприятию ИИ – от сугубо технологического эксперимента к полноценному элементу государственной политики.

Переход от автоматизации отдельных процессов к созданию систем, способных анализировать большие объёмы данных, принимать решения и прогнозировать последствия, существенно изменяет традиционно функционирующие модели государственного управления. Важно отметить, что если ещё пять лет назад использование ИИ в деятельности государственных органов воспринималось преимущественно как перспективная технологическая новинка, то на сегодня это рассматривается как объективная необходимость, обусловленная ростом сложности управленческих задач и объёма информации, требующей оперативной обработки.

Научные исследования в сфере применения ИИ в деятельности государственных органов развивались в несколько этапов. Первый этап характеризовался преимущественно акцентом на повышение эффективности государственного аппарата. Однако по мере накопления эмпирического материала и практики применения ИИ всё большее внимание исследователей стало уделяться вопросам правовых, этических, организационных и социальных рисков, связанных с делегированием части властных полномочий технологиям ИИ. Однако прежде чем переходить к анализу современного состояния и практики внедрения, необходимо обратиться к наработанному научному опыту, к тому, как формировалась сама идея применения ИИ в деятельности государственных органов. Взгляды учёных и практиков по данному вопросу изменялись параллельно с развитием технологий и объемами внедрения в деятельность государственных органов ИИ. Изучение существующих научных позиций по данной проблематике позволяет выявить ключевые закономерности и тенденции развития исследуемой сферы, а также определить вопросы, которые до настоящего времени не становились предметом самостоятельного научного исследования.

В отечественной юридической науке исследуемые вопросы получили определенное внимание, особенно в контексте реализации национальной стратегии развития ИИ. Вместе с тем, несмотря на определенное количество работ, посвященных отдельным аспектам применения ИИ в деятельности органов государственной власти, комплексное осмысление развития научных подходов к этой проблеме остается недостаточно исследованным. Многие вопросы, касающиеся влияния технологий ИИ на принципы организации государственной службы, механизмы принятия управленческих решений и обеспечение конституционных гарантий прав граждан, требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Так, исследование Н.М. Фоменко, Д.А. Кузьминой и Е.П. Миргород посвящено анализу потенциала применения технологий ИИ в сфере государственного управления и проводится комплексное исследование рисков, возможностей и перспектив интеграции ИИ в деятельность органов публичной власти. Установлено, что правовое регулирование данной сферы

характеризуется рядом особенностей и существенных недостатков, при этом авторами акцентируется внимание на практических аспектах внедрения и необходимости баланса между инновациями и защитой прав граждан. Одной из ключевых особенностей правового регулирования, выделяемых авторами, является эволюция теоретических концепций цифрового правительства в сторону алгоритмического управления, при котором данные и модели на базе ИИ интегрируются в процессы выработки решений. Кроме того, авторы выделяют различия в уровне готовности различных отраслей экономики и социальной сферы к использованию ИИ. Авторы констатируют, что внедрение ИИ в госсекторе находится лишь на начальном этапе, что требует постоянной поддержки внедрения ИИ даже в относительно продвинутых отраслях. Авторы также выделяют три ключевых измерения потенциала ИИ в государственном управлении: повышение эффективности (автоматизация рутинных операций, снижение издержек, интеллектуальные системы поддержки принятия решений); повышение прозрачности (алгоритмический аудит, выявление нарушений, усиление подотчетности, анализ общественного мнения и обращений граждан); повышение адаптивности (предиктивная аналитика, цифровые двойники, персонализация услуг, сценарный анализ). При этом авторы подчеркивают, что для реализации каждого из этих направлений необходимо соответствующее правовое и этическое обеспечение [1].

Заслуживают внимания исследования, посвященные анализу региональных и институциональных аспектов внедрения ИИ в деятельность государственных органов. В исследовании Ю.А. Варламовой и Е.Н. Корнейченко, посвященном сравнительной оценке использования организациями технологий ИИ в разрезе регионов Российской Федерации и определению детерминант их динамики, авторами проводится комплексный эконометрический анализ региональной дифференциации внедрения ИИ. Исследование показывает, что правовое регулирование использования ИИ сталкивается с необходимостью учета региональной специфики, а также выявляет ряд особенностей и недостатков, связанных с неравномерностью распространения технологий и статистическим учетом.

Одной из ключевых особенностей, выделяемых авторами, является неоднородность регионов Российской Федерации по уровню использования организациями технологий ИИ. В 2020 году в половине регионов доля организаций, использующих ИИ, не превышала 5%. Лидерами по данному показателю выступали Смоленская, Новгородская и Московская области, а также Пермский край. При этом стабильно наименьшие показатели демонстрировали Республика Тыва и Ненецкий автономный округ. Авторы констатируют, что, несмотря на общую тенденцию к росту (с 5% в 2020 году до 6,5% в 2022 году), региональная дифференциация сохраняется, что требует дифференцированного подхода к правовому регулированию внедрения ИИ в различных субъектах Российской Федерации. В статье выявляются существенные недостатки в сфере правового и статистического регулирования использования ИИ (отсутствие официального статистического учета использования ИИ населением; ограниченность данных для измерения человеческого капитала в сфере ИИ) [2].

В статье В.В. Коноплева, посвященной раскрытию содержательных компонентов государственной политики Российской Федерации в области развития ИИ, автором проводится системный анализ нормативных правовых актов, учебных и научных публикаций, а также правоприменительной практики. Исследование показывает, что государственная политика в области развития ИИ имеет сформированную структуру, однако характеризуется рядом особенностей и недостатков, связанных с динамичностью законодательства и фрагментарностью научного осмысления. Особенности, которые выделяет автор, являются: сформированность концептуальных основ государственной политики в области развития ИИ; многоуровневая система нормативных правовых актов (акты, в которых развитие ИИ отнесено к составляющим цифровизации экономики и государственного управления; акты, устанавливающие режимы использования ИИ; акты, конкретизирующие задачи и компетенцию государственных органов, бизнес-сообщества и научных организаций по внедрению ИИ).

Наряду с указанными особенностями, в статье выявляются недостатки в сфере научного осмысления государственной политики в области развития ИИ. Первым и наиболее значимым из них является фрагментарность рассмотрения вопросов содержания государственной политики в имеющихся научных исследованиях. Автор констатирует, что в работах А.Р. Атабекова, Ю.С. Балалаевой, А.А. Щитовой и других исследователей вопросы содержания государственной политики в области развития ИИ рассмотрены фрагментарно и без учёта положений динамично меняющегося законодательства. Это создает пробел в научном осмыслении системных характеристик государственной политики, который автор стремится восполнить [3, с. 51–58].

Проведенный анализ научных исследований позволяет сформулировать ряд обобщающих положений. Во-первых, генезис научных взглядов в данной сфере прошел несколько этапов: от восприятия ИИ как исключительно технологического эксперимента, направленного на повышение эффективности деятельности государственных органов, до становления его в качестве объективной необходимости, обусловленной ростом сложности управленческих задач и объемов информации. Во-вторых, несмотря на сформированность базовых основ государственной политики в области развития ИИ и наличие многоуровневой системы нормативных правовых актов, правовое регулирование использования ИИ в деятельности государственных органов характеризуется фрагментарностью.

Библиографический список:

1. Фоменко, Н.М. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы / Н.М. Фоменко, Д.А. Кузьмина, Е.П. Миргород // Вестник евразийской науки. 2025. – № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/73FAVN425.pdf>. (дата обращения: 13.05.2026).
2. Варламова, Ю.А., Корнейченко, Е.Н. Искусственный интеллект в российских регионах / Ю.А. Варламова, Е.Н. Корнейченко // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – № 18 (3). – С. 641–662. – URL:

<https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2573#:~:text=%D0%92%202022%20%D0%B3.,2> (дата обращения: 12.05.2026).

3. Коноплев, В.В. Содержание государственной политики Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта / В.В. Коноплев // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Том 15. – № 11А. – С. 51–58.

Постриганов Евгений Александрович,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Дальневосточного
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской
Федерации, кандидат политических наук

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность государства – понятие достаточно ёмкое и многоаспектное. Под ним понимается, прежде всего, отсутствие военных угроз, то есть каких-либо физических форм воздействия на государственную территорию, материальные активы государства, население. Это самые простые, можно сказать, примитивные формы угроз. Помимо этого, существуют и иные механизмы отрицательного воздействия на государство. Это и экономическое воздействие, и информационное, и психологическое устрашение. Каждое из этих направлений затрагивает какую-то одну (или несколько) общественную деятельность недружественного государства. Подобные угрозы экономического, политического, социального характера, конечно, представляют опасность, но в современном обществе научились их выявлять, купировать и предотвращать. Гораздо опаснее, представляется, любые формы воздействия на духовно-культурную сторону общественной деятельности.

Духовная деятельность – это один из элементов человеческой или общественной активности, охватывающий нематериальную сферу общественного бытия, в процессе которого происходит объединение и усвоение созданных предыдущими поколениями духовных ценностей. Кроме того, здесь происходит творческое переосмысление и формирование новых ценностей. Духовная сфера общественного существования включает в себя искусство, науку, образование, философию, религиозные ценности.

Представляя собой одно из фундаментальных отношений, духовно-культурные отношения закрепляются нормами Конституции. Выступая основой нормативного правового регулирования духовной жизни, Конституция способствует возникновению целой системы, регулирующей духовную жизнь общества. Помимо Конституции, к ней относятся и иные нормативные документы, обеспечивающие развитие культуры и духовной сферы в России. В настоящее время этот механизм регулирования духовной жизни проходит

переосмысление, претерпевая определенные трансформации, связанные с изменениями в культурной политике государства.

Правовой механизм регулирования духовной сферы должен, с одной стороны, обеспечивать индивидуумам и их сообществам возможность свободного развития, а с другой, – ограничивать негативные факторы, возникающие в силу несовершенства природы самого человека либо приходящие извне. В настоящее время отмечается расстройство функционального взаимодействия основных социальных институтов, возникших вследствие деформаций, которые образовались из-за не всегда правильного понимания каких-либо идей, представлений, теорий, возникших в общественном представлении в течение последнего почти полувека. Как пример можно выделить искажения в понимании соотношения «частное-общественное» или «лично-коллективное».

В настоящее время особенности развития духовной сферы российского общества напрямую затрагивают вопросы обеспечения безопасности российского государства. Культивируемый на протяжении достаточно длительного времени приоритет частного над общественным, личного над коллективным нуждается в теоретическом переосмыслении. Понимание внутренней сущности институтов «государства» и «гражданского общества» нуждается в существенной корректировке. На протяжении десятилетий нам пытались обосновать тезис о необходимости внешнего государственного контроля за общественными процессами («война всех против всех») [1, с. 368.], либо общественного контроля за деятельностью государственных институтов (механизм сдержек и противовесов) [2]. Никто не спорит, контроль за деятельностью систем со стороны в определенной степени необходим. Но в ситуации с современной Россией требуется признать, что единственный реальный союзник российского государства – это российское общество. В свою очередь, для российского общества и, прежде всего, его элиты необходимо понимание, что только российское государство может гарантировать соблюдение всего комплекса прав и законных интересов. Как это уже случалось в истории, преодоление возникших проблем и достижение целей возможно только в условиях партнерства государства (его органов власти, правового механизма регулирования), общественных институтов (общественных объединений, церкви (как традиционных религиозных организаций), семьи (как ячейки общества), системы образования. Достижение оптимального взаимодействия механизма конституционно-правового регулирования и духовной сферы общества.

Государство регулирует эту сферу с использованием различных методов – от установки наиболее общих принципов и основ до прямого воздействия на те или иные процессы. Демократическое государство не может вторгаться в духовную сферу индивидуума, контролировать и вмешиваться в мысли и чувства. В таком государстве главной задачей становится формирование благоприятных условий для духовно-культурного воспроизводства и деятельности человека. Однако принципы регулирования духовной жизни различаются в зависимости от политического режима государства. В государствах с демократическим режимом признается идеологический

плюрализм, свобода убеждений, совести, слова и выражения своих мыслей (Российская Федерация, Канада, Япония, Германия, Италия и др.). В других государствах присутствует официально признанная идеология, которая не внедряется принудительным путем и уклонение от следования ей не влечет наказаний. В качестве примера можно привести идеологии панча-сила в Индонезии, рукунегару – в Малайзии. Отдельно следует рассматривать мусульманские страны, где строго соблюдаются законы ислама, инакомыслие может повлечь определенные санкции со стороны полиции нравов – мутабы (мутава). Наконец, в государствах с тоталитарным режимом существует формально определенная общеобязательная идеология. Критика существующего режима может повлечь за собой наказание со стороны государственных органов.

В современных условиях демократизации общественно-политической жизни наиболее рациональным видится демократический подход, который создает благоприятные условия для развития духовной сферы жизнедеятельности общества. В то же время попытки воздействия на духовную сферу одного государства со стороны другого способны привести к достаточно печальным последствиям в развитии общественных отношений этого государства [3].

Существенным элементом духовной сферы, оказывающим влияние на обеспечение государственной безопасности, является система образования и воспитания. История России знает примеры достаточно успешных и эффективных систем образования и в дореволюционный период, и в советский, существенным отличием которых являлось усовершенствование, адаптация и демократизация образовательных технологий. К сожалению, большинство проведенных реформ образования в постсоветский период были нацелены на экономическую оптимизацию, что негативно повлияло на его качество, а также на приведение образовательного процесса к неким мировым стандартам, которые на российской почве привели к далеко не лучшим результатам.

Естественно, реформы в образовании пореформенной России были неизбежны, но, к сожалению, в результате непрерывного процесса оптимизирования и реформирования в российском образовании сохранились и усилились проблемы, проявившиеся в перестроечные годы. В то же время системообразующие принципы советской системы образования были ликвидированы как устаревшие и неактуальные.

Таким образом, возможность воздействия на духовную сферу общества представляет собой достаточно значительную опасность, и поэтому данная проблема нуждается в серьезном изучении.

Библиографический список:

1. Локк, Джон. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. Е.С. Лазутина и Ю.В. Семенова. – М. : Челябинск ; Социум, 2019. – 482 с.
2. Монтескьё, Ш.Л. О духе законов. – М. : Мысль. 1999. – 672 с.
3. Взлом культурного кода // Совершенно секретно : сайт. – URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/vzлом-kulturnogo-koda/?ysclid=mpgmrj02ef28390906> (дата обращения: 21.05.2026).

Потапова Лариса Витальевна,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – ДЕТЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ: РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ

Обеспечение и защита прав, а также законных интересов граждан России закреплены в числе ключевых государственных задач. Применительно к несовершеннолетним стержнем государственной политики выступает комплексное повышение уровня их благосостояния, создание реальных условий для всестороннего развития и гарантирование стабильности во всех сферах, прямо затрагивающих жизнь ребёнка.

Как отметил Президент Российской Федерации в телеграмме, приуроченной ко Дню защиты детей: «В нашей стране вопросам воспитания детей, укрепления семейных ценностей уделяется приоритетное внимание государства и общества. Важно, чтобы каждый ребёнок был окружен заботой и любовью, рос здоровым и счастливым, развивал свои таланты и способности» [1].

Прокуратура, согласно Федеральному закону «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1, осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также обращается в суд в защиту прав граждан, не способных самостоятельно реализовать свои процессуальные полномочия [2]. Одним из её основных направлений на протяжении уже более четырех лет остается защита прав участников специальной военной операции (далее – СВО) и членов их семей.

Особое внимание работниками органов прокуратуры уделяется такой социально незащищенной категории граждан, как несовершеннолетние дети участников СВО, которые в силу своего малолетнего возраста не могут самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Для детей военнотружущих предусмотрены федеральные, региональные и муниципальные меры поддержки в сфере образования, медицины, санаторно-курортного лечения, предоставления юридической и психологической помощи и др.

В процессе своей надзорной деятельности работники органов прокуратуры выявляют факты нарушений прав несовершеннолетних детей военнотружущих и в целях их восстановления используют акты прокурорского реагирования или обращаются в суд. Применительно к несовершеннолетним ключевым является приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [3], который обязывает прокуроров систематически оценивать своевременность и эффективность мер реагирования.

Наиболее распространенной категорией дел выступают споры, связанные с предоставлением социальных выплат семьям погибших военнослужащих. Действующее законодательство закрепляет разветвленную систему денежных компенсаций: единовременные пособия, страховые суммы, выплаты, производимые по решению Президента и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также ежемесячные пособия и пенсии по потере кормильца. Типичными нарушениями здесь выступают безосновательный отказ в предоставлении указанных выплат либо их назначение не в полном объеме.

Показательным в этом отношении является дело, рассмотренное прокуратурой Саратовской области. Ртищевская межрайонная прокуратура Саратовской области провела проверку по заявлению дочери погибшего участника специальной военной операции. В ходе надзорных мероприятий было установлено, что незадолго до убийства в воинскую часть отец заявительницы зарегистрировал брак с местной жительницей спустя всего два дня после знакомства. Женщина не имела действительного намерения создать семью – её действия носили откровенно корыстный характер и преследовали единственную цель: получить полагающиеся в случае гибели военнослужащего денежные выплаты.

Защищая права законной наследницы, прокуратура направила в суд исковое заявление о признании брака недействительным. Суд согласился с доводами надзорного органа и удовлетворил заявленные требования в полном объеме. Благодаря вмешательству прокуратуры было пресечено незаконное получение фиктивной супругой более 13 миллионов рублей, причитавшихся в связи с гибелью участника СВО, и восстановлено право его дочери на причитающиеся ей социальные выплаты [4].

Не менее значимой является деятельность прокуратуры по защите жилищных прав детей участников СВО. Показательным примером служит дело, рассмотренное в Приморском крае. Территориальный Центр социальной поддержки населения отказал 15-летней дочери погибшего участника СВО во включении в список лиц, имеющих право на получение единовременной денежной выплаты для приобретения жилого помещения. Основанием для отказа послужило наличие у несовершеннолетней жилья в собственности. Однако проверка показала, что данное помещение было приобретено на имя ребёнка её матерью за счет средств целевой социальной выплаты. Сделка совершена с согласия органа опеки и попечительства, чьи действия в итоге привели к нарушению прав ребёнка на улучшение жилищных условий. Прокуратура обратилась в суд, однако суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска. Надзорное ведомство не согласилось с этими решениями и обжаловало их в кассационном порядке. Девятый кассационный суд общей юрисдикции встал на сторону прокуратуры, отменив предыдущие судебные акты. За ребёнком окончательно признано право на получение региональной выплаты для приобретения жилья, решение суда вступило в законную силу, его исполнение находится на контроле прокуратуры [5].

Одной из наиболее острых проблем правоприменительной практики являются ситуации, когда дети участников СВО рождены вне зарегистрированного брака и в свидетельстве о рождении отсутствуют сведения об отце. Для решения данного вопроса принят Федеральный закон от 31 июля

2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], закрепивший право на получение мер социальной поддержки лицами, состоявшими в фактических брачных отношениях с погибшим военнослужащим. Условиями предоставления такой поддержки являются совместное проживание с погибшим на момент заключения им контракта не менее трех лет, ведение общего хозяйства и наличие общего несовершеннолетнего ребенка. Соответствующие факты устанавливаются судом в порядке особого производства.

Практика показывает, что установление отцовства при отсутствии биологического материала погибшего или иных весомых доказательств – довольно затяжной процесс. Прокуратура города Калуги провела проверку по обращению местной жительницы, действовавшей в интересах своего 8-месячного сына. Было установлено, что отец ребёнка ещё до его рождения убыл в зону специальной военной операции и погиб при выполнении боевых задач. Поскольку брак между погибшим и матерью мальчика не был зарегистрирован, заявительница не имела возможности самостоятельно обратиться в уполномоченные органы за получением мер социальной поддержки, полагающихся несовершеннолетнему. В целях восстановления прав ребёнка прокуратура направила в суд заявление об установлении факта отцовства военнослужащего. Суд, согласившись с доводами надзорного органа, заявленные требования удовлетворил [7].

Аналогичный случай зафиксирован в Астраханской области: прокуратура Лиманского района Астраханской области провела проверку по обращению местной жительницы, действовавшей в интересах своих несовершеннолетних детей. Установлено, что с 2009 года женщина состояла в фактических брачных отношениях с гражданином, который впоследствии заключил контракт с Министерством обороны Российской Федерации и был направлен в зону проведения специальной военной операции. В 2024 году он погиб. От данного союза родилось двое детей, однако в их свидетельствах о рождении сведения об отце отсутствовали. Это обстоятельство лишало детей как наследственных прав, так и возможности получения мер социальной поддержки. В целях восстановления их законных интересов прокуратура обратилась в Лиманский районный суд с исковым заявлением об установлении факта отцовства погибшего участника СВО [8].

Органы прокуратуры уделяют пристальное внимание нарушениям прав детей участников СВО в сфере исполнения законодательства об образовании. Федеральным законом от 23 мая 2025 г. № 103-ФЗ для указанной категории предусмотрен целый ряд льгот: студенты – дети участников спецоперации могут претендовать на перевод с платного отделения на бесплатное при отсутствии академической задолженности и дисциплинарных взысканий; дети участников СВО имеют право на первоочередное зачисление в детские сады и школы, бесплатное питание, освобождение от платы за продленку. Прохождение военной службы учитывается как индивидуальное достижение при поступлении на бюджетные места в вузы [9].

В Смоленской области прокуратура выявила факт нарушения права сына участника СВО на получение среднего профессионального образования.

Образовательное учреждение отказало ему в зачислении из-за отсутствия QR-кода на справке из воинской части, где служит отец несовершеннолетнего. Поскольку законодательные акты такого требования не содержат, прокуратура внесла представление в адрес образовательного учреждения. По итогам его рассмотрения права ребенка были восстановлены, и он был зачислен на обучение [10].

Таким образом, в условиях проведения специальной военной операции защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей участников СВО выступает одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Нарушения охватывают практически все сферы: социальную, жилищную, образовательную. Надзорное ведомство уделяет этому направлению особое внимание и ориентировано на всестороннюю правовую поддержку и защиту участников СВО и членов их семей. Акты прокурорского реагирования играют ключевую роль в реальном восстановлении нарушенных прав детей, помогая им получить положенные по закону меры социальной поддержки как на федеральном, так и на региональном уровне. Благодаря принципиальной позиции прокуратуры и последовательному совершенствованию законодательной базы права детей военнослужащих получают надежную защиту.

Библиографический список:

1. Телеграмма Президента Российской Федерации участникам и гостям мероприятий, посвященных Международному дню защиты детей (01.06.2024). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/74193> (дата обращения: 20.05.2026).
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – № 39, 18.02.1992.
3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 // Законность. – 2022. – № 2 (1048). – С. 66–72. – EDN VTJECQ.
4. В Саратовской области прокуратура защитила права дочери погибшего участника специальной военной операции // прокуратура Саратовской области: [офиц. сайт]. – 2025. – 6 ноября. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/archive/e6347688/ (дата обращения: 20.05.2026).
5. Генеральная прокуратура Российской Федерации: [офиц. сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_25/mass-media/news/regional/e8318826/ (дата обращения: 22.05.2026).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 317-ФЗ // Российская газета. – № 177, 08.08.2025.
7. Прокуратура города Калуги защитила права 8-месячного ребенка погибшего участника специальной военной операции на получение мер социальной поддержки. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_40/mass-media/news/archive/e8346612/ (дата обращения: 22.05.2026).

8. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [офиц. сайт]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e5837422/> (дата обращения: 22.05.2026).

9. О внесении изменений в статью 71 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 23.05.2025 № 103-ФЗ // Российская газета. – № 118, 30.05.2025.

10. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [офиц. сайт]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6002602/> (дата обращения: 22.05.2026).

Робак Владимир Анатольевич,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Совершение террористических актов в настоящее время не является, к сожалению, единичным явлением на территории Российской Федерации. Практически ежедневно в средствах массовой информации публикуются (озвучиваются) сведения об осуществлении таких деяний и возбуждении уголовных дел по ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В основу терроризма, проявлением которого, в частности, является террористический акт, положена идеология насилия. Анализ указанного нормативного правового акта позволяет констатировать, что данное деяние совершается путем взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население, целью которых является дестабилизация органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений или угрозы совершения данных действий [1].

Верной является позиция авторов, отмечающих, что публикация в средствах массовой информации о совершении таких деяний является «полезной» для террористов [2, с. 134]. Террористические акты являются публичными, в отличие от большинства преступлений, т.е. направлены на осведомленность как можно большего количества людей об их совершении, с целью посеять страх со стороны населения.

Необходимо отметить, что подавляющее количество террористических актов, совершаемых с начала специальной военной операции, связано именно с её проведением. Данные преступления, особенно в отношении гражданских объектов, объектов гражданской инфраструктуры, в том числе железнодорожной инфраструктуры, и т.п., имеют целью дестабилизировать обстановку, в первую очередь вызвать панику среди населения, страх за жизнь и здоровье себя и своих близких.

Также необходимо отметить, что имеет место довольно значительное количество диверсий – преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 281 УК РФ. Указанное преступление заключается в совершении взрыва, поджога и иных действий, направленных на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Указанные преступления различают по объекту преступного посягательства – общественная безопасность и безопасность государства соответственно, а также по целям совершения – дестабилизация деятельности органов власти или международной организации либо их принуждение к совершению или воздержанию от совершения каких-либо действий и подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства соответственно.

Однако необходимо отметить, что отдельные деяния, в частности уничтожение или повреждение объектов железнодорожной инфраструктуры, совершенные «завербованными» лицами либо за оплату, вызывают определенные трудности при квалификации. Как со стороны практических работников, так и по мнению авторов, проводящих исследования в данной сфере, в подавляющем большинстве случаев присутствует мнение о необходимости квалификации таких деяний по ст. 281 УК РФ.

Так, например, «С. в период мобилизации вел конфиденциальное сотрудничество с представителем иностранной разведки, <...> создал диверсионное сообщество, организовал совершение диверсий и их финансирование. Под руководством С. и представителя иностранной разведки в различных регионах России были осуществлены поджоги десятков объектов железнодорожной инфраструктуры...» [3]. «В Джанкойском районе на территории воинской части взорвался склад боеприпасов и произошел пожар на расположенной неподалеку трансформаторной подстанции <...> пострадали как минимум двое мирных граждан и было нарушено железнодорожное движение», – в Министерстве обороны Российской Федерации заявили о диверсии [4].

По мнению Е.В. Безручко и Г.Г. Небрятенко, действия, направленные на уничтожение или повреждение объектов транспортной инфраструктуры, совершенные «завербованными» лицами, либо совершение таких действий по заданию, в частности за оплату, специальных служб иностранных государств необходимо квалифицировать по ст. 281 УК РФ [5, с. 10].

Отдельные авторы предполагают возможность идеальной совокупности диверсии и террористического акта [6, с. 47].

По нашему мнению, при совершении указанных деяний необходимо исходить из их цели, поскольку, как указывалось, террористический акт и диверсия при полном совпадении деяний отличаются целью.

При уничтожении или повреждении указанных объектов, по нашему мнению, создается угроза гибели неопределенного круга лиц, поскольку вследствие совершения таких деяний возможно крушение железнодорожного транспорта, столкновение как с иным подвижным составом, так и с недвижимыми объектами инфраструктуры. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии одного из признаков террористического акта – создание опасности для гибели человека.

Кроме того, при «вербовке» или осуществлении уничтожения объектов гражданской, в частности железнодорожной, инфраструктуры по заданию так называемые «кураторы», во-первых, в большинстве случаев требуют предоставления «подтверждающих» материалов (фото или видео), во-вторых, во всех без исключения случаях распространяют информацию о совершенных актах в социальных сетях, в целях предания им публичности. Указанное также свидетельствует о таком признаке террористического акта, как устрашение населения.

Необходимо отметить, что данные деяния совершаются в целях воздействия на государственные органы относительно изменения курса проведения специальной военной операции, что, безусловно, противоречит интересам Российской Федерации и также является признаком террористического акта – воздействием на органы власти в целях принятия ими решений.

На основании вышеуказанного, по нашему мнению, в случае уничтожения или повреждения объектов железнодорожной инфраструктуры «завербованными» лицами либо за оплату, при установлении иных обстоятельств данные действия необходимо квалифицировать по ст. 205 УК РФ.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. Корниенкова, М.Р., Дикина, С. Н. Актуальные вопросы квалификации террористического акта / М.Р. Корниенкова, С.Н. Дикина // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 133–136.
3. В Калининградской области двоих мужчин осудили за шпионаж и диверсии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/26058463> (дата обращения: 19.05.2026).
4. Крым лишился спокойствия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5514270?ysclid=mpy0aus13g477568739> (дата обращения: 19.05.2026).
5. Безручко, Е.В., Небрatenко, Г.Г. Диверсии в отношении железнодорожной транспортной инфраструктуры как посягательства на государственную безопасность Российской Федерации / Е.В. Безручко, Г.Г. Небрatenко // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 3. – С. 5–13.
6. Гладких, В.И. Преступления против государственной власти. Научно-практический комментарий с материалами судебной практики : монография. – М. : КНО-РУС, 2022. – 330 с.

Роловец Ирина Александровна,
 прокурор отдела по надзору
 за оперативно-разыскной деятельностью
 в территориальных органах МВД России,
 ФСИН России и соблюдением законов
 в ИВС органов внутренних дел по городу
 Севастополю управления по надзору
 за уголовно-процессуальной
 и оперативно-разыскной деятельностью
 прокуратуры города Севастополя

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА, В ТОМ ЧИСЛЕ СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, И ЕЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современная эпоха характеризуется глубокой интеграцией «Индустрии 4.0» в повседневную реальность. Согласно идеям Клауса Шваба, выдвинутым ещё в 2011 году, развитие цифровой среды и киберфизических систем сегодня определяет вектор развития медицины, политики и социальных коммуникаций, отодвигая традиционное производство на периферию. Подобная технологическая экспансия неизбежно спровоцировала мутацию преступности, вынуждая государство искать новые методы правовой защиты.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

В рамках теории детерминизма его следует рассматривать не как случайное явление, а как закономерный результат конвергенции технологического прогресса и существующих социальных противоречий. Детерминация данного вида преступности носит комплексный характер и включает в себя технологические, социально-экономические, правовые и виктимологические факторы.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Специфика данного преступления, согласно мнению ряда исследователей (например, Е.А. Майковой), заключается в обязательном использовании информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) и средств связи как основного инструментария для введения жертвы в заблуждение и последующего завладения её активами.

С криминологической точки зрения дистанционное мошенничество сегодня – это высокотехнологичный процесс, который характеризуется:

- а) пространственной удаленностью: субъект и объект преступления могут находиться в разных субъектах РФ или даже в разных государствах;
- б) опосредованностью коммуникации: обман реализуется через цифровые интерфейсы, аудиовизуальный контент или текстовые сообщения;

в) технологической детерминированностью: использование алгоритмов социальной инженерии, фишинга, а на современном этапе – технологий ИИ (дипфейков, чат-ботов) для автоматизации процесса обмана.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА – КАТАЛИЗАТОР ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Мошенничество, совершаемое с использованием ИТТ, вышло на лидирующие позиции в структуре криминальной экспансии. Особую опасность на современном этапе представляет внедрение технологий ИИ в механизмы совершения хищений, что позволяет преступникам автоматизировать процессы, повышать их масштабность и преодолевать традиционные системы кибербезопасности.

Мировая статистика свидетельствует о неуклонном росте киберпреступности. Согласно данным Интерпола и отчетам крупнейших компаний в сфере кибербезопасности (таких как Group-IB, Kaspersky, Check Point), за период 2019–2025 гг. наблюдается экспоненциальный рост числа дистанционных хищений.

НОВЫЕ МЕТОДИКИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

С развитием технологий стали возникать новые методики мошенничества, в том числе использование автоматизированных систем и алгоритмов для генерации мошеннических сообщений, кражи персональных данных, а также организации сложных схем манипуляций. Искусственный интеллект, обладая способностью к машинному обучению, обработке больших данных и генерации когерентного контента, значительно увеличивает технологический потенциал мошенников.

НОВЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Необходимо отметить новую криминологическую особенность применения технологий ИИ, который сегодня перестал быть теоретической угрозой и превратился в инструментальный «преступления как услуги».

Можно выделить несколько ключевых вариантов применения ИИ в преступной деятельности:

1. Генерация контента.
2. Дипфейки.
3. Автоматизация сбора данных.
4. Обход систем защиты.
5. Автоматизированный фишинг.

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МОШЕННИЧЕСКИЕ СХЕМЫ

Текущие тенденции указывают, что ИИ будет все активнее интегрироваться в инструментарий мошенников, что требует от правоохранительных органов и общества разработки новых методов противодействия. Среди ключевых тенденций можно выделить повышение

уровня сложности и адаптивности атак, массовость и автоматизацию, интеграцию с другими видами киберпреступности, масштабируемость и проч.

Библиографический список:

1. Майкова, Е.А., Ларина, Л.Ю. Проблемы квалификации и предупреждения дистанционных мошенничеств / Е.А. Майкова, Л.Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2023. – № 1. – С. 112–117.
2. Вишневецкий, К.В. Криминологическая теория виктимности: современное состояние и перспективы развития / К.В. Вишневецкий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 3 (53). – С. 12–16.
3. Номоконов, В.А. Киберпреступность как новая криминальная реальность / В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 385–395.
4. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2019. – С. 312–315.
5. Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – С. 45–48.
6. Максимов, С.В., Утаров, К.А. Цифровизация и преступность: новые вызовы и поиски ответов / С.В. Максимов, К.А. Утаров // Государство и право. – 2021. – № 12. – С. 102–110.
7. Шаблинский, И.Г. Цифровые права и угрозы в контексте развития киберфизических систем / И.Г. Шаблинский // Правоведение. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 154–160.
9. Europol, 2023; Kaspersky, 2023
10. Официальная статистика МВД РФ: ежемесячные отчеты «Состояние преступности в России» за 2019–2025 гг.
11. Федоров, Р.В., Новикова, Д.Г. Кибермошенничество с использованием deepfake-технологий: вызовы для правоохранительных органов / Р.В. Федоров, Д.Г. Новикова // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 45–49.
12. Кузнецов, Л.А. Социальная инженерия в дистанционном мошенничестве: методы и профилактика / Л.А. Кузнецов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 123–129.
13. Волкова, М.Н. Искусственный интеллект в контексте цифровизации преступности: уголовно-правовые и криминологические проблемы / М.Н. Волкова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 268–278.
14. Петров, А.Б. Криминологическая характеристика дистанционного мошенничества: проблемы противодействия и профилактики / А.Б. Петров // Вестник криминологии. – 2020. – № 3. – С. 45–58.

Рыбцов Павел Александрович,
старший прокурор отдела по надзору
за исполнением законов о федеральной
безопасности, межнациональных
отношениях, противодействии
экстремизму и терроризму
прокуратуры Ростовской области

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях современной геополитической напряженности терроризм и экстремизм остаются одними из главных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Эффективное противодействие этим явлениям требует консолидированных усилий всех субъектов правоохранительной системы. Особая роль в этом процессе отведена органам прокуратуры.

Многоуровневая координация органов прокуратуры с правоохранительными и контролирующими органами доказала свою эффективность: в 2025 году скоординированными действиями силовых структур удалось предотвратить 23 крупных террористических акта, ликвидировать 11 схронов с оружием и боеприпасами, пресечь террористическую деятельность 224 лиц [1, с. 16].

Основные формы координации: координационные совещания, обмен оперативной информацией, совместные проверки и аналитические мероприятия, процессуальное сопровождение и надзор по уголовным делам террористической и экстремистской направленности.

В правоприменительной практике существует ряд проблем, снижающих эффективность координации: ведомственная разобщенность и закрытость оперативной информации, отсутствие единой межведомственной цифровой платформы, сложность оперативного реагирования на новые формы угроз, особенно в виртуальном пространстве.

Яркой иллюстрацией новых вызовов служит практика признания экстремистскими виртуальных структур, не имеющих формальной структуры. В 2025 году Верховный Суд РФ по иску Генерального прокурора РФ признал «Международное движение сатанизма»* экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории Российской Федерации, что потребовало выработки новых подходов и тесной координации органов прокуратуры и судебной системы, минюста и экспертного сообщества [2].

В цифровой среде проблема постфактумного реагирования стоит наиболее остро. В 2025 году Генпрокуратура РФ значительно активизировала взаимодействие с Роскомнадзором: за 9 месяцев признаны нежелательными 62 иностранные организации, формируется список запрещенных сайтов (более 5 000 ресурсов), координируются усилия по ограничению доступа к ним [3].

Для повышения эффективности межведомственного взаимодействия предлагается:

1. Создание защищенной межведомственной автоматизированной системы (например, АИС «Антитеррор»).
2. Формирование на федеральном уровне единых стандартов взаимодействия прокуроров с оперативными подразделениями при документировании фактов экстремистской деятельности в сети Интернет.
3. Активизация профилактической работы среди молодежи.
4. Углубленная профессиональная подготовка прокурорских работников, координирующих данную деятельность.

Координация деятельности прокуратуры Российской Федерации и иных правоохранительных органов является важнейшим условием успешного противодействия терроризму и экстремизму. Прокуратура выступает не просто надзорным органом, а систематизирующим центром, обеспечивающим единство подходов и законность в борьбе с этими угрозами.

Библиографический список:

1. Ашурбеков, Т.А. Координационная деятельность прокуратуры: вопросы теории и практики / Т.А. Ашурбеков // Законность. – 2024. – № 4. – С. 15–19.
2. Верховный суд признал экстремистским «Международное движение сатанизма»* (экстремистская организация, запрещенная на территории России) // Интерфакс. – 2025. – 17 июля. – URL: <https://www.interfax.ru/russia> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Генпрокуратура признала нежелательными 62 иностранные организации с начала года // Коммерсантъ. – 2025. – 10 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc> (дата обращения: 17.02.2026).

Саранкина Юлия Александровна,
доцент кафедры конституционного
и гражданского права Крымского филиала
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент

ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА

С развитием глобальных информационных сетей наше общество столкнулось с новыми вызовами и угрозами, которые обусловлены невероятным по объему бесконтрольным потоком разного рода информации, формированием сомнительных социальных связей, часто выходящих за границы конкретного государства, а также его правового поля. Сегодня транслировать свои мысли и идеи может абсолютно любой человек, и при этом нет никаких требований относительно подтверждения правоты или правдивости его убеждений. Не имеет

никакого значения его профессионализм, опыт, возраст, состояние психики и пр. Каждый находит свою аудиторию, тех, кто заражается его идеями и разделяет его убеждения.

На первый взгляд, ничего плохого здесь нет. Мы живем в эпоху гласности, поэтому каждый имеет право на самовыражение, креатив, а если это выходит за общепринятые рамки, то за счет этого можно получить ещё большее количество просмотров, «лайков», а следовательно, – ещё больший охват аудитории. Но что, если те идеи, которые транслируются, несут в себе деструктивную идеологию? И здесь, углубляясь в вопрос, становится очевидно, что безобидный на первый взгляд контент может служить серьезным инструментом для определенных преступных сообществ, при помощи которого последние не только вовлекают в противоправную деятельность обычных граждан, но и делают их убежденными сторонниками своих преступных идей. Особенно это касается преступных сообществ, пропагандирующих экстремистские идеи, среди которых наиболее радикальными являются: ксенофобия, расизм, геноцид, терроризм.

Наиболее уязвимой категорией для вовлечения в деятельность экстремистских сообществ являются подростки. В силу специфики подростковой психики они чаще других категорий населения подпадают под влияние преступных групп. Подростковая психика подвижна в силу возраста и несформированности устойчивых жизненных ориентиров. Подростковый период характеризуется интенсивными личностными, когнитивными и эмоциональными изменениями. На этом этапе для подростка характерны изменения в поведении, восприятии самого себя, формирование новых психологических особенностей, что обусловлено переходом от детской фазы развития к взрослению. На этой стадии развития ключевым личностным психологическим новообразованием для подростка является чувство взрослости, что обуславливает появление стремления к большей самостоятельности, независимости, ощущению собственной значимости. В свою очередь, на таком этапе подросток может отдаляться от близких. Но при этом он становится более подвержен влиянию извне.

Помимо психологических особенностей подросткового периода, которые способствуют вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность, формированию деструктивного мировоззрения, на него могут оказывать влияние и социальные факторы: малообеспеченность, отсутствие должного уровня образования и воспитания, превалирование в его окружении лиц, демонстрирующих асоциальное поведение, в том числе в кругу семьи.

Так, на очередном пленарном заседании Совета Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Гуцан заявил, что «особую тревогу вызывают преступления экстремистской и террористической направленности: их количество в сравнении с 2024 годом выросло на 60 и 30 процентов соответственно. Террористические акты чаще всего совершаются при помощи БПЛА и артиллерийского вооружения. Кроме того, в них все чаще вовлекаются несовершеннолетние». Помимо этого, за 2025 год количество преступлений террористической и экстремистской направленности, совершенных при участии несовершеннолетних, возросло вдвое. В большинстве своем преступления совершаются под контролем преступных сообществ в сети Интернет [1].

Основными направлениями подросткового экстремизма являются:

участие в экстремистских движениях подростковой направленности (например, движение скинхедов, преступная деятельность которого основывается на участии в массовых погромах, беспорядках, причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений);

участие в экстремистских движениях религиозной направленности. Для таких движений Россия является «лакомым кусочком», поскольку на её территории проживает множество народов и национальностей. Значительную угрозу для безопасности государства представляют, например, такие движения, как «ваххабизм», «центры исламской молодежи», сатанисты. Все они пропагандируют деструктивную идеологию. Так, «центры исламской молодежи» создаются для молодых мусульман, где они обучаются и воспитываются членами международных экстремистских организаций в духе беспрекословного подчинения, пропаганды превосходства ислама над другими религиями. Движение «сатанистов» основано на ритуальном насилии, жертвоприношениях. Это социально опасное сообщество, прежде всего, потому, что их деятельность способна разрушить психику подростка;

участие в экстремистских движениях политической направленности – деятельность таких организаций направлена на насильственную смену власти (в России таковыми признаны партия «Русское национальное единство», «Национал-большевистская партия», «Авангард Красной Молодежи» [2].

Сложившаяся ситуация демонстрирует несовершенство механизма по противодействию преступности экстремистской направленности среди несовершеннолетних, необходимость поиска новых подходов в указанной сфере, а также усовершенствования системы профилактики таких преступлений в подростковой среде. К профилактике такого явления, как экстремизм, необходимо подходить комплексно. Недостаточно возложить данную функцию на правоохранительные органы и ждать положительных результатов. В сегодняшних реалиях мы подошли к тому, что решать проблему подростковой преступности необходимо с привлечением не только институтов государственной власти, но и общественности, учебных заведений, семьи. В подсознании подростка должна быть сформулирована чёткая картинка опасности экстремизма, его противоправности и неминуемости наказания за участие в деятельности экстремистских организаций. Помимо этого, каждый подросток должен знать, что такое экстремизм, в чем он может проявляться и, соответственно, какие действия являются действиями экстремистской направленности, а также какая ответственность предусмотрена в действующем законодательстве за такие деяния.

Эффективная система противодействия экстремизму среди подростков должна основываться на комплексных мерах организационного, правового, профилактического, воспитательного характера.

В современной науке выделяют два вида профилактических мероприятий экстремизма среди несовершеннолетних: общая (первичная) профилактика и индивидуальная профилактика [3, с. 15].

Общая (первичная) профилактика – это мероприятия, проводимые в кругу семьи, в образовательных учреждениях, по месту работы. Данный вид профилактики нацелен не только на правовое воспитание подрастающего

поколения, но и, что не маловажно, вовлечение их в организованные формы проведения свободного времени, направленные на всестороннее развитие личности, вовлечение подростка в общественную жизнь. Это способствует не только развитию кругозора, но и необходимых обществу навыков, ценностей и раскрытию потенциала человека. К общим профилактическим мероприятиям относятся также создание таких специализированных организаций, как «уличные службы работы с молодёжью». Они создаются для профессионального взаимодействия с подростками в их привычной среде обитания (улицы, парки, вокзалы, заброшенные здания и другие места скопления молодёжи). Основная цель таких организаций – снижение рисков от нахождения подростков на улице, поддержание их конструктивного развития, предотвращение их асоциального поведения, безнадзорности, превенция вовлечения их в преступную деятельность. Помимо этого, указанные службы оказывают экстренную социальную и психологическую помощь в кризисных для подростка ситуациях. Кроме того, сегодня большое развитие получает такое направление профилактики, как вовлечение молодёжи в деятельность органов власти посредством создания молодёжных и подростковых советов, что позволяет подросткам реально включаться в работу органов государственной власти.

Индивидуальная профилактика экстремизма позволяет выявлять подростков, склонных к совершению действий экстремистской направленности либо вовлеченных в деятельность таких организаций, своевременно предпринимать меры в отношении таких лиц. Индивидуальная профилактика осуществляется с учетом личности, индивидуальных особенностей подростка, условий, в которых он проживает и воспитывается, наличия или отсутствия родителей. В рамках данного вида профилактики подросткам, оказавшимся вовлеченными в экстремистскую деятельность и находящимся в трудной жизненной ситуации, оказывается необходимая реабилитационная помощь.

Библиографический список:

1. Парламентская газета // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/chislo-podrostkov-prichastnykh-k-terrorizmu-vyroslo-vdvoe-v-2025-godu.html>
2. Экстремизм в подростковой среде: сущность, характерные признаки, ответственность и профилактические меры // [Электронный ресурс]. – URL: <https://киров.78.мвд.рф/document/14465766>
3. Авакьян, М. В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма : учебное электронное издание / М. В. Авакьян, М. А. Болвачев, Т. С. Волчецкая, Е. В. Осипова. [Электронный ресурс]. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – 44 с.

Сердюк Александра Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
прокурорского надзора и участия
прокурора в гражданском,
арбитражном и административном
процессе Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Обеспечение конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь представляет собой один из приоритетов деятельности органов прокуратуры. Надзор в данной сфере направлен на защиту прав наиболее уязвимых категорий населения, включая несовершеннолетних, лиц с ограниченными возможностями здоровья, пожилых граждан, требующих особого внимания со стороны государства.

Статья 41 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Реализация этого конституционного права обеспечивается через программу государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, утверждаемую ежегодно Правительством Российской Федерации.

Надзорная деятельность в сфере здравоохранения осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [1] (далее – Приказ № 195) и приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [2]. Основопологающим нормативным актом выступает Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) [3], устанавливающий права пациентов и обязанности медицинских организаций.

Так, в соответствии с п. 7.1 Приказа № 195 прокурорам необходимо акцентировать внимание на надзоре за исполнением законодательства в сфере здравоохранения. В контексте обеспечения конституционных гарантий прокурорам важно уделять внимание защите фундаментальных прав и свобод человека. Среди них следует выделить право на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение. Эти права и свободы являются краеугольными камнями правового статуса человека и гражданина.

Особую значимость приобретает защита права на охрану здоровья и медицинскую помощь, поскольку оно является основополагающим для обеспечения жизнедеятельности и благополучия граждан. Защита этих прав и

свобод требует комплексного подхода, включающего правовые, организационные и практические меры, направленные на обеспечение их реализации.

Пунктом 12 Приказа № 195 предусмотрено, что в случаях выявления нарушений прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, состояние здоровья гражданина является уважительной причиной, по которой последний не может лично отстаивать в суде свои права и свободы, следовательно, прокурору надлежит активно использовать полномочия, установленные ст. 45 ГПК РФ. Обращение к прокурору гражданина о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере охраны здоровья, включая медицинскую помощь, является основанием для обращения прокурора в суд в интересах последнего вне зависимости от возможности гражданина самостоятельно обратиться в суд.

Практика прокурорского надзора выявляет системные проблемы в реализации права граждан на медицинскую помощь. К числу наиболее распространенных нарушений относятся случаи необоснованного взимания платы за медицинские услуги, предусмотренные программой государственных гарантий. Медицинские организации вопреки законодательству требуют оплату за диагностические исследования, лабораторные анализы, консультации специалистов, лекарственные препараты.

Серьезную озабоченность вызывают нарушения прав граждан на своевременное получение медицинской помощи. Проверки выявляют факты необоснованных отказов в госпитализации, несоблюдение сроков ожидания плановой медицинской помощи, нарушение порядков оказания медицинской помощи. Территориальные программы государственных гарантий устанавливают предельные сроки: для специализированной медицинской помощи – не более 14 рабочих дней, для консультаций врачей-специалистов – не более 14 календарных дней. Превышение сроков образует состав административного правонарушения по статье 6.30 КоАП РФ.

Распространены нарушения требований к обеспечению лекарственными препаратами. Отдельные категории граждан, включая детей-инвалидов, лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, имеют право на бесплатное или льготное лекарственное обеспечение. Прокуроры выявляют случаи необоснованных отказов в предоставлении жизненно необходимых препаратов, задержки выписки рецептов, замены препаратов без медицинских показаний.

Значительный сегмент нарушений связан с ненадлежащим качеством медицинской помощи. Статья 2 Федерального закона № 323-ФЗ определяет качество медицинской помощи как совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания, правильность выбора методов, степень достижения запланированного результата. Проверки фиксируют нарушения клинических рекомендаций, стандартов оказания медицинской помощи, дефекты ведения медицинской документации, ошибки диагностики.

Особую категорию образуют нарушения прав пациентов на информированное добровольное согласие. Статья 20 Федерального закона № 323-ФЗ устанавливает, что необходимым условием медицинского

вмешательства является дача информированного добровольного согласия после получения полной информации о целях, методах, риске, последствиях, альтернативных методах лечения. Прокуроры выявляют факты проведения манипуляций без получения согласия, непредоставления пациентам информации о состоянии здоровья, сокрытия врачебных ошибок.

Анализ материалов проверок демонстрирует эффективность прокурорского вмешательства. Показательным является пример проверки деятельности медицинской организации, где были выявлены нарушения прав пациентов на бесплатную медицинскую помощь. Медицинское учреждение систематически взимало плату за диагностические исследования, включенные в программу государственных гарантий, что противоречило статье 80 Федерального закона № 323-ФЗ. По результатам проверки прокурор внес представление об устранении нарушений, потребовал прекратить незаконное взимание платы, возместить неправомерно полученные средства, привлечь виновных к ответственности. Представление было удовлетворено, права граждан восстановлены.

В другом случае прокурорская проверка позволила выявить случаи задержки оказания специализированной медицинской помощи, превышающие установленные сроки. Граждане направлялись на плановую госпитализацию с нарушением 14-дневного срока. Прокурор направил представления об устранении нарушений, потребовал оптимизировать систему направления пациентов на госпитализацию. Одновременно в отношении должностных лиц были возбуждены дела об административных правонарушениях по статье 6.30 КоАП РФ.

Значительное внимание уделяется обеспечению лекарственными препаратами льготных категорий граждан. В ходе проверки установлены факты необоснованных отказов в обеспечении детей-инвалидов жизненно необходимыми лекарственными средствами. Региональный орган здравоохранения ссылаясь на отсутствие финансирования, что не может служить основанием для отказа в реализации конституционного права. Прокурор обратился в суд с иском в защиту неопределенного круга лиц, требуя обязать орган власти обеспечить льготных граждан препаратами. Суд удовлетворил исковые требования прокурора.

Особую актуальность приобретают вопросы охраны здоровья несовершеннолетних в образовательных организациях. Проверки санитарно-эпидемиологических условий обучения выявляют нарушения санитарных правил: несоблюдение требований к освещенности, температурному режиму, организации питания, режиму образовательного процесса. По результатам проверок прокуроры вносят представления об устранении нарушений санитарного законодательства, возбуждают дела об административных правонарушениях по статье 6.7 КоАП РФ, обращаются в суды с исками об обязанности провести ремонтные работы.

При выявлении нарушений законодательства о здравоохранении прокуроры используют весь арсенал средств прокурорского реагирования. Основной формой выступает представление об устранении нарушений закона, вносимое в медицинскую организацию, орган управления здравоохранением,

орган местного самоуправления. В представлении указываются конкретные нарушения со ссылками на нормативные акты, излагаются требования об устранении нарушений, о привлечении виновных лиц к ответственности, о принятии мер по недопущению подобных нарушений. Представление рассматривается в течение месяца, о результатах прокурору направляется мотивированный ответ.

При наличии признаков административных правонарушений прокурор выносит постановление о возбуждении производства либо направляет материалы в соответствующий орган. Наиболее распространенными составами являются статья 6.30 КоАП РФ (нарушение сроков оказания медицинской помощи), статья 6.7 (нарушение санитарно-эпидемиологических требований), статья 5.59 (нарушение прав инвалидов). Привлечение виновных к административной ответственности способствует повышению дисциплины исполнения законодательства.

В случаях, когда нарушенные права граждан защищаются в порядке гражданского судопроизводства, а пострадавшие не могут самостоятельно обратиться в суд, прокурор предъявляет иск в интересах граждан или в защиту неопределенного круга лиц. Исковые требования касаются обязанности медицинской организации оказать медицинскую помощь, обеспечить лекарственными препаратами, возместить вред здоровью, компенсировать моральный вред.

Важнейшим элементом надзорной деятельности является контроль исполнения требований актов прокурорского реагирования. Прокурор осуществляет мониторинг принятых мер, проверяет фактическое устранение выявленных нарушений, восстановление прав граждан. При неисполнении требований представления прокурор привлекает виновных должностных лиц к административной ответственности по статье 17.7 КоАП РФ, повторно направляет требование об устранении нарушений. Только достижение реального восстановления нарушенных прав свидетельствует о результативности прокурорского вмешательства и выполнении прокуратурой своей конституционной функции защиты прав граждан.

Библиографический список:

1. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Энциклопедия «Прокурорская деятельность» / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О.С. Капинус. – М. : ООО «Компания Полиграфмастер», 2021. – 904 с.

Сигнаевская Виктория Викторовна,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ КАК УГРОЗА ЗАКОННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уровень законности и правопорядка в современном государстве существенным образом определяется состоянием правосознания населения. Особо значимую роль в этом процессе играет категория несовершеннолетних, выступающая наиболее уязвимым звеном общественной системы и одновременно фундаментом будущего правопорядка. В современных условиях интенсивных социокультурных и цифровых трансформаций традиционные каналы правовой социализации (семейное воспитание, образовательная среда, деятельность государственных институтов) утрачивают эффективность. Возникает разрыв между официально закрепленными юридическими нормами и реально существующими правовыми установками молодого поколения.

Цифровизация усиливает указанные тенденции: молодёжь проходит процесс первичной социализации в открытом и недостаточно контролируемом пространстве глобальной сети Интернет, где активно распространяется идеология деструктивных субкультур, экстремизма и правового нигилизма. Данные обстоятельства находят свое проявление в росте латентных проявлений молодёжной преступности, распространенности киберпреступности, сетевого мошенничества и иных форм противоправного поведения подростков. Эти явления свидетельствуют о глубоком кризисе механизмов правовой социализации и требуют серьезного теоретико-правового осмысления.

Преодолеть данный системный сбой возможно лишь посредством глубокой проработки теоретических основ процесса правовой социализации в цифровой среде. Несмотря на обширность эмпирических криминологических и педагогических исследований, собственно теоретико-правовая проблематика социализации несовершеннолетних в условиях цифровизации разработана пока недостаточно полно. Преобладающие подходы преимущественно сводятся к мерам уголовной репрессии либо фрагментарным превентивным мероприятиям.

Настоящее исследование призвано восполнить указанный недостаток путем рассмотрения феномена правовой социализации несовершеннолетних сквозь призму положений юридической антропологии, раскрывающих этот процесс как базовый компонент общей теории законности и правопорядка.

В рамках традиционных теоретико-правовых представлений правосознание несовершеннолетних верифицируется как система правовых воззрений, убеждений, эмоций и оценочных установок подростков относительно действующего законодательства и практики его применения [1, с. 200; 2, с. 798].

Данная классическая парадигма фиксирует внешнюю, формально-юридическую сторону законности. Однако в цифровую эпоху понятие правосознания претерпевает сущностную трансформацию [3, с. 38], создавая фундаментальный научный разрыв с классическими доктринами. Для экспликации латентных внутренних механизмов отчуждения подростков от нормативных предписаний необходим синтез классического базиса с эпистемологическим инструментарием цифровой антропологии.

В гносеологическом плане цифровая антропология в праве сопряжена с феноменом «медиального поворота». Как доказывает В.В. Архипов [4], данный поворот радикально трансформирует семантические пределы права и условия его интерпретации правовыми акторами. Применительно к несовершеннолетним это означает, что традиционные государственно-правовые институты социализации утрачивают монополию на трансляцию нормативных смыслов. Информационно-коммуникационная среда выступает не техническим каналом связи, а автономным пространством означивания, где текст закона и официальные правовые ценности подвергаются семантическому перекодированию.

Антропологический вектор смещает фокус исследования на изучение несовершеннолетнего как представителя *Homo Digitalis* – специфического субъекта, чьи психофизические и аксиологические характеристики детерминированы виртуальной средой обитания [5]. Постклассическим основанием работы выступает теория интерсубъективного конструирования правовой реальности И.Л. Честнова, в рамках которой правосознание трактуется как динамический процесс легитимации юридических норм через повседневные ментальные практики акторов [6, с. 42]: правовое мышление включает процесс восприятия, результат и оценку, на основе которой складывается отношение человека к миру права.

Указанный теоретический контур органично дополняется синергийно-антропологической концепцией В.И. Павлова. Её интеграция позволяет обосновать, что правосознание *Homo Digitalis* формируется не под прямым императивным воздействием нормативно-правовых предписаний государства, а выступает результатом суверенного экзистенциального и ценностного самоопределения развивающейся личности внутри цифровых коммуникаций. Согласно подходу В.И. Павлова, в условиях виртуализации бытия правомерность или деструктивность поведения определяется качеством внутреннего «правового существования» человека и личным актом волевого принятия ценностей, тогда как догматический текст закона теряет для цифрового актора апериорную силу [7, с. 5]. Современный кризис общественной законности в антропологическом измерении вызван глубоким разрывом между биологическим, социальным и юридическим созреванием человека в условиях цифровизации.

Сквозь призму разработанной гносеологической модели проанализируем полиструктурную деформацию ювенального правосознания в трех ключевых измерениях: идеологическом (экзистенциальном), психологическом (психофизиологическом) и поведенческом (техно-антропологическом).

Идеологический аспект деформации устанавливается посредством процесса размывания официально признанной государственно-правовой аксиосферы и ее последующего замещения децентрализованными нормативными системами

виртуальных конгломератов (кодексами геймифицированных интернет-сообществ, неформальными сетевыми регламентами). В условиях тотальной экспансии цифровой среды акт свободного волевого самоопределения индивида в праве, по В.И. Павлову, замещается симулятивными, алгоритмическими предписаниями платформ [8, с. 24–25].

На антропологическом уровне это приводит к расщеплению традиционной правосубъектности несовершеннолетнего и возникновению множественной цифровой идентичности (анонимные профили, аватары, сетевые псевдонимы). Иллюзия «карнавальной» [9] свободы в Сети порождает у подростка чувство автономии от обязательств перед реальным государством. Возникает синдром «морального разобщения», когда цифровая личность совершает противоправное деяние (координирует кибератаки, осуществляет кибербуллинг или участвует в радикальных сообществах), а реальное «Я» подростка полностью когнитивно отчуждается от факта девиации, блокируя механизмы эмпатии и не испытывая вины или страха перед юридической ответственностью [10].

В психологическом аспекте цифровая трансформация выражается в деструкции эмоционально-волевых регуляторов и деформации фильтров восприятия вреда. Исторически правосознание базировалось на физическом восприятии пространственных границ и телесном опыте («свое/чужое имущество», «причинение физического вреда»). Специфика цифровой эпохи заключается в минимизации телесного опыта: несовершеннолетний взаимодействует с миром через интерфейс экрана.

С позиций антропологии права данный процесс отражает вызов постгуманизма, ведущего к деонтологизации традиционного субъекта правоотношений. Как подчеркивают И.Б. Ломакина и И.Л. Честнов, в условиях технологизации стираются границы между человеческим сознанием и симулятивной реальностью, что порождает кризис категории «свободы воли» [16, с. 29–30]. Отсутствие прямого визуального и телесного контакта с жертвой стирает ментальную грань между правомерным и противоправным. Несовершеннолетний отчуждается от опыта реальной правовой коммуникации, воспринимая девиации как обратимый элемент геймифицированного пространства.

Дисфункция правосознания на поведенческом уровне характеризуется готовностью к реализации противоправных паттернов под воздействием манипулятивных цифровых технологий ради повышения виртуального статуса или легкого заработка. Согласно исследованиям Е.В. Михайловой, виртуализация переводит правоотношения в плоскость, где физическое отчуждение от объекта посягательства нивелирует осознание материального ущерба, заменяя волевое самоопределение алгоритмизированной девиацией [11, с. 101–102]. Компьютерные преступления, бесконтактный сбыт запрещенных веществ («закладки» – ст. 228.1 УК РФ) или участие в финансовых махинациях дропперов (ст. 187 УК РФ) воспринимаются как игровой «квест», где реальные уголовно-правовые последствия полностью вытеснены из сознания [12].

Данный процесс детерминирован техно-антропологическим давлением, где современный подросток находится под постоянным воздействием алгоритмов рекомендательных систем, формирующих «клиповое» и «туннельное» мышление. Алгоритмы платформ замыкают несовершеннолетнего в «эхо-камерах»

(информационных капсулах) [13]. Если подросток однажды проявил интерес к деструктивному контенту, система начинает лавинообразно предлагать ему схожие материалы, искусственно нормализуя девиацию [14, с. 132]. Происходит ускоренная радикализация сознания без внешнего принуждения.

В этой точке разворачивается глубокий кризис классического института юридической ответственности. Государственные правовые запреты, апеллирующие к разуму и воле субъекта, проигрывают автоматизированным правилам цифровых платформ – архитектуре кода. Данный феномен восходит к фундаментальной американской концепции Л. Лессига «Код – это закон» (Code is Law), согласно которой программное обеспечение и алгоритмы цифровой среды приобретают характер бескомпромиссного технологического регулятора, императивно предопределяющего рамки возможного поведения пользователя и фактически замещающего собой традиционное позитивное право [15, с. 85]. В условиях тотального регулирования на основе данных право начинает восприниматься личностью как архаичный, внешний и враждебный элемент, существенно ограничивающий возможности цифровой самореализации [16, с. 29]. Архитектура кода предопределяет поведение подростка до того, как он успевает совершить осознанный этический выбор, что деструктурирует классическое понимание вины в теории права.

Кризис общественной законности в условиях цифровизации обусловлен тремя взаимосвязанными антропологическими факторами деформации правосознания несовершеннолетних: экзистенциальным расщеплением цифровой идентичности, стиранием традиционных физических границ правомерного поведения и алгоритмической («туннельной») радикализацией сознания под воздействием архитектуры кода цифровых платформ.

Интеграция синергично-антропологической концепции В.И. Павлова позволяет констатировать, что эффективное обеспечение законности и преодоление девиаций среди Homo Digitalis невозможны путем механического усиления мер внешней уголовной репрессии или полицейского контроля. Поскольку ювенальное правосознание в цифровой среде конструируется через внутренние ментальные практики и экзистенциальный выбор, государственная стратегия превенции должна быть переориентирована на формирование позитивного правового иммунитета, ценностное самоопределение и развитие внутренней правовой культуры развивающейся личности в рамках цифровых правовых практик.

Библиографический список:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. I. – М. : Юрид. лит., 1981. – 360 с.
2. Теория государства и права : учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Издательство «Зерцало», 2009. – 848 с.
3. Попова, Н.Н. Правосознание в условиях формирования цифрового общества / Н.Н. Попова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 2 (46). – С. 36–45.
4. Архипов, В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 /

Архипов Владислав Владимирович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2019. – 403 с.

5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

6. Честнов, И.Л. Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетей, 2025. – 606 с.

7. Павлов, В.И. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания (к постановке проблемы) / В.И. Павлов // Труды Института синергийной антропологии. – 2010. – Вып. 2. – С. 1–7.

8. Павлов, В.И. Личность в праве в процессе реализации правовых ценностей с позиции антропологической концепции права / В.И. Павлов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 23–29.

9. Пьяных, Е.П. Карнавальный дискурс сетевой субкультуры / Е.П. Пьяных // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 8 (430). – С. 44–50.

10. Теоретические подходы к обоснованию существования буллинга в детской и подростковой среде : коллективная монография / С.Н. Бекиров, Э.Ш. Бекирова, И.Ю. Блясова [и др.] ; под общей редакцией Е.В. Везетиу. – Ялта : РИО ГПА, 2021. – 176 с.

11. Михайлова, Е.В. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в условиях цифровой среды / Е.В. Михайлова // Судебная экспертиза и исследования. – 2026. – № 1. – С. 100–104.

12. Тарханова, И.Ю. Трансформация девиантного поведения несовершеннолетних в современных условиях / И.Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 6 (129). – С. 25–35.

13. Челбаев, Д.В. Цифровые технологии как стимулирующий фактор трансформации правовой идеологии современного российского государства / Д.В. Челбаев, О.А. Пугина // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 335–344.

14. Рувинский, Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности / Р.З. Рувинский // Антиномии. – 2023. – Т. 23, вып. 1. – С. 123–147.

15. Lessig L. Code: Version 2.0 / L. Lessig. – New York : Basic Books, 2006. – 424 p. – URL: klangable.com [дата обращения: 21.05.2026]. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

16. Ломакина, И.Б. Постгуманизм как вызов антропологии права / И.Б. Ломакина, И.Л. Честнов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1 (53). – С. 27–37.

Спиридонов Анастас Павлович,
профессор кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении
уголовных, гражданских и арбитражных
дел Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Активное развитие цифровизации и использование её возможностей во всех сферах жизни общества оказало не только положительный эффект, но в ряде случаев дает возможность деструктивным элементам использовать её доступность в антиобщественных (криминальных) целях. В частности, развитие цифровых технологий обеспечивает экстремистов и террористов возможностями для реализации своих преступных идей, а также привлечения новых сторонников к организации совершения преступлений и правонарушений. Социальные сети в настоящее время становятся главным средством распространения деструктивной идеологии.

Проблема носит общемировой характер и, разумеется, актуальна для нашей страны, особенно в части активного воздействия на молодёжь как наиболее частых пользователей Сети и с учетом их доверия цифровым источникам информации. При этом законодатель в Российской Федерации закрепляет приоритет профилактики экстремизма и терроризма, предупреждения формирования экстремистского мировоззрения и идей терроризма.

Указанные обстоятельства требуют адекватного ответа прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии экстремизма и терроризма. Для создания условий оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора Генеральной прокуратурой Российской Федерации в данном направлении разработаны конкретные меры. Так, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года¹. Вместе с этим подчеркнем, что на уровне общих правовых основ также имеются соответствующие

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621.

Федеральные законы Российской Федерации¹ и Указы Президента Российской Федерации², регулирующие деятельность в рассматриваемой сфере.

Статистика последних лет указывает на наличие следующих обстоятельств:

- рост террористических и экстремистских преступлений за 2025 г. соответственно на 59% и 30%;
- по требованию прокуроров был ограничен доступ к 62 тыс. интернет-страниц с опасным контентом;
- признана нежелательной деятельность 112 иностранных организаций;
- просматривается рост вовлеченности в террористическую деятельность подростков, иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе нелегальных мигрантов³.

Неоценимую роль в обработке, выявлении и подготовке материалов для принятия решений при осуществлении прокурорского надзора в сфере противодействия экстремизму и терроризму может оказать использование искусственного интеллекта для осуществления цифрового мониторинга на предмет выявления террористических и экстремистских проявлений в сети Интернет. В целях противодействия экстремизму Ю.О. Карпышева предлагает органам прокуратуры использовать возможности искусственного интеллекта, указывая на то, что если нейросеть выполнит задачу поиска запрещенной информации в сети Интернет, то «он позволит реагировать на такие нарушения гораздо эффективнее – не только быстрее, но и с большим охватом информационных ресурсов» [1, с. 15–23].

Одним из наиболее перспективных направлений использования возможностей искусственного интеллекта может стать «информационно-аналитическая деятельность: подбор, обобщение и анализ информации о состоянии законности и правопорядка на определенной территории, выявление наиболее уязвимых с точки зрения соблюдения законодательства отраслей деятельности» [2, с. 3–7].

Также особого внимания требуют и вопросы борьбы с финансированием экстремизма и терроризма, основным источником которого в настоящее время

¹ Федеральные законы: от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»; от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; и др.

² Указы Президента Российской Федерации: от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»); от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом»; от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; и др.

³ Решение коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19.03.2026 «Об итогах работы органов прокуратуры за 2025 год и о задачах по укреплению законности и правопорядка на 2026 год».

является доход от преступной деятельности, легализации доходов от преступной деятельности (в первую очередь от наркобизнеса, торговли оружием, коррупции). В данной области важная роль должна быть отведена взаимодействию прокуратуры, в первую очередь, с Росфинмониторингом, ФСБ России, МВД России по своевременному обнаружению такого рода информации, выявлению лиц, причастных к фактам экстремистской и террористической деятельности, и привлечению их к установленной законом ответственности. Рассматриваемые технологии автоматизации будут способствовать оптимизации межведомственного взаимодействия, а также повысят эффективность борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Разделяем мнение И.М. Мацкевича в том, что для внедрения искусственного интеллекта в прокурорскую деятельность «наиболее перспективным представляется гибридный подход, при котором ИИ используется как один из аналитических инструментов в работе, и на основе полученных данных за прокурором остается окончательное процессуальное решение» [3, с. 30–36].

Следует уточнить, что внедрение технологий искусственного интеллекта в прокурорскую деятельность, в свою очередь, требует соответствующего уровня сформированности компетенций у прокурорских работников в данном вопросе. Это обуславливает необходимость оптимизации учебных планов основных образовательных программ специалитета (далее – ОП) в рамках целевой подготовки кадров в Университете прокуратуры Российской Федерации (включая филиалы), а также – дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки (далее – ПК) аттестованных работников территориальных подразделений органов прокуратуры. Представляется рациональным увеличение объема академических часов в содержании программ ОП и ПК, выделяемых на изучение особенностей применения возможностей искусственного интеллекта в прокурорской деятельности, а также практической работе в современных профессиональных базах данных [4, с. 147–151].

В завершение подытожим, что в век цифровизации и информатизации, а также возрастания популярности среди граждан применения в повседневной жизни возможностей нейросетей со стороны органов прокуратуры видится необходимым своевременно осваивать и внедрять в свою деятельность достижения науки и техники в темпах, соответствующих реалиям сегодняшнего дня.

Библиографический список:

1. Карпышева, Ю.О. О возможностях использования искусственного интеллекта и других технологий в деятельности прокурора по надзору за исполнением законов / Ю.О. Карпышева // *Вестник Административного права и административная практика*. – 2023. – № 4. – С. 15–23. DOI: 10.7256/2306-9945.2023.4.68903.
2. Спиридонов, А.П. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования / А.П. Спиридонов // *Законность*. – 2024. – № 8. – С. 3–7.

3. Мацкевич, И.М. Использование технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры / И.М. Мацкевич // Законность. – 2026. – № 4. – С. 30–36.

4. Омелянович, В.В. Современные профессиональные базы данных как обязательный элемент подготовки прокуроров / В.В. Омелянович // Прокуратура: история и современность – 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения): сб. мат-лов VII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 8 октября 2021 года / под общ. ред. О.С. Капинус, под науч. ред. А.Ю. Винокурова. – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, – 2022. – С. 147–151.

Страхова Светлана Вячеславовна,
заведующий кафедрой уголовного
процесса, криминалистики и участия
прокурора в уголовном судопроизводстве
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Анализ документов прокурорской и судебной практики свидетельствует о том, что нарушения требований федерального законодательства, которые допускают органы предварительного расследования, оставаясь без надлежащего ведомственного контроля со стороны руководителей указанных органов за ходом и результатами расследования преступлений и должного упреждающего прокурорского надзора, зачастую приводят к возвращению уголовных дел судом прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, или вынесению судами реабилитирующих решений. При этом большинство нарушений представляется возможным выявить и устранить на стадии предварительного расследования, а также при поступлении уголовных дел прокурору с итоговыми обвинительными документами.

Зачастую недостатки предварительного расследования связаны с его неполнотой. Понятие неполноты предварительного расследования не закреплено в уголовно-процессуальном законе, однако если обратиться к норме ст. 343 УПК РСФСР 1960 года, то в ней под неполно или односторонне проведенным понималось дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора.

Дознание, предварительное следствие во всяком случае признавалось односторонним или неполным, когда по делу не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не была проведена

экспертиза, когда её проведение по закону является обязательным, а равно не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение; не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого.

Представляется, что положения указанной статьи по её смыслу актуальны и сегодня. Так, материалы прокурорской практики свидетельствуют о том, что имеются случаи возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования, в частности ввиду непроведения:

- допроса врачей, оказывавших медицинскую помощь потерпевшей по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 132 УК РФ [1, с. 5–6];
- осмотра места происшествия (в помещении СИЗО) и допроса оперативных сотрудников, о которых обвиняемый сообщил в ходе процессуальной проверки по делу, возбужденному по ч. 2 ст. 294 УК РФ;
- осмотра мобильного телефона, в котором имелаась переписка обвиняемого с потерпевшей по делу об убийстве [2, с. 1–2, с. 4] и др.

Кроме того, не единичны случаи непроведения судебно-психиатрических экспертиз при наличии в материалах уголовных дел сведений о том, что обвиняемые, потерпевшие находились на учете или на консультативном наблюдении у врачей-психиатров, в том числе с диагнозами «легкое когнитивное расстройство», «легкая умственная отсталость», «резидуально-органическое поражение мозга со снижением интеллекта» [3, с. 5], «органическое бредовое (шизофреноподобное) расстройство» [4, с. 3]. В таких случаях следует учитывать, что даже при наличии, например, в другом уголовном деле данных о проведении в отношении обвиняемого судебно-психиатрической экспертизы, а также протокола допроса врача-психиатра, согласно которому обвиняемый является вменяемым лицом, отсутствие результатов обязательной по конкретному уголовному делу судебно-психиатрической экспертизы суды признают неустранимым препятствием для постановления приговора и возвращают уголовные дела прокурору, поскольку указанные доказательства не могут заменить производство судебно-психиатрической экспертизы, определяющей психическое состояние обвиняемого в момент совершения преступного деяния.

Имеют место и противоположные ситуации. В частности, когда уголовное дело направляется в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, при этом в выводах имеющегося в материалах дела заключения психолого-психиатрической экспертизы указано, что лечение у психиатра должно быть назначено амбулаторно. В таком случае в соответствии с положениями ст. 22 УК РФ суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий для его рассмотрения [5, с. 3].

Следует подчеркнуть, что в решении коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которая состоялась 19 марта 2026 года (далее – Решение), отмечен рост в 2025 году «иных итоговых судебных решений (с 7,9 тыс. до 8,5 тыс.), включая судебные акты о применении принудительных мер медицинского характера, которые не всегда выносились обоснованно». В этой связи пунктом 2.59 Решения прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним специализированным прокурорам, прокурорам

городов и районов предписано обеспечить законность при применении принудительных мер медицинского характера по уголовным делам. При наличии сомнений в достоверности выводов судебно-психиатрических экспертиз, проведенных в отношении обвиняемых, инициировать назначение повторных исследований в иных экспертных учреждениях [6, с. 8, с. 17].

Наряду с указанными выше нарушениями следует отметить недостатки предварительного расследования по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков, которые повлекли либо возвращение уголовных дел прокурору ввиду «невозможности отделить наркотическое вещество от бумаги и определить вес наркотического вещества» (ЛСД) [7], либо по этой же причине постановление реабилитирующих решений, в частности прекращение уголовного дела в связи с малозначительностью деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 228 УК РФ [8, с. 3]. Речь идёт о преступлениях, предметом которых являются фрагменты бумаги (картона), т.н. «марки», с нанесенным на него ЛСД. Проблема состоит в том, что нормативное регулирование определения размера ЛСД, нанесенного на фрагмент бумаги, являющейся носителем, а не смесью, отсутствует. Кроме того, на территории России не производятся государственные стандартные образцы ЛСД, использование которых необходимо для проведения сравнительного исследования методом жидкостной хроматографии для определения количественного содержания наркотического средства ЛСД, нанесенного на бумажную марку. Данные обстоятельства привели к вынесению вышеуказанных судебных решений.

Вместе с тем альтернативный метод определения самостоятельного веса и бумаги, и наркотического средства ЛСД существует, возможность его применения для отмеченной выше цели описана в научной литературе [9, с. 195–196]. В этой связи при производстве предварительного следствия и осуществлении прокурорского надзора необходимо учитывать состоявшееся 12 марта 2026 года определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу С., осужденного по ч. 3 ст. 229 УК РФ, ч. 2 ст. 228 (2 эпизода), которым признаны убедительными результаты дополнительной физико-химической экспертизы, позволившей определить вес фрагмента-носителя (картона) и вес ЛСД, нанесенного на носитель, методом экстракции с фрагментов картона с последующим высушиванием до постоянной массы, что позволило оставить без изменений состоявшиеся судебные решения, которыми С. признан виновным в том числе в контрабанде наркотических средств, то есть в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств в крупном размере [10].

Таким образом, следователям необходимо осуществлять взаимодействие с экспертами по этому вопросу, в необходимых случаях назначать дополнительную судебную экспертизу на стадии предварительного следствия, а если это не сделано следователем, то прокурорам возвращать уголовное дело для дополнительного следствия в целях проведения экспертных исследований и получения результатов, необходимых для постановления судом законного, обоснованного, справедливого приговора.

Особой тщательности требует проведение предварительного следствия и изучения прокурорами материалов уголовных дел, по которым имеется

перспектива рассмотрения судом с участием присяжных заседателей. Анализ документов прокурорской практики показывает, что подчас государственным обвинителям приходится восполнять неполноту проведенного расследования в судебных заседаниях. Так, при рассмотрении судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ст. 105 УК РФ, государственным обвинителям пришлось истребовать аудиозаписи из службы «112» (ОГУ СО «Безопасный регион») о совершенных вызовах по факту причинения потерпевшей ножевых ранений, у судебно-медицинского эксперта – схемы расположения ран, имевшихся на теле потерпевшей, цветных фотографий, в том числе на электронном носителе, с осмотра места происшествия из ЭКО УМВД, что не было сделано органом предварительного следствия. Между тем восполнение недостатков предварительного расследования в суде не всегда представляется возможным.

Так, по другому уголовному делу два лица были оправданы на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в связи с непричастностью к совершению преступлений, предусмотренных пп. «д», «е» ч. 2 ст. 117, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 127, пп. «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Причиной явилось то, что первоначальные следственные действия по делу выполнялись несколькими следователями, которые не скоординировали свои действия, не приняли мер к устранению противоречий в показаниях фигурантов дела, очные ставки были проведены спустя год с момента начала расследования. При этом долгий перерыв в проведении следственных действий позволил обвиняемым согласовать свои показания таким образом, что они позволили преуменьшить степень виновности каждого из них в совершенных преступлениях, что повлияло на решение присяжных [11, с. 2–3].

Таким образом, в целях минимизации вероятности вынесения по уголовным делам данной категории оправдательных вердиктов коллегией присяжных заседателей при производстве предварительного расследования и осуществлении прокурорского надзора необходимо учитывать особенности восприятия присяжными заседателями доказательств, которые требуют обеспечения наглядности как визуальной, так и звуковой, а также специфику принятия решений присяжными заседателями, которая заключается в том, что «лучше оправдать виновного, чем осудить невиновного», в связи с чем любые сомнения в доказанности виновности подсудимых, их роли в совершении преступления могут быть истолкованы в пользу последних.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что качественный упреждающий прокурорский надзор позволит своевременно выявить и устранить нарушения требований уголовно-процессуального закона, допущенные органами предварительного расследования, обеспечить законность и обоснованность обвинения, соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства и конституционных прав его участников.

Библиографический список:

1. О состоянии законности и практики прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан на досудебной стадии уголовного

судопроизводства за 2025 год : информационное письмо от 31.03.2026 / прокуратура Республики Ингушетия, 2026. – С. 1–6.

2. О недостатках прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства : информационное письмо от 29.01.2026 / прокуратура Ростовской области, 2026. – С. 1–4.

3. Обзор недостатков, повлекших возвращение уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ / прокуратура Ленинградской области, 2026. – С. 1–6.

4. Обзор недостатков при реализации прокурорами полномочий, предусмотренных ст. 221, 226 УПК РФ, повлекших вынесение судебных решений в порядке ст. 237 УПК РФ от 20.04.2026 / прокуратура Омской области, 2026. – С. 1–5.

5. Обзор практики участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел, возвращенных судами в порядке ст. 237 УПК РФ от 16.03.2026 / прокуратура Томской области, 2026. – С. 1–5.

6. Решение Коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации / Генеральная прокуратура Российской Федерации от 19.03.2026. – С. 1–20.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2024 года по делу № 16-УД24-19-К4 // ЮИС Легалакт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10122024-n-16-ud24-19-k4/> (дата обращения: 15.04.2026).

8. О результатах анализа причин и оснований вынесения реабилитирующих решений, их апелляционного обжалования : информационное письмо от 17.03.2026 / прокуратура Тамбовской области, 2026. – С. 1–5.

9. Лебеденко, С.Е., Заер, Е.В. Проблемные вопросы определения количества наркотического средства d-лизергид (лсд, лсд-25) на бумажных носителях / С.Е. Лебеденко, Е.В. Заер // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 190–202.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 года по делу № 46-УД25-13-К6 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/7MIEvZGJc25P/> (дата обращения: 17.04.2026).

11. О практике рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в 2025 году : информационное письмо от 06.02.2026 / прокуратура Саратовской области, 2026. – С. 1–4.

Типпа Зейнеб Айдеровна,
помощник юрисконсульта ООО «Эридон»;

Костылев Владислав Викторович,
доцент кафедры административного
и финансового права Крымского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
кандидат политических наук, доцент

ПРИНЦИП НЕОТВРАТИМОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Конституционной основой принципа неотвратимости ответственности служит ст. 19 Конституции Российской Федерации, нормы которой устанавливают равенство всех перед законом и судом [1]. Это исключает любые привилегии при привлечении к ответственности, в том числе по признакам должностного положения. Обозначенная конституционная норма детализирована в ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», где неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений названа среди основных принципов противодействия коррупции наряду с приоритетом мер предупреждения и публичностью деятельности государственных органов [2].

Ориентиры антикоррупционной политики последовательно задаются в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Ещё в 2016 году В.В. Путин подчеркнул, что борьба с коррупцией – «это не шоу», и потребовал доводить дела до приговора, а в Послании от 29 февраля 2024 года указал, что элитой могут считаться лишь те, кто служит России, а не те, кто «набивает карманы» [5]. Эта позиция прямо корреспондирует идее неотвратимости: ответственность за коррупционные правонарушения не должна зависеть от статуса виновного.

В литературе вопрос неотвратимости разработан преимущественно в общетеоретическом и уголовно-правовом ключе: у Б.Т. Базылева [6, с. 24], А.А. Иванова [10], а применительно к коррупционным правонарушениям – у А.И. Долговой [7], П.А. Кабанова [8, с. 35–41] и Ю.В. Голика [9, с. 28–34]. Специальных исследований реализации этого принципа в антикоррупционной сфере недостаточно.

Между тем статистика последних лет свидетельствует об остроте проблемы. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024 году выявлено 38,5 тысячи коррупционных преступлений против 36,4 тысячи в 2023 году; в I квартале 2025 года – 15 458 преступлений, что на 24% больше, чем за аналогичный период 2024 года. Доля взяточничества выросла с 55,7% в 2023 году до 60,3% в 2024 году. Число преступлений, совершенных организованными группами, увеличилось на 46,5%, а деяний в крупном и особо крупном размерах – на 65,7%. За пять лет с виновных лиц

взыскано почти 800 миллиардов рублей [11]. Экспертные оценки латентности коррупционных деяний колеблются в пределах 90–98%: выявленная преступность – лишь видимая часть действительности, и принцип неотвратимости в полной мере не реализуется.

На практике это связано с рядом проблем, одной из которых является высокая латентность коррупционных правонарушений [12] и недостаточная эффективность механизмов их выявления.

Коррупционные деяния совершаются в условиях обоюдной заинтересованности сторон в сохранении тайны, свидетели обычно отсутствуют, а документальный след минимален. Особенно тяжело выявляются «верхушечные» формы коррупции, связанные с использованием полномочий руководителями высокого уровня. Принцип неотвратимости в таких условиях рискует превратиться в декларацию: норма закона есть, однако правонарушение не фиксируется, а значит, ответственность не наступает. Решение видится в перестройке механизмов выявления: расширении полномочий подразделений по профилактике коррупционных правонарушений в части проверки сведений о доходах и расходах с использованием данных банков и налоговых органов, усилении защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции. Действующая ст. 9 Федерального закона № 273-ФЗ обязывает уведомлять о склонении к коррупции лишь самих служащих [2]; гарантий для граждан-заявителей явно недостаточно. Целесообразно принять отдельный закон о защите заявителей с закреплением конфиденциальности, недопустимости увольнения и материальной компенсации.

Вторая проблема – коллизия между принципом неотвратимости и институтом освобождения от уголовной ответственности. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает несколько оснований такого освобождения, применимых к коррупционным составам: примечание к ст. 291 (взяткодатель при активном способствовании раскрытию), деятельное раскаяние (ст. 75), судебный штраф (ст. 76.2) [3]. Названные институты стимулируют сотрудничество со следствием, однако в коррупционной сфере их применение нередко противоречит идее неотвратимости: освобождение лица, давшего взятку, при действительном «размыкании» круговой поруки оправданно, но та же норма применяется и к лицам, чьё правонарушение выявлено независимо от их «активного способствования», что создает избирательность правоприменения. Решением может являться связь освобождения с реальной значимостью сообщенных сведений, а не с формальным фактом обращения. Применение ст. 76.2 УК РФ по делам коррупционной направленности целесообразно исключить в отношении преступлений, предусмотренных ст. 290, 291.1 и 285 УК РФ, либо обусловить полным возмещением ущерба и применением дополнительных мер.

Ещё одной проблемой является неравномерность реализации принципа в дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих. Закон о противодействии коррупции и законодательство о государственной службе предусматривают увольнение в связи с утратой доверия за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, представление недостоверных сведений о доходах и иные правонарушения [2; 4]. Формулировки оснований представляются оценочными, а порядок

применения существенно различается: одни нарушения влекут увольнение, другие – лишь дисциплинарное взыскание, что подрывает доверие к самому принципу неотвратимости. Устранение недостатка требует, во-первых, утверждения на федеральном уровне методики оценки тяжести коррупционного проступка с перечнем обстоятельств, при которых увольнение в связи с утратой доверия применяется в обязательном порядке; во-вторых, придания решениям комиссий по соблюдению требований к служебному поведению обязательного, а не рекомендательного характера; в-третьих, распространения реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия, на все категории служащих с открытостью сведений в течение установленного законом срока.

Таким образом, неотвратимость ответственности за коррупционные правонарушения имеет конституционную основу и прямо названа в Федеральном законе «О противодействии коррупции» среди основных начал антикоррупционной политики. Однако между этим провозглашенным принципом и его фактической реализацией сохраняется существенный разрыв.

Предложенные меры – расширение инструментов выявления и защита заявителей, корректировка норм об освобождении от уголовной ответственности применительно к коррупционным составам, унификация дисциплинарной практики – способны превратить принцип неотвратимости из теоретической конструкции в реально работающий правовой механизм.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 34. – Ст. 6170.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29.02.2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 18.05.2026).
6. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 120 с.
7. Долгова, А.И. Криминология: учебник для вузов / А.И. Долгова. – М.: Норма, 2020. – 1008 с.
8. Кабанов, П.А. Антикоррупционная политика субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики / П.А. Кабанов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 4. – С. 35–41.
9. Голик, Ю.В. Принципы уголовного права и их реализация в

правоприменительной деятельности / Ю.В. Голик // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 3. – С. 28–34.

10. Иванов, А.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности и проблемы его реализации в правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Иванов. – Самара, 2005. – 22 с.

11. Информация о состоянии законности в сфере противодействия коррупции в I квартале 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://erp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 18.05.2026).

12. Костылев, В.В. Правовой режим профилактики коррупции в образовательной среде / В.В. Костылев, А.В. Адлер // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 10–11 июня 2020 года / под общей редакцией Н.Н. Колюки. Том I. – Симферополь: ООО «Амирит», 2020. – С. 379–382.

Тюнин Владимир Александрович,
заведующий кафедрой прокурорского
надзора и участия прокурора в гражданском,
арбитражном и административном процессе
Крымского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних представляет собой специализированное направление правозащитной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, обусловленное особым правовым статусом лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, их социальной уязвимостью и повышенными гарантиями, установленными трудовым законодательством. В системе прокурорского надзора данное направление не выделено в качестве самостоятельной отрасли, однако входит в содержание надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, что прямо вытекает из положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1] и подзаконных актов Генеральной прокуратуры РФ.

Специфика трудовых правоотношений с участием несовершеннолетних определяется нормами Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающими ограничения по видам работ, продолжительности рабочего времени, условиям труда, порядку привлечения к сверхурочной работе, ночным сменам, командировкам, а также особыми гарантиями в части оплаты труда и предоставления отпусков [2]. Именно многообразие и императивный характер

указанных требований предопределяют повышенную вероятность их нарушения со стороны работодателей, что подтверждается результатами прокурорских проверок, выявляющих многочисленные факты несоблюдения законодательства при трудоустройстве подростков, особенно в период временной занятости в свободное от учебы время [3].

Особенностью прокурорского надзора в данной сфере является его комплексный характер. Прокуратура осуществляет проверки не только в отношении работодателей, но и в отношении органов государственной власти и органов местного самоуправления, наделенных полномочиями в сфере содействия занятости несовершеннолетних, а также центров занятости населения [4]. В ходе надзорной деятельности прокуроры оценивают полноту и эффективность принимаемых мер по организации временной занятости подростков, наличие финансирования соответствующих программ, достоверность информации о квотируемых рабочих местах, а также законность направлений несовершеннолетних на работу.

При этом особое внимание уделяется защите трудовых прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, состоящих на профилактических учетах, проживающих в многодетных семьях или семьях, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Непосредственный надзор за работодателями выявляет устойчивые типичные нарушения, среди которых отсутствие или формальный характер трудовых договоров, неуказание трудовой функции и условий оплаты труда, несоблюдение требований о сокращенной продолжительности рабочего времени, незаконное привлечение к запрещенным видам работ, а также принятие локальных нормативных актов, не учитывающих специальные гарантии, предоставленные работникам в возрасте до восемнадцати лет [5]. Практика прокурорского реагирования в таких случаях включает принесение протестов на незаконные локальные акты, внесение представлений об устранении нарушений закона, возбуждение дел об административных правонарушениях, а в необходимых случаях – обращение в суд в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних работников [6].

Существенной особенностью прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних является его соотношение с деятельностью Государственной инспекции труда. Законодатель прямо запрещает подмену прокурором органов государственного контроля (надзора), однако прокурорский надзор приобретает особую значимость в условиях отсутствия территориальных подразделений инспекции труда либо при получении информации о системных и грубых нарушениях закона, затрагивающих права социально уязвимой категории работников. В таких ситуациях вмешательство прокуратуры рассматривается как дополнительная гарантия восстановления нарушенных прав и обеспечения законности.

Организационно надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, в том числе в сфере труда, осуществляется специализированными подразделениями и выделенными прокурорами. В структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации функционирует управление по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних [7], а на уровне субъектов

Российской Федерации соответствующая работа организуется в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 г. № 744, который закрепляет приоритетность данного направления и определяет основные формы и методы надзорной деятельности [8].

В научной литературе обоснованно подчеркивается, что эффективность прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних во многом зависит от активной, инициативной позиции прокурора, включая выявление нарушений вне зависимости от наличия обращений со стороны самих несовершеннолетних, которые в силу возраста и правовой незрелости не всегда способны самостоятельно защитить свои права [9]. В этой связи особое значение приобретает анализ информации, поступающей из органов системы профилактики, образовательных организаций, центров занятости, а также использование статистических данных и результатов межведомственного взаимодействия.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних подтверждается результатами правоприменительной практики органов прокуратуры Российской Федерации.

Так, прокуратурой Республики Крым в ходе комплексных проверок исполнения законодательства о защите прав несовершеннолетних выявлено свыше 8 тысяч нарушений закона, по результатам которых внесено около 1,5 тыс. представлений, направлено 670 исковых заявлений в суд, принесено 742 протеста, возбуждено 30 уголовных дел [10]. Значительная часть выявленных нарушений касалась сферы социального обеспечения, образования, охраны жизни и здоровья несовершеннолетних, а также защиты их трудовых прав, что свидетельствует о высокой актуальности данного направления прокурорского надзора и его значительной профилактической роли в обеспечении законности.

Показательным является и конкретный пример восстановления трудовых прав несовершеннолетнего работника. Так, в прокуратуру Республики Крым поступило обращение омбудсмена в интересах несовершеннолетней гражданки 2008 года рождения, работавшей официантом в кафе в летний период. Работодатель, несмотря на соблюдение ею установленного законом порядка увольнения, отказался выплатить заработную плату и отстранил её от работы, нарушив тем самым нормы трудового законодательства. По результатам прокурорской проверки прокуратурой города Алушты внесено представление об устранении нарушений закона, а также возбуждены дела об административных правонарушениях по частям 1, 3 и 4 статьи 5.27 КоАП РФ. В результате принятых мер права несовершеннолетней были полностью восстановлены [11].

Приведенные примеры подтверждают, что прокурорский надзор в сфере трудовых прав несовершеннолетних носит не только реактивный, но и превентивный характер, обеспечивая реальную защиту законных интересов социально уязвимой категории работников и способствуя укреплению законности в сфере трудовых правоотношений.

Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних является самостоятельным и социально значимым направлением правозащитной деятельности, обеспечивающим реальную защиту законных интересов несовершеннолетних работников. Его эффективность определяется комплексным характером надзорных мероприятий, активной

позицией прокурора и использованием мер как восстановительного, так и превентивного воздействия [12]. Указанные особенности позволяют рассматривать данный вид надзора в качестве важного элемента системы гарантий трудовых прав несовершеннолетних в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Восстановлены трудовые права несовершеннолетней // Уполномоченный по правам человека в Республике Крым: [Электронный ресурс] – URL: <https://ombudsman.rk.gov.ru/articles/02e1b3f4-0d94-485c-8da8-b90e2361a905> (дата обращения: 28.04.2026).
2. Волницкая, О.И. Надзор за исполнением законов о защите трудовых прав несовершеннолетних / О.И. Волницкая // Законность. – 2013. – № 3. – С. 13–15.
3. Дмитриева, М.О. Сущность прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних / М.О. Дмитриева // Вестник магистратуры. – 2022. – № 11-4 (134). – С. 69–72.
4. Защита прав несовершеннолетних граждан находится на особом контроле органов прокуратуры // Правительство Республики Крым: [Электронный ресурс] – URL: <https://rk.gov.ru/structure/63b2f235-7dab-47f2-881f-07c367c70999> (дата обращения: 28.01.2026).
5. О занятости населения в Российской Федерации : закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (ред. действующая). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. действующая). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
8. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. действующая). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Усов, А.Ю., Нестерова, Н.А. О роли прокурора в защите трудовых прав несовершеннолетних / А.Ю. Усов, Н.А. Нестерова // Политика и Общество. – 2024. – № 4. – С. 40–48. – DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.72589.
10. Защита прав несовершеннолетних граждан находится на особом контроле органов прокуратуры // Правительство Республики Крым: [Электронный ресурс] – URL: <https://rk.gov.ru/structure/63b2f235-7dab-47f2-881f-07c367c70999> (дата обращения: 28.04.2026).
11. Восстановлены трудовые права несовершеннолетней // Уполномоченный по правам человека в Республике Крым: [Электронный ресурс] – URL: <https://ombudsman.rk.gov.ru/articles/02e1b3f4-0d94-485c-8da8-b90e2361a905> (дата обращения: 28.04.2026).
12. Дмитриева, М.О. Сущность прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних / М.О. Дмитриева // Вестник магистратуры. – 2022. – № 11-4(134). – С. 71–72.

Филипенко Анастасия Сергеевна,
заведующий кафедрой гражданского
и арбитражного права и процесса
АНО «ООВО» «Университет
экономики и управления»,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЁЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

В условиях ускоренной цифровизации и динамичной трансформации социокультурного пространства проблема молодёжного экстремизма приобретает характер комплексной угрозы национальной безопасности государства. Молодёжь нередко становится объектом целенаправленного влияния радикальных структур, гибко адаптирующих свои коммуникационные стратегии под современные информационные реалии. Исходя из этого, нейтрализация экстремистских проявлений требует единого механизма, интегрирующего законодательные ограничения и организационно-превентивные инструменты, ориентированные на раннее выявление рисков и формирование устойчивой правовой культуры.

В соответствии с законодательством экстремистская деятельность (экстремизм) понимается как система общественно опасных деяний, направленных на подрыв конституционно-правовых основ государства, деструктивную идеологическую деятельность, дестабилизацию политико-правового порядка, информационно-символическое обеспечение экстремизма, организационно-финансовое содействие [1, ст. 1].

Причины возникновения экстремизма многофакторны. Одним из ключевых условий остается социальная дезадаптация и разрыв доверия между различными группами общества и государственными институтами. Глубокое имущественное расслоение, неравенство возможностей и кризис общих ценностей ослабляют социальную сплоченность, создавая почву для роста напряженности и появления групп, готовых добиваться изменений, в том числе насильственными методами. При этом современный экстремизм не ограничивается маргинальными слоями. Радикализации подвержены представители разных возрастных, образовательных и профессиональных групп, особенно оказавшиеся в ситуации ценностного вакуума или информационной изоляции. Особую роль играет цифровая среда: алгоритмы соцсетей, закрытые сообщества и онлайн-кураторство ускоряют формирование радикальных взглядов и сетевую мобилизацию. Некоторые формы экстремизма опираются на исторические конфликты или травмы, которые в современных условиях реактивируются через идеологические и информационные кампании. Указанные факторы не служат оправданием экстремизма, но необходимы для понимания его природы и выстраивания эффективной профилактики.

Следует отметить, что в последние годы отмечается стремительный рост молодёжных экстремистских организаций, именно поэтому проблемы борьбы с

распространением этих негативных проявлений приобретают всё большую актуальность.

Достаточно широкое привлечение молодёжи к экстремистским организациям и движениям объясняется не только неудовлетворением материальной стороной жизни. Снижение идеологической составляющей в воспитательном процессе привело к утрате частью молодёжи нравственных ориентиров.

Традиционные для российского менталитета моральные ценности, такие как патриотизм, интернационализм, веротерпимость, подверглись широкомасштабной деструктивной обработке извне. Однако их сохранение необходимо для сохранения внутренней идентичности нации и её солидарности. Вырождение и исчезновение таких ценностей приводит к социально-культурным проблемам, которые скажутся на уровне и качестве жизни подрастающего поколения. На воспитание подростка активно влияет не только семья и образовательные учреждения, но и социальная среда, с которой он взаимодействует. Молодёжные субкультуры являются отражением социальной информации, статуса молодёжи, часто выражают протест сложившимся отношениям в обществе и положению молодёжи в нем [2, с. 16].

Именно молодёжь, которая не способна критически подходить к содержанию публикаций в СМИ ввиду отсутствия жизненного опыта, оказалась наиболее подверженной такому воздействию. Как результат, следует отметить дезориентацию части молодёжи, её бездуховность. Особенности молодёжного экстремизма проявляются в том, что, как правило, объектом правоприменительной деятельности молодые люди становятся лишь тогда, когда совершают преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и так далее).

Причины и условия распространения экстремистских идей в молодёжной среде во многом схожи с причинами и условиями преступности и правонарушений. Они должны исследоваться на трех основных уровнях: общества в целом, социальных групп, отдельного лица.

На общественном уровне на несовершеннолетних негативно влияют социально-экономический кризис, политическая нестабильность и ослабление институтов гражданского общества. Ухудшение экономической и социальной ситуации обостряет проблему занятости подростков. Незанятость остается ключевым фактором роста социальной и криминогенной напряженности, формируя прослойку молодых людей, склонных к противоправным действиям.

На уровне социальных групп противоправное поведение детерминируется через образ жизни подростка в основных институтах социализации (семья, образование, трудовая среда, неформальное окружение).

В современных условиях семья как фундаментальный социальный институт демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению своего антикриминогенного потенциала, что обусловлено комплексом структурно-демографических и социально-психологических трансформаций. К числу определяющих факторов относятся малодетность, снижение среднего возраста вступления в брак, изменение конфигурации внутрисемейных отношений, характеризующееся утратой родителями традиционных авторитетных позиций,

а также трансформация системы семейного воспитания, сопровождающаяся ослаблением межпоколенческих связей и исключением старшего поколения из воспитательного процесса.

Основная позитивная деятельность несовершеннолетних проходит вне рамок семьи, что создает основные предпосылки отчуждения несовершеннолетних от семьи, субъективным фактором может стать отвержение детей родителями. Это проявляется либо в форме явного нежелания воспитывать детей, циничного и пренебрежительного отношения к ним, либо в скрытой форме из-за педагогической беспомощности родителей. В обоих случаях ключевым механизмом, детерминирующим дезадаптацию несовершеннолетнего, выступает дефицит позитивных эмоциональных связей в семье, что снижает её способность выполнять профилактическую функцию и формировать просоциальные ценностные ориентации. Таким образом, эффективность превентивных мер в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних должна коррелировать не с формальными характеристиками семейной структуры, а с качеством детско-родительских отношений и уровнем развития родительской компетентности.

При организации воспитательно-профилактического воздействия следует помнить, что только усилия всего общества могут создать надежный заслон распространению идей экстремизма в молодёжной среде. Необходимо, чтобы работники органов внутренних дел поддерживали тесное взаимодействие с педагогическими коллективами, работниками органов местного самоуправления, представителями общественных объединений легальной направленности.

Наиболее перспективными направлениями усилий общества и государства в этой сфере должны стать:

1. Активная пропаганда идей расовой и религиозной терпимости. Отсутствие жизненного опыта и чёткой позиции у молодёжи активно используется лицами и организациями экстремистского направления, но следует учитывать, что молодёжь более склонна к корректировке, чем взрослые лица.

2. Расширение области межнационального и межконфессионального диалога и активизация пропаганды идей дружбы народов. Довольно часто в основе ксенофобии молодёжи лежит элементарное незнание и непонимание других культур и традиций.

3. Активизация работы молодёжных организаций правопослушной направленности. В основе деятельности молодёжных объединений должна быть живая энергия и минимум специализации. Круговой поруке неформальных объединений должна быть противопоставлена свобода развития личности в рамках гласных молодёжных организаций.

4. Всестороннее утверждение бесперспективности экстремизма как в общественном, так и в личном плане.

5. Использование всех возможностей расширения доступности для молодёжи разрешительных учреждений, в том числе спортивных секций при ОВД.

Защита неокрепшего сознания подростков от деструктивных, чуждоценностных идеологий должна стать ключевым приоритетом в данной области, так как их мировоззрение и система ценностей определяет будущее нашей страны. Сотрудники правоохранительных органов,

обеспечивающие противодействие экстремизму в молодёжной среде, призваны играть в этом процессе важнейшую роль.

Библиографический список:

1. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 16.05.2026). – Режим доступа : из электронных информационных систем. – Текст : электронный.
2. Мешев, И.Х. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия / И.Х. Мешев // Международный научный вестник. – 2024. – № 9 – С. 15–19.

Хилько Иван Юрьевич,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Современное развитие общества сопровождается увеличением количества и масштаба чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) различного характера. Согласно сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2023 году было зафиксировано 43 официальных объявления о ЧС в 29 странах, что стало рекордным показателем за последние десятилетия, при этом общее число пострадавших превысило 130 млн человек [1, с. 11–12]. В Российской Федерации, несмотря на некоторое сокращение общего числа ЧС (в 2024 году – 272, что на 10,8% ниже показателя 2023 года), наблюдается устойчивый рост тяжести их социально-экономических последствий. Так, количество пострадавших в 2024 году составило 696 464 человека, увеличившись в 2,4 раза по сравнению с предыдущим годом, число погибших возросло на 59,35% (до 494 человек), а совокупный материальный ущерб достиг 70,6 млрд рублей, что на 9,8% выше показателя 2023 года [2, с. 11–16]. При этом особую тревогу вызывает тот факт, что среди пострадавших ежегодно оказываются тысячи несовершеннолетних: в 2024 году медицинская эвакуация потребовалась 2 167 детям, медицинская помощь оказана 4 827 детям, госпитализированы 12 детей, эвакуированы 238 детей.

Дети являются наиболее уязвимой категорией населения в условиях ЧС в силу физиологических, психологических и социальных особенностей. В связи с этим обеспечение безопасности несовершеннолетних при возникновении и ликвидации последствий ЧС приобретает стратегическое значение. Ключевая роль в реализации государственных гарантий защиты прав детей в экстремальных условиях принадлежит органам прокуратуры. Как справедливо

отмечает Ю.Ю. Басова, к основным задачам прокурорского надзора в ЧС следует относить: защиту и восстановление прав пострадавших граждан; принятие комплексных мер реагирования, направленных на нормализацию обстановки; обеспечение целевого расходования бюджетных средств; контроль за своевременностью аварийно-спасательных и восстановительных работ [3, с. 87–88]. Указанные задачи приобретают особую специфику применительно к защите прав несовершеннолетних, что требует отдельного научного осмысления и выработки практических рекомендаций.

Анализ надзорной практики позволяет выделить несколько ключевых направлений деятельности прокуроров по обеспечению безопасности детей в условиях ЧС, каждое из которых характеризуется типичными нарушениями и требует системного подхода.

Первое направление – надзор за организацией эвакуации несовершеннолетних и их размещением в пунктах временного размещения. Практика показывает, что эвакуационные мероприятия зачастую осложняются внезапностью возникновения ЧС, дефицитом транспорта и подготовленного персонала, а также отсутствием учета потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья. Прокурорами повсеместно выявляются такие нарушения, как неисправность систем оповещения, неготовность эвакуационных маршрутов, отсутствие необходимого медицинского и педагогического сопровождения.

Второе направление – надзор за реализацией права на образование в условиях ЧС. Опыт весеннего паводка 2024 года в Оренбургской области, где был введен режим ЧС федерального характера, показал, что при надлежащем взаимодействии органов власти и прокуратуры удается обеспечить непрерывность учебного процесса путем перехода на дистанционное обучение и предоставления возможности зачисления эвакуированных детей в местные образовательные организации. Особого внимания требует организация летнего оздоровительного отдыха для детей, пострадавших от ЧС. В той же Оренбургской области после паводка было повреждено более 50% загородных детских лагерей, что потребовало принятия прокурорами более 20 предостережений руководителям организаций о недопустимости нарушений санитарно-эпидемиологических и противопожарных требований.

Третье направление – надзор за оказанием психологической помощи несовершеннолетним, вовлеченным в последствия боевых действий и иных кризисных ситуаций. Изучение материалов прокурорских проверок в 2025 году выявило системный характер нарушений при реализации региональных программ психологического сопровождения. Например, среди несовершеннолетних, включенных в «группу риска», коррекционная работа проводилась лишь с третьей частью от их общего количества, а рекомендации к обращению к врачам-психиатрам получили только менее 10% подростков при высоком уровне дезадаптации. Прокурорскими проверками установлены факты формального подхода к составлению планов воспитательной работы, несвоевременного утверждения локальных актов (например, в одной из школ такой акт был утвержден лишь спустя полтора учебного года), отсутствия индивидуальных планов сопровождения детей из семей вынужденных переселенцев. Следствием этих нарушений стали суициды и суицидальные

попытки среди подростков, в том числе вызванные неблагоприятной обстановкой в приграничных регионах и трудностями дистанционного обучения.

Четвертое направление – надзор за антитеррористической и пожарной защищенностью объектов детской инфраструктуры. Типичными нарушениями являются: неисправность или отсутствие ограждений по периметру школ, необеспечение пропускного и внутриобъектового режимов, эксплуатация автоматических систем пожарной сигнализации сверх установленного срока, отсутствие огнетушителей и загромождение эвакуационных выходов. В 2025 году по итогам проверок органами прокуратуры руководителям образовательных организаций внесены многочисленные представления, удовлетворены требования о привлечении виновных должностных лиц к дисциплинарной и административной ответственности.

Пятое направление, возникшее относительно недавно, – противодействие вовлечению несовершеннолетних через сеть Интернет в совершение диверсионно-террористических актов. Анализ оперативной обстановки свидетельствует о появлении устойчивой практики склонения подростков «зарубежными кураторами» к поджогам зданий правоохранительных органов, объектов критической инфраструктуры, банков, отделений связи. Указанные действия совершаются под влиянием обмана, психологического давления и обещаний материального вознаграждения.

Представленный обзор деятельности органов прокуратуры по обеспечению безопасности детей в условиях чрезвычайных ситуаций позволяет сделать вывод о необходимости перехода от модели оперативного реагирования на уже произошедшие инциденты к риск-ориентированному прокурорскому надзору и превентивному контролю за состоянием защищенности объектов детской инфраструктуры. Такая трансформация полностью коррелирует с задачами Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358 [4, с. 2–4].

В целях совершенствования правового регулирования и повышения эффективности прокурорской деятельности предлагается:

1. Внести изменения в статью 14.1 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», закрепив обязанность органов исполнительной власти и местного самоуправления проводить ежегодные комплексные проверки безопасности объектов детской инфраструктуры на предмет их устойчивости к регионально-специфичным рискам ЧС (паводки, лесные пожары, техногенные угрозы) с обязательным уведомлением прокуроров о результатах.

2. Разработать и утвердить единый стандарт «паспорта безопасности обучающегося», предусматривающий обучение детей алгоритмам действий при различных типах ЧС, включая правила цифровой гигиены в условиях информационных атак в период кризисных ситуаций.

3. Рекомендовать прокурорам субъектов Российской Федерации внедрить практику межведомственных плановых проверок готовности образовательных организаций к ЧС перед началом каждого учебного периода (по аналогии с приемкой школ), фокусируясь на проверке работоспособности систем

оповещения и фактической возможности эвакуации маломобильных групп детей.

Реализация указанных мер позволит существенно повысить уровень защищенности детей в условиях чрезвычайных ситуаций и обеспечит эффективное выполнение органами прокуратуры возложенных на них надзорных функций.

Библиографический список:

1. УВКБ ООН: Число чрезвычайных гуманитарных ситуаций в 2023 году достигло рекордных показателей за последнее десятилетие // Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – URL: https://www.unhcr.org/ru/34115-humanitarian_emergencies2023.html (дата обращения: 18.05.2026).

2. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году». – Москва: МЧС России, 2025. – С. 11–16. – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7807> (дата обращения: 18.05.2026).

3. Басова, Ю.Ю. Специфика задач, функций и направлений деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях: проблемы теории и законодательства / Ю.Ю. Басова // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 5. – С. 87–88.

4. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320 (дата обращения: 18.05.2026).

Худякова Наталья Владимировна,
прокурор отдела по надзору
за исполнением законодательства
в сфере экономики управления
по надзору за исполнением
федерального законодательства
прокуратуры Ростовской области

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ВЫБОРЕ СПОСОБА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сегодня на повестке дня глобальные вызовы, противодействие экстремизму и терроризму, охрана прав человека в чрезвычайных ситуациях, обеспечение государственной и общественной безопасности. Но наряду с острыми социальными и порой политическими проблемами актуальными продолжают оставаться вопросы бытовой защищенности и соблюдения неотъемлемых прав и свобод в жилищно-коммунальной сфере правоотношений.

Жилищно-коммунальное хозяйство – это то, с чем каждый человек сталкивается ежедневно. Умыться и включить чайник утром, спуститься на лифте, выйти во двор – за каждым этим действием стоит обязанность организаций жилищно-коммунального комплекса предоставлять услуги надлежащего качества. Однако собственники жилья и лица, пользующиеся им, также должны принимать участие в «делах дома». В данной статье мы рассмотрим актуальные вопросы обеспечения законности при выборе способа управления многоквартирным домом (далее – МКД) – одной из главных обязанностей собственников помещений.

Управление МКД представляет собой деятельность, направленную на обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания, надлежащее содержание общего имущества МКД, решение вопросов пользования им, предоставление проживающим в МКД коммунальных услуг и постоянную готовность инженерных коммуникаций и другого оборудования к ежедневной эксплуатации, что закреплено в ч. 1 ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и п. 2 Правил осуществления деятельности по управлению многоквартирным домом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 15.05.2013 № 416.

Согласно ч. 2 ст. 161 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом:

- 1) непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме, количество квартир в котором составляет не более чем тридцать;
- 2) управление товариществом собственников жилья (далее – ТСЖ) либо жилищным или специализированным потребительским кооперативом;
- 3) управление управляющей организацией.

Способ управления выбирается на общем собрании собственников помещений в МКД и может быть выбран и изменен в любое время на основании его решения. Решение общего собрания о выборе способа управления является обязательным для всех собственников помещений в МКД. Но даже если собственники не приняли такое решение или не реализовали его, дом без управления не останется.

Так, полномочия органов местного самоуправления по проведению конкурса по отбору управляющей компании МКД установлены в ст. 14, 161 и ч. 5 ст. 200 ЖК РФ.

На практике определение способа управления МКД зачастую затягивается органами местного самоуправления, что приводит к отсутствию организации, несущей ответственность за управление домом, содержание общедомового имущества, которое без надлежащего обслуживания приходит в упадок. Более того, на указанные конкурсы обычно заявляются управляющие компании, предлагающие самый минимальный перечень услуг, так как тариф на обслуживание МКД устанавливается в минимально возможном размере, утвержденном муниципальным образованием, что приводит к нарушению прав собственников, оказанию услуг ненадлежащего качества, запустению жилого фонда.

Органами прокуратуры Ростовской области принимаются комплексные меры по сокращению количества домов, в отношении которых способ управления не выбран или не реализован. Только во втором полугодии 2025 года благодаря надзорному сопровождению удалось добиться снижения на 200 домов из общего количества. Также приняты меры к операторам ГИС ЖКХ в целях размещения соответствующей действительности информации (более 80 представлений, порядка 50 должностных лиц по постановлениям прокуроров привлечены к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 13.19.2 КоАП РФ), что позволило добиться размещения информации о непосредственном способе управления 269 МКД.

Если первая проблема – это отсутствие определенного в установленном законом порядке способа управления МКД (по причине отсутствия инициативы жильцов и ненадлежащего исполнения своих обязанностей органами местного самоуправления), то вторая – это нереализация выбранного способа.

Рассмотрим на простом примере. Жильцы небольшого дома принимают решение, что управляющая компания – это дорого, брать на себя ответственность, организовывать ТСЖ или кооператив и становиться его председателем никто из собственников жилья не хочет, соответственно, формально выбирается непосредственный способ управления. Но непосредственный способ управления – не значит, что собственники освобождены от обязанности содержания МКД или что за них содержать общедомовое имущество должен муниципалитет, наоборот при любой аварийной ситуации жильцы остаются один на один с проблемой. Обслуживание МКД полностью становится зоной ответственности собственников. Организовать подготовку к отопительному сезону, провести техническое обслуживание внутридомового газового оборудования, убрать придомовую территорию и подъезды – всё должны сделать жильцы сами либо привлечь сторонних лиц за отдельную плату.

Но выбор способа управления ТСЖ или управляющей компанией также не значит, что собственник устраняется от участия в содержании дома. Только собственники могут обеспечить оперативный контроль за реализацией способа управления, определить характер и первоочередность необходимых работ по содержанию дома.

Во многих домах выбранный непосредственный способ управления фактически не реализуется, и это представляет реальную опасность. В прошлом году прокуратурой области организованы проверки соблюдения законодательства при эксплуатации газового оборудования. Выявлено, что собственниками помещений более 300 многоквартирных домов выбранный способ управления не реализуется, надлежащее обслуживание внутридомового газового оборудования, дымовых и вентиляционных каналов не обеспечено. При этом органами местного самоуправления полномочия, предусмотренные ч. 4 ст. 161 ЖК РФ, по проведению конкурса на заключение договора управления и назначению управляющей компании в случае признания его несостоявшимся также не реализованы. По всем указанным фактам приняты меры прокурорского реагирования, внесено более 20 представлений (во все крупные муниципальные

образования) органами местного самоуправления инициированы конкурсные процедуры, по большинству домов уже назначены управляющие компании.

Отдельно стоит отметить вопросы противодействия злоупотреблениям при выборе способа управления многоквартирными домами. Так, недобросовестные организации жилищно-коммунального комплекса, используя пассивную позицию собственников помещений по выбору и реализации способа управления МКД, незаконно становятся управляющими компаниями.

Подделываются протоколы общих собраний собственников, которые не проводились, фальсифицируются подписи и решения (бюллетени голосования), собственники помещений зачастую узнают о том, что их дом находится в управлении, когда приходят квитанции за оказанные жилищно-коммунальные услуги. В 2025 году органами прокуратуры области по подобным фактам в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в органы предварительного расследования направлены материалы для рассмотрения вопроса об уголовном преследовании, по результатам рассмотрения которых возбуждены и расследуются более 10 уголовных дел. В целях недопущения необоснованного внесения изменений в реестр лицензий по таким многоквартирным домам проинформирован руководитель Государственной жилищной инспекции Ростовской области.

Помимо осуществления надзорной деятельности, на практике также важна просветительская работа органов прокуратуры в данном направлении, что уже реализовано в регионе в 2026 году.

Решение любой жилищно-коммунальной проблемы в МКД начинается с вопроса о лице, ответственном за эксплуатацию жилого фонда. Обеспечение законного выбора и фактической реализации способа управления МКД – это общая задача граждан, общества, органов власти и правоохранительных органов, целью которой является безопасная и правомерная эксплуатация жилого фонда.

Шадрин Иван Александрович,
доцент кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в гражданском,
арбитражном и административном
процессе Крымского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современном обществе цифровые технологии занимают всё более ведущие позиции. Их применение позволяет сделать более продуктивной практически любую деятельность.

Такие активно развивающиеся направления, как информационная глобализация, внедрение технологий искусственного интеллекта и цифровая трансформация, являются основой для последовательной эволюции государства и его управленческих структур.

В связи с имеющимся вектором развития цифровая трансформация является одной из основных стратегических целей Российской Федерации, для достижения которой ведется системная деятельность по переводу в цифровой формат работы всех государственных органов. Прокуратура как надзорное ведомство, выполняющее важнейшие государственные задачи, должна максимально синхронизироваться с этим процессом.

В данных условиях подготовка кадров для органов прокуратуры, соответствующих обновляемым профессиональным стандартам, особенно в свете активизации киберпреступности и острой необходимости адекватной борьбы с ней и её предупреждению, приобретает особую важность.

Переход к цифровой среде в экономике и социальной сфере предполагает повсеместное использование современных технологий.

Этот процесс происходит уже не первый год, и задача по адаптации институтов государства и общества к цифре требует серьезных изменений в деятельности различных структур и поиска новых подходов. Современная государственная политика России направлена на построение национальной модели цифровой экономики. Её цель – развитие общества, основанного на знаниях, и обеспечение национальных интересов в цифровом поле. Доказательством этого служат документы стратегического планирования. В первую очередь речь идёт об Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, посвященном Стратегии развития информационного общества (период действия – 2017–2030 гг.) [1, с. 138].

Среди главных целей развития России до 2030 года особое место занимает цифровая трансформация. Подготавливая почву для цифровой экономики, государство переводит в цифровую среду деятельность всех государственных органов, в том числе органы и организации прокуратуры. Смысл этого – сделать работу надзорного ведомства комплексно более эффективной, что подразумевает внедрение в деятельность решений в сфере информационных технологий, повышение приоритета цифровых данных, а также подготовку кадров, которые смогут качественно работать в новых экономических и технологических реалиях.

В этом направлении уже реализована Концепция цифрового преобразования прокуратуры России (действовала до 2025 г.), и в настоящее время продолжают мероприятия согласно Плану по внедрению искусственного интеллекта и автоматизации в прокурорской системе на период 2024–2026 гг. Эти организационные и стратегические документы призваны комплексно улучшить работу надзорных органов. В частности, они создают методическую и технологическую основу для того, чтобы сотрудники прокуратуры могли развивать свои навыки и полноценно исполнять обязанности в новых условиях цифровой экономики [2, с. 66].

Внедрение цифровых технологий в деятельность прокуратуры способствовало повышению результативности надзора за соблюдением законности в Российской Федерации, а также ускорило реагирование ведомства на актуальные угрозы и проблемы. В частности, начиная со второй половины 2018 года, прокурорские органы приобрели возможность, используя анализ сведений из цифровых источников, контролировать расходы и организовывать

проверочные мероприятия в отношении бывших госслужащих, уволенных по итогам предыдущих проверок [3, с. 215].

В целом цифровизация прокурорского надзора представляет собой неотъемлемый этап объективного и неизбежного внедрения государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ориентированной на ускоренную трансформацию управления государством. Для повышения качества надзора за счёт внедрения совместных передовых цифровых решений по обработке исходных данных при всех видах надзорной деятельности требуется также цифровое преобразование МВД, Росгвардии, МЧС, ФССП и прочих контрольных и надзорных ведомств. Логичным итогом видится создание единой цифровой системы прокуратуры, правоохранительной и контрольно-надзорных ведомств [4, с. 5].

В существующей реальности в качестве ключевых задач цифровизации прокурорской деятельности, повышающей эффективность выполнения возложенных функций и задач в наиболее оптимальной форме, возможно предположить формирование трансформированной системы надзора, повышающей результативность работы прокуратуры, создание условий для обеспечения свободного, стабильного и безопасного взаимодействия между контрольно-надзорными органами, обществом и государством, определение условий для оперативного и точного выполнения надзорных функций, а также оптимизация и ускорение документооборота, отдавая предпочтение цифровому формату.

Учитывая многообразие направлений жизнедеятельности общества и государственных процессов, охваченных прокурорским надзором, подход к внедрению информационных технологий и трансформация работы прокуратуры требует детального и комплексного подхода, интегрируя современные технологии в каждый этап, а также стандартизацию данной сферы в целях формирования законной и актуальной правоприменительной практики. Сложность и структурированность функционирования прокурорской системы, строгая организованность и вертикальная подчиненность в её работе в этом случае может в недостаточной мере способствовать оперативному внедрению новых методов анализа и выявления правонарушений, что в условиях стремительного развития технологий и повышения потребности общества в комплексной и всеобъемлющей защите от возникающих угроз в новой цифровой реальности требует принятия мер, направленных на оптимизацию и ускорение процессов интеграции прокуратуры в современные цифровые процессы и повышение гибкости и оперативности изменения требований и подходов к организации надзора. Внедрение современных способов сбора, анализа и оценки информации, в свою очередь, должно вывести на новый уровень подход к подготовке прокурорских работников, формируя у них знания и компетенции, соответствующие изменяющимся запросам и актуальным тенденциям в обществе.

Библиографический список:

1. Евдокимов, К.Н. Противодействие технотронной преступности: теория, законодательство, практика : монография / К.Н. Евдокимов // Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 171 с.

2. Демидова-Петрова, Е.В. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации: формирование новых профессиональных компетенций / Е.В. Демидова-Петрова // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 8. – С. 62–66.

3. Карпышева, Ю.О. Проблемы и перспективы использования государственной автоматизированной системы правовой статистики в работе прокурора / Ю.О. Карпышева // Законность. – 2021. – № 12. – С. 25–27.

4. Белов, С.Д. Цифровизация прокурорского надзора и вопросы взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными и контрольно-надзорными органами / С.Д. Белов // Законность. – 2018. – № 8. – С. 3–6.

Шаипов Руслан Рястович,
заместитель прокурора г. Дебальцево
Донецкой Народной Республики,
советник юстиции

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ВЗРЫВЧАТЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ И ВЗРЫВНЫМИ УСТРОЙСТВАМИ (ПРИБРЕТЕНИЕ, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКА) ПО ПРИЗНАКАМ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Квалификация незаконных действий с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами по ст. 222.1 УК РФ устойчиво вызывает затруднения в правоприменении из-за альтернативного характера объективной стороны [9]. Вопросы квалификации незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ неоднократно становились предметом исследований отечественных ученых-криминалистов. Работы таких авторов, как Л.В. Иногамова-Хегай, В.П. Тихий, Н.Г. Кадников, А.И. Рарог, А.В. Наумов, внесли существенный вклад в понимание проблем данной сферы. Однако, несмотря на наличие научных трудов, продолжает оставаться дискуссионным вопрос о чётких разграничительных критериях между различными формами объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 222.1 УК РФ, что требует дальнейшего углубленного изучения.

Особую проблему представляет разграничение смежных форм – приобретения, хранения и перевозки. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, «приобретение и хранение нередко сливаются в единый процесс, при этом перевозка может выступать как способ хранения или как самостоятельное действие» [5, с. 134]. Приобретение взрывчатых веществ представляет собой активное действие по установлению незаконного владения, которое считается оконченным с момента фактического перехода предмета к виновному. Момент юридического окончания приобретения (с момента достижения договоренности о передаче) может не совпадать с моментом фактического получения предмета во владение, например, при использовании посредника, который получает предмет, а затем передает его виновному. Однако, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, «приобретение не поглощается последующим хранением, если оно было

совершено с иной целью, нежели личное владение» [2, с. 54]. Представляется, что данная позиция является наиболее обоснованной, поскольку она позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от субъективной направленности деяния: если приобретение изначально было ориентировано на последующее хранение, то содеянное охватывается единым умыслом; если же цели различны (приобретение для сбыта, а затем – хранение для личного использования), требуется квалификация по совокупности преступлений. В отличие от приобретения, хранение характеризуется статичным удержанием предмета во владении без его активного перемещения. В.П. Тихий подчеркивает, что «хранение может быть как активным (сокрытие, оборудование тайника), так и пассивным (бездействие по добровольной выдаче), но всегда предполагает контроль над предметом в определенном месте» [8, с. 45]. Разграничение между хранением и перевозкой строится именно на пространственном критерии: перевозка – это перемещение предмета с использованием транспортного средства, при котором основной целью является изменение его местонахождения, а не обеспечение сохранности.

Наиболее сложным является отграничение перевозки от хранения, когда лицо передислоцирует предмет в целях его сбережения. Н.Г. Кадников отмечает, что «перевозка в качестве самостоятельного действия должна квалифицироваться лишь в тех случаях, когда она не является элементом хранения, то есть не обусловлена необходимостью физического удержания предмета в привычном месте» [3, с. 234]. Данный подход представляется верным, однако он нуждается в конкретизации: критерием разграничения должна выступать не просто «необходимость удержания», а наличие или отсутствие у виновного самостоятельного умысла на перемещение предмета, не связанного с его сбережением. Если перемещение продиктовано исключительно стремлением сохранить предмет (например, смена тайника из-за угрозы обнаружения), то оно поглощается хранением; если же целью является, например, передача предмета третьему лицу или его использование в другом месте, то перевозка является самостоятельным действием. Данный подход подтверждается судебной практикой. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 27.08.2024 № 25-УД24-11-К4 рассмотрела дело, в котором лицо, приобретя взрывчатое вещество, хранило его в гараже, а затем перевезло на автомобиле на расстояние около 10 км в заброшенное строение с целью сокрытия от сотрудников правоохранительных органов. Суды нижестоящих инстанций квалифицировали перевозку как самостоятельное преступление, однако Верховный Суд РФ указал, что перемещение было обусловлено необходимостью продолжения хранения и не выходило за пределы единого длящегося преступления. В связи с этим действия были переквалифицированы как незаконное хранение, а перевозка признана способом его реализации, не образующим совокупности преступлений [6]. Таким образом, перевозка поглощается хранением, если она носит вспомогательный характер и не преследует самостоятельной цели, отличной от цели хранения.

В доктрине также дискутируется вопрос о совокупности приобретения и последующего хранения. А.И. Рарог полагает, что «приобретение и хранение

могут образовывать единое продолжаемое преступление, если они охвачены единым умыслом, однако при одновременности действий и различии целей требуется квалификация по совокупности» [7, с. 321]. Данная позиция заслуживает поддержки, однако необходимо подчеркнуть, что различие целей должно быть доказано. В частности, если лицо, изначально приобретшее взрывчатое вещество для сбыта, впоследствии меняет умысел и хранит его для личного использования, то содеянное образует совокупность: приобретение для сбыта (ч. 1 или ч. 2 ст. 222.1 УК РФ в зависимости от цели) и хранение (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ). Однако на практике доказывание изменения умысла крайне затруднительно, что требует от правоприменителя тщательного анализа субъективной стороны. Например, как отмечает М.В. Бавсун, «если лицо сначала приобрело взрывчатку для сбыта, а затем, не реализовав умысел, хранило её уже с целью личного использования, содеянное следует квалифицировать по двум эпизодам» [1, с. 98].

Передача и сбыт, в отличие от хранения и перевозки, характеризуются наличием второго субъекта (получателя) и направлены на выведение предмета из владения виновного. Пересылка же отличается способом перемещения — использование почтовых, багажных отправок или услуг связи, что исключает непосредственное сопровождение виновным. Ношение, в свою очередь, предполагает наличие предмета в непосредственной близости от виновного (на теле, в одежде, в ручной клади), и, как правило, является кратковременным, при этом при доказанности умысла на хранение оно поглощается последним, не образуя совокупности. Таким образом, ношение не требует самостоятельной квалификации, если оно охватывается единым умыслом на хранение; исключения составляют случаи, когда ношение осуществляется с целью, отличной от хранения (для демонстрации или передачи), либо когда оно выходит за временные рамки, обычно присущие кратковременному нахождению предмета при себе. При этом следует согласиться с мнением А.П. Кузнецова о том, что ношение не образует самостоятельного преступления, если не сопряжено с иными квалифицирующими признаками или не выходит за рамки основного умысла (приобретения или хранения) [4, с. 77–79].

Для устранения разночтений в правоприменительной практике представляется необходимым принятие дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». В частности, требуется разъяснить следующее:

1. критерии разграничения перевозки и хранения: перевозка признается самостоятельным действием только в случае, если она не обусловлена необходимостью сохранения предмета и преследует иную цель (передачу, использование, сбыт);

2. момент окончания приобретения: приобретение считается оконченным с момента фактического получения предмета во владение, а не с момента достижения договоренности;

3. правила квалификации при изменении умысла: при доказанности изменения цели владения (с приобретения для сбыта на хранение для личного использования) содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что разграничение незаконных действий с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами должно проводиться на основе комплексного анализа признаков объективной стороны, учитывая:

1. момент юридического окончания действия;
2. пространственно-временной критерий;
3. субъективно-целевой критерий – является ли действие способом реализации другого (перевозка как способ хранения) или самостоятельной целью, а также наличие или отсутствие единого умысла на совершение нескольких действий;
4. способ реализации – наличие или отсутствие использования транспортных средств, использование почтовых или иных служб.

Применение данных критериев в совокупности, с учетом анализа умысла виновного и конкретных обстоятельств дела, позволит минимизировать ошибки при квалификации и обеспечить точное применение уголовного закона. Предложенные изменения в разъяснения высших судебных инстанций, направленные на детализацию признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 222.1 УК РФ, и унификацию подходов к разграничению смежных деяний, будут способствовать формированию единообразной правоприменительной практики.

Библиографический список:

1. Бавсун, М.В. Проблемы разграничения смежных составов преступлений в уголовном праве Российской Федерации : дисс. ... д-ра юрид. наук / М.В. Бавсун. – Омск, 2015. – 375 с.
2. Иногамова-Хегай, Л.В. Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность / Л.В. Иногамова-Хегай. – М. : Норма, 2009. – 224 с.
3. Кадников, Н.Г. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и доказывания / Н.Г. Кадников. – М. : Юрид. лит., 2008. – 416 с.
4. Кузнецов, А.П. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография / А.П. Кузнецов, А.Е. Королев. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 184 с.
5. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – М. : Волтерс Клубер, 2017. – 504 с.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.08.2024 № 25-УД24-11-К4. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27082024-n-25-ud24-11-k4/> (дата обращения: 15.05.2026).
7. Рарог, А.И. Уголовное право России. Общая часть : учебник / А.И. Рарог. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 432 с.
8. Тихий, В.П. Проблемы квалификации преступлений против общественной безопасности / В.П. Тихий // Уголовное право. – 2024. – № 3. – С. 45–52.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Шакирьянов Марат Мавлявиевич,
заведующий кафедрой основ управления,
организации и цифровизации прокурорской
деятельности Казанского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Прокуратура Российской Федерации играет важную роль в обеспечении национальной безопасности и защите прав и свобод граждан от угроз, связанных с экстремистской деятельностью и терроризмом.

Возрастающая военно-политическая агрессия против Российской Федерации со стороны отдельных иностранных государств стала основной причиной роста террористических и экстремистских преступлений на её территории. В 2025 году количество террористических преступлений выросло почти на 60% и достигло 5 920, а экстремистских – чуть более чем на 30% до 2 241.

Число терактов увеличилось вдвое главным образом за счет беспилотных и артиллерийских атак на объекты гражданской инфраструктуры, в том числе и жилые здания. Так, в ночь на 22 мая 2026 г. вооруженные силы Украины нанесли массированный удар с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) по учебному корпусу и общежитию Старобельского профессионального колледжа Луганского педагогического университета, где проживали дети в возрасте от 14 до 18 лет. В результате целенаправленных ударов погиб 21 студент колледжа, пострадали 63 человека.

В этих условиях по требованиям прокуроров владельцами предприятий промышленности, энергетики, транспорта и иных организаций укреплен их периметр, закуплены средства защиты, в том числе радиоэлектронной борьбы и другие.

В целях недопущения использования средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть Интернет) для осуществления экстремистской и террористической деятельности органами прокуратуры организован их постоянный мониторинг.

В связи с ростом экстремистских проявлений, совершенных в большинстве случаев с использованием сети Интернет, в 2025 году по требованиям прокуроров Роскомнадзором закрыт доступ к 62 000 интернет-страниц с опасным контентом.

Непрекращающиеся попытки недружественных стран обвинить Россию в агрессивной внешней и внутренней политике и попытки расшатать политическую ситуацию в стране стали причиной признания нежелательными 112 иностранных и международных организаций. На сегодняшний день в соответствующий реестр внесено 346 юридических лиц с таким статусом.

Предметом деятельности указанных организаций также является культивирование деструктивной идеологии среди молодого поколения и продвижение «демократических идей».

Среди негативных тенденций следует отметить вовлечение несовершеннолетних и молодёжи в совершение поджогов зданий муниципалитетов, военкоматов, объектов транспортной инфраструктуры и связи, почтовых отделений, банков, осуществляемых под влиянием обмана по указанию зарубежных кураторов и иностранных спецслужб.

За 2025 год общее число несовершеннолетних, причастных к терроризму и экстремизму, возросло вдвое. Соответственно, в большинстве случаев их вербовка проводилась дистанционно с использованием сети Интернет.

Развернувшаяся сейчас дискуссия об ограждении детей от деструктивного контента далеко не беспочвенна. Требуется качественное изменение подходов к профилактической работе в данном направлении субъектов профилактики правонарушений, включая родителей, педагогов и психологов образовательных организаций и т.д.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов органами государственной власти, местного самоуправления, правоохранительными органами и другими структурами, участвующими в противодействии экстремистской деятельности и терроризму.

Приоритетным направлением деятельности прокуроров является надзор за исполнением законов об антитеррористической защищенности объектов различных категорий, в том числе мест массового пребывания людей.

В ходе проверок выявляются многочисленные нарушения требований законодательства: несоблюдение сроков проведения актуализации паспортов безопасности, отсутствие контроля за реализацией запланированных мероприятий и другие.

Одной из ключевых функций прокуратуры является координация деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия экстремистской и террористической деятельности. Она включает в себя организацию совместных мероприятий, обмен информацией и координацию действий по профилактике и пресечению таких преступлений.

Прокуратура активно участвует в профилактике экстремистской и террористической деятельности, которая включает в себя проведение проверок в образовательных учреждениях, организациях и учреждениях культуры в целях выявления и пресечения распространения экстремистских материалов, а также работу с молодёжью и другими группами населения для формирования толерантности и уважения к культурным и религиозным различиям.

В целях улучшения качества работы в указанном направлении возможно использование прокурорами системы мониторинга и анализа неструктурированной информации из открытых источников данных «Арсенал». Доступ к системе мониторинга осуществляется через сеть Интернет.

Система состоит из двух модулей: «Арсенал. СМИ» и «Арсенал. Соцмедиа», которые осуществляют функции сбора и хранения данных, собранных из федеральных, региональных и зарубежных источников, 12 социальных сетей и блогов; агрегации данных по тематическим сегментам;

расширенного поиска информации; автоматического проставления тональности, массовой обработки сообщений (ручного изменения тональности, тегирования, удаления нерелевантных сообщений, анализа информации, опубликованной в иностранных СМИ и социальных медиа с автоматическим переводом на русский язык). Информация о возможности получения ключей доступа к указанному ресурсу доводилась письмом Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2024 году.

В условиях глобализации мирового сообщества угрозы экстремистской и террористической деятельности приобретают международный характер. Прокуратура Российской Федерации активно сотрудничает с зарубежными коллегами в сфере обмена информацией, координации действий по пресечению международных террористических сетей и экстрадиции преступников.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму является важным элементом системы обеспечения национальной безопасности. Благодаря комплексному подходу российская прокуратура вносит значительный вклад в защиту прав и свобод граждан, а также в обеспечение стабильности и безопасности в нашем государстве.

Библиографический список:

1. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2025 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. И.М. Мацкевича. – М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2026. – С. 143–144.

2. «Дети выбегали из общаг»: десятки человек ранены и шестеро погибли при атаке ВСУ на колледж в ЛНР // <https://www.gazeta.ru/social/2026/05/22/22973089.shtml?ysclid=Mplhqw2g2790283734> (дата обращения: 22.05.2026).

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21.03.2018 № 156.

4. Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Гуцан выступил с докладом в Совете Федерации // <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8463315/> (дата обращения: 20.05.2026).

5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Ст. 5.

Шеставин Денис Андреевич,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ЗАКОННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЛИЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Обращения граждан в органы власти являются одним из способов инициирования процедуры реализации иных конституционных прав. Через обращения в государственные органы и органы местного самоуправления заявители могут сообщить о каких-либо нарушениях закона, выразить свои предложения органам публичной власти по совершенствованию их деятельности, ходатайствовать об оказании содействия в реализации прав. Немаловажной в механизме правового диалога между государственными органами, органами местного самоуправления и населением является возможность граждан обращаться лично в органы публичной власти, реализуя тем самым свое конституционное право на личное обращение.

Конституционное право на личное обращение является юридически определенной возможностью заявителя в ходе очной встречи (либо посредством дистанционной коммуникации) изложить должностному лицу содержание своего волеизъявления. Реализация конституционного права на личное обращение представляется принятием совокупности активных правомерных действий со стороны обращающегося в целях проявления своего волеизъявления в порядке, установленном законом. Наиболее распространенным способом реализации конституционного права граждан на личное обращение является личный прием.

Немаловажную роль в обеспечении законности при реализации конституционного права граждан на личное обращение осуществляют органы прокуратуры. Следует отметить, что к прокурорским работникам систематически обращаются по различным вопросам граждане на личном приеме. Так, в 2025 году на личный прием в органы прокуратуры Российской Федерации обратилось более 1,2 миллиона граждан, превысив соответствующий показатель 2024 года на 2,8%; на 3% увеличилось количество заявителей, принятых руководством органов прокуратуры Российской Федерации на личном приеме (644 329 граждан, или 51,9% от общего числа посетителей); по итогам личного приема в органах прокуратуры Российской Федерации принято 446,9 тысяч (+12,9%) письменных заявлений, 375,2 тысячи (+11,4%) из которых разрешены. Организация личного приема заявителей в органах прокуратуры позволяет оперативно установить факты нарушений закона и принять меры, направленные на восстановление прав граждан.

Следует отметить, что прокурорами активно проводится личный прием участников специальной военной операции и членов их семей. Практикуются различные виды личного приема. Так, проведенный нами опрос 248 оперативных прокурорских работников показал, что из предложенных видов личного приема

наиболее распространенными в органах прокуратуры являются следующие: стандартный (в помещении органов прокуратуры) отметили 208 (55%) респондентов; выездной с использованием помещения отметили 80 (21%) респондентов; выездной без использования помещения отметили 9 (2%) респондентов; посредством видео-конференц-связи отметили 12 (3%) респондентов; посредством «горячей линии» отметили 29 (8%) респондентов; межведомственный совместно с иными органами и организациями отметили 36 (10%) респондентов (чаще всего совместно с органами прокуратуры в проведении личного приема участвуют Государственный фонд «Защитники Отечества», военная прокуратура, органы местного самоуправления); иное отметили 2 (1%) респондента. В своем варианте ответа оперативные работники указали на проведение личного приема на дому и адресное посещение участников специальной военной операции и членов их семей. Как видим, в органах прокуратуры продолжается совершенствование и активное внедрение различных видов личного приема граждан.

В органах прокуратуры для оперативного получения информации от населения, а также для создания дополнительных условий для надлежащей реализации конституционного права на личное обращение функционируют мобильные и временные приемные. Так, мобильные приемные создаются для «осуществления оперативных выездов» в рамках заранее утвержденных планов и графиков приемов; временные приемные создаются «на определенный срок (как правило, на полугодие) при наличии сведений о ситуациях, требующих незамедлительного вмешательства», а также для «выездов в территориальные образования с неблагоприятной обстановкой».

В целях поддержания постоянной коммуникации с населением в органах прокуратуры функционируют «горячие линии». «Горячая линия» представляется комплексом реализуемых в рамках определенной ситуации действий по приему, регистрации и учету устных обращений, поступающих с использованием предусмотренных средств коммуникации. Вместе с тем порядок и особенности функционирования, а также наличие полномочия по созданию таковых органами публичной власти Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) не определены, в связи с чем предлагаем дополнить специализированный закон отдельными положениями, посвященными работе «горячих линий».

Личному приему характерно наличие следующих составляющих. Во-первых, непосредственное участие субъекта обращения, который в очном или дистанционном (при наличии технических возможностей) формате выражает адресату обращения свое волеизъявление. Во-вторых, адресатом обращения является либо руководитель органа или организации, либо иное уполномоченное должностное лицо, на которое возложено осуществление личного приема. В-третьих, дата, время и место проведения личного приема должны быть заранее установлены и определены. В-четвертых, волеизъявление гражданина излагается в устной форме, с возможностью предъявления письменного обращения. В-пятых, предусмотрена отдельная форма фиксации содержания обращения.

При этом С.П. Степкин отмечает, что «порядок организации личного приема Законом № 59-ФЗ детально не регламентирован», из-за чего дополнительно

регулируется иными нормативными правовыми актами [1, с. 151].

Согласно статье 13 Закона № 59-ФЗ личный прием проводится должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления, «информация о месте приема, а также об установленных для приема днях и часах доводится до сведения граждан».

Однако вопрос относительно обязанности проведения личного приема в организации, на которую возложено осуществление публично значимых функций, в обозначенной норме не оговорен. Учитывая, что на указанных адресатов распространяются полномочия, связанные с осуществлением реализации конституционного права граждан на обращение, полагаем необходимым дополнить статью 13 Закона № 59-ФЗ положением, согласно которому обязанность по проведению личного приема будет распространяться и на организации, осуществляющие публично значимые функции.

Отдельно следует отметить, что от руководителей требуется проведение личного приема. В то же время Закон № 59-ФЗ не отражает периодичность, с которой руководителям органов и организаций следует проводить личный прием. Полагаем, что обозначенный момент создает предпосылки для распространения практики самоустранения руководителей от проведения личного приема посредством «абсолютного игнорирования обязанности проведения личного приема» или «установления «инстанционности» личного приема» [2]. В связи с чем считаем необходимым дополнить статью 13 Закона № 59-ФЗ положением, согласно которому руководители органов и организаций должны проводить личный прием не реже одного раза в неделю.

Открытым остается вопрос относительно того, каким образом до сведения населения должна быть доведена «информация о месте приема, а также об установленных для приема днях и часах». Учитывая необходимость качественного информирования населения, а также для формирования единообразного подхода в органах публичной власти к обозначенному процессу предлагаем дополнить статью 13 Закона № 59-ФЗ положением, согласно которому информация о проведении личного приема будет доводиться до всеобщего сведения посредством официального сайта и информационных стендов, расположенных в доступных для всеобщего ознакомления местах.

Таким образом, подводя итог, нельзя не отметить положительные моменты в обеспечении органами прокуратуры законности при реализации конституционного права граждан на личное обращение. Однако для формирования единообразного подхода в органах публичной власти к реализации гражданами конституционного права на личное обращение необходимо принятие мер по совершенствованию действующего законодательства.

Библиографический список:

1. Обзор практики организации личного приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в 2025 году: информационное письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 10 марта 2026 г. № 24-03-2026. Документ официально опубликован не был.

2. Об утверждении Типового положения о мобильных и временных приемных органов прокуратуры Российской Федерации: приказ Генерального

прокурора Российской Федерации от 04.10.2021 № 575 // Законность. – 2021. – № 12.

3. Степкин, С.П. Пробелы правовой регламентации личного приёма граждан / С.П. Степкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 3. – С. 151–159.

4. Савоськин, А.В. Размышления о проблемах реализации конституционного права граждан обращаться лично / А.В. Савоськин // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 10. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ширяева Татьяна Юрьевна,
прокурор отдела по рассмотрению
обращений и приему граждан
прокуратуры Краснодарского края,
аспирант факультета подготовки
научных и научно-педагогических
кадров Университета прокуратуры
Российской Федерации

ГЕНЕЗИС ЗАКОННОСТИ С МОМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА, СООТНОШЕНИЕ С ПУБЛИЧНО- ПРАВОВЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ

Институт законности российского государства имеет многовековую историю, исследование которой необходимо для понимания перспектив развития данного явления на современном этапе развития страны.

Представления о «законности» у восточных славян возникает ещё до появления писаного права, на уровне устных правовых обычаев. Имело место не единое действующее право целого народа, а дробные обычаи отдельных местностей: «Нашъ начальный лѣтописецъ различаетъ, напримѣръ, обычаи полянь отъ обычаевъ древлянъ» [1].

На этом этапе законность воспринималась как синоним справедливости, правды и истины. Её основу составлял неписанный свод племенных обычаев – «Закон Русский», включавший принцип талиона и кровную месть.

К первым писаным актам, содержащим зачатки «идей законности», можно отнести русско-византийские договоры X века, отдельные статьи которых также упоминают о «Законе Русском»: «Аще ли ударить мечем то ударение да вдаеть литр 5 сребра по закону (покону) Рускому» [2].

На ранних этапах становления Древнерусское государство законодательно закрепляло право применения мер принуждения за частными лицами, в частности Краткой редакцией Русской Правды предусматривалось: «Убить мужь мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына» [3].

Если месть была невозможна, потерпевший получал право самостоятельно взыскать с виновного установленный государством штраф: «Оже ли себе не может мстити, то взяти ему за обиду 3 гривне» [3].

Данный факт возможно объяснить тем, что на начальных этапах развития государство самостоятельно не справлялось с функцией охраны правовых норм от нарушений, в связи с чем делегировало часть полномочий в этой сфере гражданам.

По мере укрепления власти великого князя устанавливаются единые процессуальные нормы, а возможность применения принуждения является исключительным правом государства.

Судебник Ивана III обличает законность в единую форму – зафиксированный на бумаге свод правил, действующий на территории всего формирующегося Русского централизованного государства. Устанавливаются унифицированные процессуальные нормы. Суд – прерогатива государства, а не расправа, осуществляемая частными лицами. Регламентируется процедура проведения судебного заседания: «Судите суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком» [4]. Судебный поединок («поле») допускается, но назначается судом, то есть санкционируется государством.

Выделяются основные формы судопроизводства: «суд» (состязательный) и «сыск» (разыскной), заложив базис для дальнейшего процессуального права. «Суд» подразумевал равноправие сторон, в «сыском» же процессе инициатором разбирательства, обвинителем и судьей являлось само государство.

На законодательном уровне в целях получения признания вины закрепляется возможность применения такого инструмента государственного принуждения, как пытка. При этом порядок её применения строго регламентировался: на основании коллегиального решения суда и целовальников (представителей народа), при обвинении в тяжких преступлениях (разбой, убийство), в случае сбора недостаточного количества доказательств в ходе сыска.

Закрепляется исключительное право государства на применение высшей меры государственного принуждения – смертной казни. Строго регламентируется процедура её осуществления. Дела рассматриваются судом боярина при участии дьяка. Самосуд, насилие, осуществляемое частными лицами, запрещено и наказывается штрафом.

Можно сделать вывод, что в процессе развития законность эволюционировала из горизонтальной плоскости (где конфликты между равными субъектами разрешались посредством применения обычаев, а принуждение носило частный и имущественный характер) в вертикальную (преследование виновных лиц государством в строгом соответствии с писанным законом).

Теоретически можно представить ситуацию, при которой «если бы общество все состояло из людей святых, принуждение было бы совершенно излишне» [5]. В таком случае для регулирования общественных отношений было бы достаточно методов убеждения, поощрения, стимулирования.

Однако реальная статистика свидетельствует об обратном. По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, за период с января по сентябрь 2025 года было зарегистрировано 1 356,5 тыс. преступлений [5].

В условиях, когда отдельные лица игнорируют установленные нормы поведения, государство вынуждено защищать интересы граждан путём воздействия на физические, имущественные, моральные и иные сферы жизни

нарушителей. Одного убеждения в таких случаях недостаточно – возникает объективная необходимость применения принуждения.

Принуждение выступает неотъемлемым элементом и важнейшей гарантией обеспечения законности. Как верно отметил В.Н. Кудрявцев, «представление об обязательности права складывается из идеи о его социальной ценности плюс понимания наличия мер государственного принуждения, гарантирующих исполнение закона» [6].

Вместе с тем «в условиях правовой государственности безусловным критерием легальности и легитимности государственного принуждения должно стать соблюдение его пределов» [7]. В иных случаях есть вероятность его перехода в произвол, что исключает состояние законности.

Библиографический список:

1. Лекции и исследования древней истории русского права. Второе изд. дополненное / В.И. Сергеевич. – С.-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 7.
2. Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. – М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1. – С. 7.
3. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. – М. : Проспект, 2000. – С. 4.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М. : Юридическая литература, 1985. – С. 54.
5. Данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/72174303/>
6. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юридическая литература, 1978. – С. 131.
7. Уздимаева, Н.И. Понятие, содержание и признаки государственного принуждения / Н.И. Уздимаева, М.С. Холодов. – Текст : электронный // Этнос и право : сетевое изд. – 2018. – № 4. – URL: <https://ep.mrsu.ru/journal/4-18/Usdimaeva.html> (дата обращения: 17.05.2026).

Шишкин Олег Евгеньевич,
аспирант 1 курса обучения кафедры
теории и истории государства и права
факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

В настоящее время, сопровождающееся постепенным становлением эпохи информационного общества по всему миру, наступление которой связано и обусловлено непрекращающимся ростом в геометрической прогрессии количества данных, ориентация человека «в пространстве» становится всё более сложной задачей. Не случайно Р.Ф. Абдеев, характеризуя складывающуюся ситуацию в обществе, обращал внимание на тот факт, что «...вал информации накрывает нас с головой. Мы тонем в этом море информации. В каждой области знания информация удваивается меньше, чем за десять лет. Количество производителей информации и расходы на её производство растут не по дням, а по часам» [1, с. 77–79]. Указанное явление в науке нередко именуют как «информационный взрыв».

Кроме того, как отмечал Ж. Бодрийяр, происходит «процесс обезличивания кодов, их подмены, исчезновения, что характерно для чистой симуляции. Симулякр олицетворяет подмену слова и конвенциональных значений. В итоге мир символики, как носителя значений, становится неузнаваемым для человека» [4]. Симуляция, в свою очередь, приводит к совмещению в сознании индивидов всего реального с её моделями. При этом граница между действительностью и непосредственно симуляцией перестает существовать. Действительное, замечает Ж. Бодрийяр, «...не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально... Речь идёт о субституции, подмене реального знаками реального» [2, с. 6–7]. При этом «устранение этого реального порождает главным образом создание его операционального знакового двойника» [4].

При таких обстоятельствах абсолютно закономерно происходит процесс «дробления» человека, на смену индивидууму (неделимому) приходит дивидуум (делимый) [3, с. 106–107], а также процесс фрагментации общества, что, в свою очередь, указывает на дезориентацию людей, усложнение понимания ими устройства и функционирования как отдельных общественных отношений, так и социума в целом.

Указанное, несомненно, отражается и на праве как одном из ключевых институтов общества, на что акцентирует внимание социолого-правовой подход, постулирующий неразрывную связь всех общественных явлений (как систем) с социумом (как метасистемой по отношению ко всем без исключения

общественным явлениям), следовательно, перемены в социуме с необходимостью приводят к трансформации сущности права, а значит, к изменению его понимания людьми. Не случайно А. Турен обращал внимание на уменьшение степени интеграции современного общества. Она соответствует менее стабильной модели организации [4]. При таких обстоятельствах, обусловленных складывающимися в социуме специфическими условиями, как никогда ранее возрастает актуальность роли права как социального регулятора общественных отношений в процессе обеспечения гомогенности социума, а также его стабильности и нормального функционирования. Законность, в свою очередь, выступает одним из столпов, на котором зиждется право, одним из элементов его фундамента. Способствовать функционированию законности, в свою очередь, призван ряд особых мер – способов её обеспечения.

Теоретические предпосылки и результаты исследования. В теории права феномен «законность» проявляется в трех основных его аспектах (как принцип, как метод, как режим). Рассматривая законность как режим в социолого-правовом измерении, способ обеспечения законности будет представлять собой меру, используемую определенным образом после проведения процедуры толкования сведений, выводимых в ходе функционирования режима законности (как в целом, так и отдельных его стадий), которая (процедура) осуществляется для получения достоверной информации: о действительном состоянии правопорядка, что позволяет спрогнозировать с определенной степенью точности дальнейшую его (правопорядка) динамику; об уровне эффективности права; а также о порядке будущего использования мер для обеспечения стабильности социума.

Правовой мониторинг применительно к указанному подходу о понимании законности и способов её обеспечения будет рассматриваться как механизм контекстуальной оценки (поскольку оценка проводится не в вакууме, а с учетом той ситуации, в которой объект функционирует, с учетом факторов, на него влияющих) текущего уровня эффективности элемента объекта. Под понятием «объект» в указанной дефиниции понимается либо законодательство, либо правоприменительная практика, определяющие проявление (аспект) правового мониторинга как способа обеспечения законности. Эффективность, в свою очередь, выражается в выполнении возложенной на объект (его элемент) функции (для законодательства – это качественное регулирование общественного отношения; для правоприменительной практики – правильная интерпретация сущности правовой нормы, правильная оценка ситуации, в которой данная норма права будет применяться, а также правильное применение правовой нормы сквозь призму указанной ситуации, с учетом её специфики). Рассмотрим применение каждого из указанных двух аспектов (видов) правового мониторинга с учетом его релевантности определенной стадии режима законности.

Так, на первой стадии (возникновение потребности в нормативно-правовом регулировании) правовой мониторинг законодательства особо актуален в ситуации, когда норма права не реализуется в правоприменительной практике, поскольку при таких обстоятельствах проблема в первую очередь заключается в отсутствии необходимости регулирования общественных отношений или в отсутствии процедуры применения указанной нормы, выявить

которую (проблему) призвана данная разновидность правового мониторинга. Мониторинг правоприменительной практики на данной стадии, в свою очередь, необходим в ситуации неоднородности или противоречивости существующей правоприменительной практики, наличие которых приводит к низкому уровню эффективности правовой нормы.

На второй стадии режима законности (объективация потребности в конкретной форме внешнего выражения права) наиболее актуальным представляется правовой мониторинг законодательства, регламентирующего процедуру реализации принимаемой правовой нормы (отсутствие действенного порядка применения материальной нормы с неизбежностью приводит к появлению «мертвых норм») [5], а также правовой мониторинг практики применения норм права, регламентирующих указанную процедуру (наличие процедуры реализации в правовом порядке материальной нормы, порождающей неоднородную правоприменительную практику, также приводит к низкому уровню эффективности принимаемой материальной нормы).

Особенно релевантен третьей стадии режима законности (реализация принятой нормы права в правовом порядке) правовой мониторинг правоприменительной практики, поскольку именно благодаря данному типу (аспекту) мониторинга представляется возможным выявить необходимость в инициировании первой стадии режима законности.

Подводя итог изложенному, отметим, что при переходе к эпохе информационного общества, сопровождающемся приведенными в настоящем исследовании фундаментальными изменениями, роль права как регулятора общественных отношений становится ещё более vitalной для нового типа социума. В связи с этим для общества является критически необходимым эффективная реализация правом интегрирующей социум функции, обеспечить которую призвана законность, позволяющая обнаружить недостижение указанной цели каждой конкретной правовой нормой. Способствовать реализации законностью (как режима) данной генеральной задачи призваны способы её обеспечения, к которым относится правовой мониторинг, являющийся многоаспектным способом обеспечения законности, включающим правовой мониторинг законодательства, а также правовой мониторинг правоприменительной практики. При этом данный способ обеспечения законности представляет собой действенный механизм обеспечения законности как режима на всех без исключения его стадиях. Указанное также находит подтверждение в предоставлении органам власти (например, системе органов прокуратуры Российской Федерации) обширных полномочий по проведению правового мониторинга.

Библиографический список:

1. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации: диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века : учеб. пособие / Р.Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 335 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – (Технология свободы).

3. Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М. : Академический проект, 2021. – 503 с. – Текст : непосредственный.

4. Игнатьев, В.И., Пальцева, Е.А. Человек в виртуальных сетях. Жизнь после «информационного взрыва» / В.И. Игнатьев, Е.А. Пальцева // Идеи и идеалы. – 2017. – № 4 (34). – С. 84–94.

5. Честнов, И.Л. Что есть право? / И.Л. Честнов // Правоведение. – 2013. – № 3 (308). – С. 229–237.

Штрикова Антонина Анатольевна,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

Современное российское государство, провозглашая себя социальным государством в соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации¹, берет на себя не только декларативные обязательства, но и конкретные юридические функции по обеспечению достойного уровня жизни человека. В этом контексте особое место занимает категория несовершеннолетних как наиболее уязвимая социальная группа, нуждающаяся в усиленной правовой защите. Право ребенка на достойный уровень жизни представляет собой сложный, межотраслевой правовой институт, включающий совокупность социальных, экономических и культурных гарантий. Однако сама по себе нормативная фиксация прав не обеспечивает их реального осуществления. Именно здесь проявляется ключевая роль прокуратуры Российской Федерации как универсального надзорного органа, призванного обеспечивать верховенство закона и восстановление нарушенных прав.

В российском законодательстве отсутствует определение «достойного уровня жизни детей», как и понятия достойного уровня жизни граждан в целом. В связи с чем обратимся к положениям международного права, определяющим некоторые параметры достойного уровня жизни детей.

В частности, статья 27 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года² прямо указывает на обязанность государств-участников признавать право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Данное положение корреспондирует нормам российского законодательства, включая Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 : (вступила в силу для СССР 15.09.1990). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ребенка в Российской Федерации»¹, который конкретизирует механизмы реализации этих прав.

Тем не менее правовая реальность демонстрирует устойчивый разрыв между нормативной моделью и фактическим положением дел. В этой связи деятельность прокуратуры приобретает не только надзорный, но и компенсаторный характер, восполняя недостатки функционирования иных государственных институтов. Таким образом, представляется обоснованным рассмотрение прокуратуры не просто как органа надзора, а как активного участника формирования социально-правового пространства защиты детства, способного влиять на качество реализации прав посредством механизмов правоприменения и правовой политики.

Прокурорский надзор за исполнением законов в рассматриваемой сфере имеет комплексный характер, охватывающий широкий спектр общественных отношений – от обеспечения доступа к образованию и медицинской помощи до реализации жилищных прав и мер социальной поддержки. При этом специфика деятельности прокуратуры заключается в её универсальной компетенции, позволяющей использовать предоставленные законом полномочия для корректировки деятельности различных органов и организаций при наличии нарушений закона.

Не менее значимым направлением является надзор за соблюдением прав несовершеннолетних в сфере образования. Конституционное право на образование, закрепленное в статье 43 Конституции РФ, предполагает его доступность и бесплатность в пределах государственных стандартов. Однако прокурорские проверки регулярно выявляют факты незаконных сборов денежных средств, нарушения условий обучения, несоблюдения санитарно-эпидемиологических норм и другие нарушения. Вмешательство прокуратуры в таких случаях не только способствует устранению конкретных нарушений, но и обеспечивает превентивное воздействие на деятельность и решения руководителей образовательных организаций, способствуя повышению дисциплины правоприменителей.

В сфере здравоохранения проблемы носят ещё более сложный характер. Ограниченность ресурсов, неравномерность их распределения, а также организационные недостатки системы здравоохранения приводят к тому, что права несовершеннолетних на получение своевременной и качественной медицинской помощи нередко нарушаются. Особенно остро стоит вопрос обеспечения детей-инвалидов необходимыми лекарственными препаратами и средствами реабилитации. В подобных ситуациях прокурор выступает как гарант минимальных социальных стандартов, добиваясь их соблюдения в судебном и внесудебном порядке.

В настоящее время перед органами прокуратуры стоит задача трансформации модели прокурорского надзора от преимущественно реактивной к проактивной. Это предполагает не только реагирование на уже совершенные нарушения, но и их предупреждение на основе результатов системного анализа

¹ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

существующих рисков и развития механизмов межведомственного взаимодействия.

Представляется обоснованным мнение Ю.О. Карпышевой, согласно которому «проактивным будет надзор, который соответствующим образом организован и направлен на своевременное принятие мер в случаях, когда некоторые нарушения закона уже допущены и реагирование на них необходимо в том числе для предотвращения в долгосрочной перспективе более серьезных нарушений закона» [1, с. 94].

Также полагаем, что особую перспективу представляет дальнейшая цифровизация прокурорской деятельности. По мнению Д.В. Шабарова, Ю.Б. Алексеевой, О.Г. Повжик, развитие цифровой инфраструктуры способно повышать объективность получаемой органами прокуратуры информации для проведения анализа состояния законности, обеспечения объективности и справедливости при принятии решений, от которых может зависеть судьба отдельно взятого человека или общества в целом [3, с. 12–13]. При этом использование информационных технологий позволяет существенно повысить эффективность выявления нарушений, в том числе за счёт анализа больших данных, интеграции информационных систем различных ведомств и автоматизации процессов мониторинга. В условиях цифровой трансформации государства прокуратура может стать одним из ключевых субъектов формирования «умного надзора», ориентированного на раннее выявление угроз правам несовершеннолетних.

Однако особая роль органов прокуратуры не ограничивается только возможностью использовать полномочия надзорного характера. Важное значение имеет и участие прокурора в судебной защите прав несовершеннолетних. В соответствии со статьей 45 ГПК РФ прокурор вправе обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, включая несовершеннолетних. Практика показывает, что такие обращения зачастую становятся единственным эффективным способом восстановления нарушенных прав, особенно в случаях, когда несовершеннолетние или их законные представители не способны самостоятельно защитить свои интересы.

Результаты анализа судебной практики свидетельствует о том, что значительное количество дел, рассматриваемых по искам прокуроров, связано с обеспечением жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Несмотря на наличие законодательных гарантий, закрепленных, в частности, в Федеральном законе «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ, на практике органы исполнительной власти нередко допускают нарушения сроков предоставления жилья либо предоставляют жилые помещения, не соответствующие установленным требованиям. В этих условиях прокурорское вмешательство становится ключевым фактором восстановления справедливости.

Важным направлением является также развитие правового просвещения. Как отмечено А.Ф. Галузиным, «...правовое просвещение прокуратуры, включающее пропаганду права, предстает особым видом образования граждан: способом оказания превентивной правовой помощи населению в несовершенно

и предупреждении правонарушений, в самозащите своих прав, сочетаемой с конкретной прокурорской юридической помощью – правозащитной посредством применения мер прокурорского надзора, содействующих укреплению правопорядка и реализации законности» [2, с. 13].

Формирование у граждан, включая самих несовершеннолетних, понимания своих прав и механизмов их защиты способствует снижению уровня правонарушений и повышению эффективности правоприменения. В этом контексте прокуратура может выступать не только как надзорный, но и как образовательный институт.

Следует признать, что в своей деятельности органы прокуратуры сталкиваются с обстоятельствами, осложняющими реализацию функций надзорного и ненадзорного характера. Среди серьезных проблем можно выделить недостаточную согласованность действий различных органов публичной власти, несовершенство нормативного регулирования, а также ограниченность ресурсов. Однако эффективность деятельности органов прокуратуры во многом зависит от способности прокуроров адаптироваться к меняющимся условиям, использовать современные технологии и выстраивать конструктивное взаимодействие с другими субъектами.

Таким образом, деятельность прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав несовершеннолетних на достойный уровень жизни представляет собой сложный, многогранный процесс, сочетающий элементы надзора, правоприменения, правотворчества и социальной политики.

В заключение следует отметить, что обеспечение прав несовершеннолетних на достойный уровень жизни является индикатором зрелости правового государства. Прокуратура, обладая уникальными полномочиями и инструментами воздействия, играет ключевую роль в этом процессе. Однако для достижения устойчивых результатов необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, развитие институциональной среды и повышение уровня правосознания общества.

Библиографический список:

1. Карпышева, Ю.О. О проактивности и стратегическом планировании прокурорской деятельности / Ю.О. Карпышева // Политика и Общество. – 2024. – № 3. – С. 90–98.
2. Галузин, А.Ф. Юридическое образование как функция прокуратуры / А.Ф. Галузин, А.С. Русских // Вестник Самарского юридического института. – 2016. – № 1 (19). – С. 11–14.
3. Шабаров, Д.В., Алексеева, Ю.Б., Повжик, О.Г. Цифровая трансформация органов прокуратуры России: современное состояние и перспективы развития / Д.В. Шабаров, Ю.Б. Алексеева, О.Г. Повжик // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 5–15.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (последняя редакция). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Яблоновская Валерия Андреевна,
помощник прокурора
Шахтерского района прокуратуры
Донецкой Народной Республики

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Теории уголовного права свойственна многогранность толкования того или иного понятия. От толкования зависит практика применения законодательства и правильность его применения при решении сложных задач. От эффективности и качества выполнения задач, поставленных перед уголовным законодательством Российской Федерации, зависит общий уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

С философской позиции понимания, имеющей актуальность и на сегодняшний день, И. Бентам предлагал под объектом преступления понимать «общественный интерес как сумму интересов (польз) индивидов» [1, с. 573]. Приведенное И. Бентамом содержание понятия «объект преступления» является весьма объемным, и реализовать его в современном законодательстве невозможно, однако в нем имеется ключевое слово «общественный интерес», и это позволяет рассматривать в качестве объекта «отношения в сфере собственности». Подобные отношения основываются на интересе и порождают право собственности, например, когда человек приобретает вещь (при её покупке человек руководствуется экономическим либо же потребительским интересом).

Иное содержание понятия «объект преступления» можно встретить у К. Биндинга, который считал, что под объектом уголовно-правовой охраны следует понимать социальные ценности как условие здорового существования общества [2, с. 329].

Мнение автора можно отождествлять с целями «здорового» государства или уголовного законодательства, но сложно формально сопоставить с уголовно-правовой нормой. О социальных ценностях также писал Ю.И. Гревцов

и считал, что социальные ценности являются инструментом общества для самоидентификации и тем, что помогает себя сохранять как общество. При этом социальные ценности создаются самим народом и являются его продуктом [3, с. 509]. Приведенные суждения социолога наталкивают на вывод о том, что собственность является законной социальной собственностью субъектов, проживающих в государстве.

Схожие идеи К. Бендинга на объект преступления выдвигали такие отечественные ученые, как Н.В. Краинский, Н.О. Лосский, А.В. Маклецов, М.П. Чубинский, считавшие, что объектом преступления является определенное морально-нравственное состояние общества. Такой подход направлен на упорядочивание и сбалансирование социальной системы в государстве, а в качестве цели предлагается обеспечение социального баланса [4, с. 6].

Двойственное видение на объект преступления было у А.Ф. Бернера. Так, он выдвигал два объекта – «непременный» и «общий». К первому он относил субъективные права лиц, к которым иногда относились религия и нравы. Ко второму – волю государства, сформулированную в законе [5, с. 310, с. 398]. «Непременный» объект преступления в современных реалиях совместить с собственностью невозможно, а второй – общий – не соответствует основному источнику «воли» – Конституции Российской Федерации, так как она содержит волю народа, а не власти.

Сформировавшийся советский нормативизм позволил ученым по-другому рассматривать объект преступления. Так, Н.С. Таганцев считал, что объектом являются «...правовые нормы в их реальном бытии». Г.А. Русанов и А.А. Арямов обращают внимание на тот факт, что представители академического уголовного права считали, что под объектом преступления понимаются правоотношения, на которые направлены действия субъекта преступления.

В то же время указанные представители критиковали Н.С. Таганцева и не поддерживали его взгляды на объект преступления, игнорируя в его определении слова «в их реальном бытии», и по факту получалось, что Н.С. Таганцев предлагал понимать под объектом преступления исключительно «правовые нормы», что в корне является не верным [6, с. 8].

Изложенная позиция Н.С. Таганцева и представителей ортодоксального советского уголовного права полностью вписывается в современную концепцию уголовного законодательства Российской Федерации и сложившейся практики определения объекта преступления против собственности. Исходя из анализируемого подхода, считаем необходимым привести пример определения объекта преступления против собственности.

Ещё более точно объект, охраняемый уголовным законом, был сформулирован в РСФСР в 1919 г. в ст. 3, 6, 7 основного уголовного закона, и под ним понимались общественные отношения, охраняемые законом. В 1950-х годах аналогичная ситуация, как и в 1919 г., однако концептуально это выражалось через обеспечение «здорового» функционирования социального строя.

В годы Второй мировой войны взгляды теоретиков уголовного права были весьма разными, например, предполагалось под объектом преступления

рассматривать: государственные интересы [7, с. 11]; имущество в смысле совокупности вещей [8, с. 8] и др.

Можно заметить, что с 1919 г. по 1950 г. объект преступления имел прямую зависимость от конституционных основ, например, до Второй мировой войны это был социализм и, следовательно, отношения связывались со словами «социальный», «социалистический» и другими словами в этом направлении.

Во время ведения войны основные силы государства направляются на мобилизацию всех государственных сил, в том числе и на обеспечение правопорядка в государстве. Война показала массу примеров, когда законодательство впитывает сложившиеся условия. Так, мы можем отметить, что для надлежащего обеспечения правопорядка научное сообщество имело массу разных мнений на определение объекта преступления, ярким примером является установление в качестве объекта государственных интересов.

Критические взгляды на объект преступного посягательства в уголовном праве Российской Федерации сформировались в начале 1990-х годов. Считалось, что слова «общественные отношения», вложенные в понятие объекта преступления, не дали возможности обеспечить законодательную и правоприменительную практики [8, с. 103]. При этом неоднократно утверждалось, что общественные отношения сами по себе не существуют и входят в круг научной абстракции, но никак не соотносятся с юридическими категориями, присущими уголовному праву.

Учитывая научные дискуссии, которые велись вокруг понятия «общественные отношения», Г.В. Мокроносов предложил собственное видение на содержание понятия «общественные отношения». Так, он в абстракции предлагал под данным понятием понимать специфическую форму жизнедеятельности людей.

По нашему мнению, общественные отношения необходимо рассматривать во взаимосвязи системы законодательства, а не отделять рассматриваемое понятие от юридических категорий. Из данного предложения следует, что система законодательства – это среда, в которой возникают и прекращаются общественные отношения, поскольку современное законодательство охватывает все сферы общественной жизни населения Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Бентам, И. Введение в основы нравственности и законодательства / И. Бентам // Избранные труды. – Т. 1. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – 678 с.
2. Binding, K. Die Normen und ihre Ubertretung. Leipzig, 1922. B. 1. S. 329.
3. Гревцов, Ю.И. Социология права : курс лекций / Ю.И. Гревцов ; Ассоц. юрид. центр, Юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 310 с.
4. Chubinski, M.P. Problemi zjednacavanja prava u ujedinje nomkraljevstvu I osnov neodredbeprojectasrpskog kaznenog zakonika. Belgrad, 1921. S. 6.
5. Бернер, А.Ф. Учебник уголовного права: Части: общ. и особ. / [Соч.] А.Ф. Бернера; с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству

положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова; пер. и изд. Н. Неклюдова. В 2 т. – Т. 2. – Санкт-Петербург, 1867. – 364 с.

6. Русанов, Г.А. Преступления против собственности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Г.А. Русанов, А.А. Арямов. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 174 с.

7. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – Москва : Юрид. изд-во, 1948 (Ленинград: тип. им. Евг. Соколовой). – 466 с.

8. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В.Б. Малинин. В 36 т. – Том 4 / В.Н. Кудрявцев, Н.И. Коржанский [и др.]. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. – 789 с.

Ягольницкий Сергей Андреевич,
помощник прокурора Гагаринского района
города Севастополя

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАЧАЛЬНОЙ (МАКСИМАЛЬНОЙ) ЦЕНЫ КОНТРАКТА, ЦЕНЫ КОНТРАКТА, ЗАКЛЮЧАЕМОГО С ЕДИНСТВЕННЫМ ПОСТАВЩИКОМ, ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА НА ОКАЗАНИЕ ОХРАННЫХ УСЛУГ

Прокуратурой Гагаринского района города Севастополя по поручению прокуратуры города Севастополя проведена проверка исполнения законодательства о закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в части определения начальной (максимальной) цены контракта (цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком) (далее – НМЦК).

Так, по результатам проведенной проверки прокуратурой района внесено 24 представления об устранении нарушений федерального законодательства, их причин и условий, что свидетельствует об актуальности выбранной темы.

Частью 22 статьи 22 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) установлено, что Правительство РФ имеет право устанавливать сферы деятельности, в которых применяется особый порядок определения НМЦК [1].

Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 08.05.2020 № 645 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на установление порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок охранных услуг» порядок определения НМЦК при осуществлении государственных закупок охранных услуг устанавливается Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации [2].

Такой порядок установлен приказом Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 15 февраля 2021 г. № 45 «Об утверждении Порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок охранных услуг» (далее – Порядок) [3].

Расчет НМЦК по формуле, установленной Порядком, учитывает множество параметров, зачастую упускаемых государственными заказчиками в целях снижения стоимости закупаемых охранных услуг.

Проведенной проверкой установлено, что многие государственные заказчики осуществляют расчет НМЦК по формуле, установленной Порядком, вместе с тем ссылаясь на недостаточность доведенных до учреждения лимитов плана финансово-хозяйственной деятельности, используют более дешевый и не учитывающий все затраты охранной организации метод сопоставимых рыночных цен.

НМЦК, рассчитанное в соответствии с Порядком, действительнократно превышает НМЦК, рассчитанное методом сопоставимых рыночных цен.

Вместе с тем такой способ расчета не может обеспечить охранным предприятиям достаточное финансирование, которое могло бы использоваться в целях улучшения качества предоставляемых охранных услуг, повышение фонда оплаты труда в данной сфере и, как следствие, увеличение уровня безопасности государственных объектов, охрану которых осуществляют частные охранные организации.

В ходе проверки установлено, что финансирование государственных заказчиков, доводимое главными распорядителями бюджетных средств, действительно, является недостаточным для обеспечения заключения контрактов с НМЦК, рассчитанным в соответствии с Порядком.

Таким образом, данная проблема является системной и её причиной является неправильное распределение бюджетных средств, которое приводит к неспособности государственных заказчиков исполнить требования законодательства, так как заключение контракта на сумму, превышающую соответствующую позицию плана финансово-хозяйственной деятельности, также является незаконным.

В то же время простейшим решением обозначенной проблемы является использование государственными заказчиками конкурентных способов закупки, так как в данном случае представляется возможным заключение контракта по конкурентной цене, соответствующей выделенным средствам.

Так, одним из поднадзорных государственных интересов в первом квартале 2026 года с единственным поставщиком заключен государственный контракт на охранные услуги. Проведенной проверкой установлено нарушение порядка определения НМЦК.

Вместе с тем во время действия государственного контракта, заключенного с нарушением действующего законодательства, государственным заказчиком проведена конкурсная процедура определения поставщика в целях заключения государственного контракта на охранные услуги на основании запроса котировок.

Установлено, что заключенный конкурентным способом государственный контракт соответствует требованиям к определению НМЦК.

Однако в силу длительности указанной процедуры и невозможности её проведения до доведения плана финансово-хозяйственной деятельности, а также до составления государственным заказчиком плана закупок, заключение государственного контракта конкурентным способом не представляется возможным.

Таким образом, в настоящее время государственные заказчики попадают в ситуацию, при которой соблюдение действующего законодательства, вследствие обстоятельств, не зависящих непосредственно от него, является невозможным.

Библиографический список:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 15.05.2026).

2. О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на установление порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок охранных услуг : постановление Правительства РФ от 08.05.2020 № 645 (ред. от 18.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352217/ (дата обращения: 15.05.2026).

3. Об утверждении Порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок охранных услуг : приказ Росгвардии от 15.02.2021 № 45 (Зарегистрировано в Минюсте России 28.04.2021 № 63259) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383133/ (дата обращения: 15.05.2026).

Ященко Юлия Николаевна,
старший прокурор отдела по надзору
за следствием МВД по Республике Крым
управления по надзору за уголовно-
процессуальной и оперативно-разыскной
деятельностью прокуратуры Республики Крым

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ПО ОБНАЛИЧИВАНИЮ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МНИМЫХ ДОГОВОРОВ

Мошенничество с использованием мнимых договоров для обналичивания бюджетных средств – одна из наиболее распространенных и социально опасных

схем хищения бюджетных денежных средств. Такие действия не только причиняют значительный материальный ущерб, но и подрывают авторитет власти и доверие к государственным институтам.

Квалификация подобных деяний сопряжена с рядом правовых и практических сложностей, связанных с разграничением составов преступлений, а также доказательственной базой и особенностями правоприменительной практики.

Мошенничество в сфере бюджетных средств регулируется ст. 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за хищение чужого имущества или приобретение права на него путём обмана или злоупотребления доверием.

Мнимый договор – сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать правовые последствия. В контексте хищения бюджетных средств это может быть договор на выполнение работ, поставку товаров или оказание услуг, которые фактически не осуществляются, но служат основанием для перечисления средств, а также договор купли-продажи жилья без наступления юридических последствий в виде проживания в нём собственника.

Ключевое отличие указанного вида преступления от иных, наиболее похожих составов, таких как нецелевое расходование бюджетных денежных средств (ст. 285.1 УК РФ) или присвоения/растраты (ст. 160 УК РФ), заключается в том, что при мошенничестве виновный вводит в заблуждение потерпевшего, создавая видимость исполнения обязательств, тогда как при нецелевом расходовании средств специальный субъект преступления – должностное лицо – использует бюджетные ресурсы на не предусмотренные целями договора нужды, не создавая при этом ложных документов. Присвоение и растрата предполагают хищение вверенного имущества, а не использование мнимых сделок. Предметом мошенничества в данном случае являются бюджетные средства, которые перечисляются на счета подконтрольных лиц или организаций по результатам заключения сделок с использованием договоров.

На практике зачастую возникают трудности с установлением факта мнимости договора, особенно если документы оформлены грамотно, а умысел на незаконное получение бюджетных денежных средств тщательно замаскирован под гражданско-правовые отношения. В таких случаях органам предварительного расследования необходимо тщательно восстанавливать всю цепочку событий и участников, получать как прямые, так и косвенные доказательства совершенного преступления, потому что иногда действия, формально подпадающие под признаки мошенничества, на самом деле являются гражданско-правовыми спорами, что требует тщательного анализа обстоятельств дела.

Так, в частности под гражданско-правовые отношения замаскирован способ хищения бюджетных денежных средств при обналичивании бюджетных денежных средств, выделяемых Правительством Российской Федерации в целях меры социальной поддержки граждан, вынужденно покинувших г. Херсон и часть Херсонской области.

Риелтором одного из агентств недвижимости Д., которая действовала совместно с неустановленными лицами для достижения своей преступной цели в виде завладения бюджетными денежными средствами, привлечена Б., относящаяся к категории граждан, имеющих право на получение выплаты на

приобретение жилья в соответствии с постановлением № 909, для совершения преступления. В последующем Д., действуя совместно с Б. и иными неустановленными лицами, под предлогом приобретения в долевую собственность жилого помещения, расположенного на территории г. Керчи в Республике Крым, на основании выданных государственных жилищных сертификатов, предоставили в Министерство жилищной политики и государственного строительного надзора Республики Крым пакет документов, содержащий в том числе договор купли-продажи Б. ½ доли в квартире, собственником которой выступала сама же Д., имеющей фактическую стоимость сертификата, в которой Б. не собиралась проживать и в последующем безвозмездно вернула продавцу. Полученные бюджетные денежные средства в сумме 2 928 321 рублей распределили между собой и в дальнейшем распорядились ими по своему усмотрению. В дальнейшем жилое помещение было продано 3 раза по аналогичной схеме.

Как видно из указанного выше примера, одним из явных признаков уголовно наказуемого деяния является отсутствие юридических последствий заключенного мнимого договора в виде неисполнения условий договора, за которые переданы денежные средства, таких как выполненные работы, поставленные товары, оказанные услуги, а также проживание собственников в приобретенном жилье.

В целях совершенствования работы по выявлению указанных преступлений необходимо тщательно изучать все обстоятельства преступлений указанной категории, совершенных с использованием мнимых договоров, чтобы исключить в дальнейшем неверную квалификацию или наличие гражданско-правовых отношений.

Таким образом, квалификация мошеннических действий с использованием мнимых договоров для обналичивания бюджетных средств требует комплексного подхода, учитывающего как правовые нормы, так и особенности правоприменительной практики. Решение выявленных проблем позволит повысить эффективность борьбы с такими преступлениями и минимизировать ущерб для бюджета.

Научно-популярное издание

КРЫМСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
«Обеспечение законности, правопорядка и общественной
безопасности в современных условиях»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

4 июня 2026 года

В авторской редакции

Макет и компьютерная вёрстка Кравчук А.Ф.
Корректор Миткалик И.В.

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 16,51. Тираж 21 экз. Заказ № 06е_109

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru